

СОЧИНЕНІЯ
ЛОРДА БАЙРОНА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ

ИЗДАННЫХЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ник. Вас. Гербеля

V

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Въ печати В. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15

1866

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

ГОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

Переводъ Дмитрія Минаева.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ VII И VIII ПѢСНЯМЪ.

Подробности осады Измаила, служащей сюжетомъ VII и VIII пѣсней, взяты изъ французскаго сочиненія «Histoire de la Nouvelle Russie». Нѣкоторые изъ случаевъ, приписываемыхъ въ нихъ Жуану— и между прочимъ спасеніе дѣвочки—дѣйствительно случились съ покойнымъ Дюкомъ Ришелье, бывшимъ въ то время молодымъ волонтеромъ на русской службѣ, впоследствии же основателемъ и благодѣтелемъ Одессы, гдѣ имя его всегда будетъ воспоминаемо съ уваженіемъ.

Въ этихъ пѣсняхъ читатель найдетъ одинъ или два стиха, касающіеся маркиза Лондондери; они были написаны за нѣсколько времени до его смерти. Еслибъ олигархія этого человѣка умерла вмѣстѣ съ нимъ, эти стансы, безъ сомнѣнія, были бы уничтожены; но такъ-какъ она продолжала жить и послѣ него, то я не вижу ни въ жизни его, ни въ его смерти ничего такого, чтобы могло воспрепятствовать свободному выраженію мнѣній всѣхъ тѣхъ, поработеніе которыхъ было цѣлью всего его существованія. Былъ ли онъ любезнымъ человѣкомъ въ *частной* жизни, или нѣтъ — объ этомъ мало кто заботится; что же касается до оплакиванія его смерти, то на это еще будетъ довольно времени тогда,

когда Ирландія перестанетъ оплакивать день его рожденія. Какъ министръ, это былъ одинъ изъ самыхъ деспотическихъ людей относительно намѣреній и изъ самыхъ слабыхъ относительно ума, которые когда-либо тираннизировали страну. И дѣйствительно, послѣ норманновъ въ первый разъ пришлось Англїи быть поруганною, и къмъ же? — министромъ, который даже не зналъ англійскаго языка! Въ первый разъ парламентъ позволилъ предписывать себѣ декретъ на языкѣ мистриссъ Малапропъ. *)

О томъ, какова была его смерть, немного можно сказать, кромѣ развѣ только того, что еслибъ какой-нибудь бѣдняга-радикалъ перерѣзалъ себѣ горло, то онъ былъ бы похороненъ гдѣ-нибудь на перекресткѣ съ обычными принадлежностями: коломъ и веревкой. Но министръ былъ элегантный лунатикъ, сантиментальный самоубійца: онъ только перерѣзалъ себѣ шейную артерію — и вотъ для него пышность и похороны въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, надгробныя слова печали, и вой, поднятый газетами, и похвальная рѣчь коронера надъ трупомъ умершаго — достойнаго Антонія такого достойнаго Цезаря — и противное и гнусное воспѣваніе разжалованной толпы заговорщиковъ противъ всего, что правдиво и честно. По роду своей смерти, по смыслу закона, онъ былъ или преступникъ или сумасшедшій — и ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не заслуживалъ

*) Лицо изъ комедїи Шеридана «Сеперники», говорящее англійскій языкъ.

панегирика. Въ жизни своей онъ былъ тѣмъ, чѣмъ знаетъ его весь свѣтъ и чѣмъ половина свѣта будетъ еще чувствовать многіе годы, не смотря на то, что смерть его должна служить «примѣромъ» для пережившихъ его Сеяновъ Европы. Хорошо, что хотя нѣкоторымъ утѣшеніемъ можетъ служить націямъ то, что ихъ притѣснители не бываютъ счастливы и иногда также строго судятъ о своихъ собственныхъ поступкахъ, какъ бы для того, чтобъ предупредить приговоръ надъ ними человѣчества. Но не будемъ болѣе говорить объ этомъ человѣкѣ, и пусть Ирландія перенесетъ прахъ своихъ Граттановъ изъ Вестминстера. Развѣ истинные патріоты человѣчества могутъ лежать вмѣстѣ съ Вертерами политики!

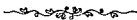
Въ отвѣтъ на возраженія, которыя были сдѣланы съ другого берега относительно уже напечатанныхъ пѣсней этой поэмы, я удовольствуюсь приведеніемъ двухъ цитатъ изъ Вольтера: «La pudeur s'est enfuie des coeur, et s'est refugiée sur les lévres»... «Plus les moeurs sont depravées, plus les expressions deviennent mesurées; on croit regagner en langage ce qu'on a perdu en vertu».

Это дѣйствительный фактъ, столько же примѣнимый къ униженной лицемѣрной массѣ, составляющей закваску настоящаго англійскаго поколѣнія, и не заслуживающей другого отвѣта, какъ тотъ, который мною приведенъ выше. Часто и расточительно употребляемый титулъ богохульника, которымъ, вмѣстѣ съ другими из-

мѣненіями, какъ-то радикалъ, либераль, якобинецъ, реформаторъ и т. п., наемники трубятъ въ уши всѣхъ желающихъ ихъ слушать, долженъ бы хорошо звучать для тѣхъ, которые вспомнятъ, кому онъ былъ пожалованъ въ началѣ. Сократъ и Иисусъ Христосъ были обречены на смерть, какъ *богохульники*, и такой же участи подверглись и будутъ подвергаться многіе, которые дерзаютъ противиться наиболѣе распространеннымъ злоупотребленіямъ имени Божьяго и человеческого ума. Но преслѣдованіе не есть опроверженіе и далеко не торжество: «несчастный, невѣрный», какъ они называютъ многихъ, вѣроятно гораздо счастливѣе въ своей темницѣ, чѣмъ самый гордый изъ нападающихъ на нихъ. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, справедливы или нѣтъ его воззрѣнія, но онъ пострадалъ за нихъ, а это-то страданіе за убѣжденіе дастъ болѣе деизму, чѣмъ примѣры иновѣрныхъ прелатовъ государству, государственные мужи-самоубійцы—притѣсненію, или получающіе пенсію челоуѣкоубійцы—нечистому союзу, оскорбляющему міръ титуломъ «священнаго». Я не имѣю намѣренія топтать ногами мертвыхъ и обезчещенныхъ, но было бы не дурно, если бы приверженцы тѣхъ классовъ, изъ которыхъ выходятъ такіе люди, нѣсколько поумѣрили свои восторженныя похвалы; эти похвалы въ настоящее барышническое и лжерѣчивое время самолюбивыхъ грабителей — вопіющій грѣхъ, п... — но пока довольно.

Пиза, іюль, 1822.

Байронъ.

ПѢСНЯ СЕДЬМАЯ.

I.

Любовь и слава! Съ очень давнихъ поръ
Вы среди насъ являлись, какъ видѣнье.
Такъ на небѣ июлярномъ метеоръ
Блеснетъ и пропадетъ въ одно мгновенье.
Окоченѣлые отъ стужи и зимы,
Блескъ тѣхъ свѣтилъ ловить любили мы:
Они переливаясь исчезали,
И снова мы свой темный путь свершали.

II.

Таковъ на этотъ разъ и мой романъ.
Онъ тянется, капризный и свободный,
Мѣняясь, какъ аврора хладныхъ странъ
Надъ степью безконечной и холодной...
Скорбя на жизнь, привыкли мы вздыхать,
Но за порокъ нельзя же въ насъ считать
И самый смѣхъ; когда мы жизнь узнаемъ,
Ее парадной выставкой считаемъ.

III.

Меня всё обвинить хотятъ — *меня* —
 (Въ чемъ? я и самъ пока не понимаю)
 Что будто, жизнь нисколько не цѣня,
 Я въ жизни все съ презрѣньемъ отвергаю.
 Я не сочту всѣхъ громкихъ, жесткихъ словъ..
 О, Боже мой! какъ крикъ тотъ безтолковъ!..
 Я самъ иду дорогой Соломона,
 Сервантеса и Данта и Платона.

IV.

Сфигтъ, Лютеръ, Фенелонъ, Маккиавель
 О томъ же говорили намъ издревле,
 И самъ Руссо сказалъ, что жизни цѣль
 Картофельнаго яблока дешевле.
 Я въ томъ, какъ и они, не виноватъ,
 Не ставилъ я себя съ Катонемъ въ рядъ
 И даже съ Діогеномъ, а о смерти
 И безъ меня извѣстно всѣмъ, повѣрьте.

V.

Сократъ сказалъ о знаніи людей:
 «Мы знаемъ то, что ничего не знаемъ».
 Всѣ мы съ подобной скудностью идей
 Съ ослами рядомъ мѣсто занимаемъ,
 И самъ Ньютонъ, прославленный мудрецъ,
 Среди трудовъ сказалъ намъ подъ конецъ,
 Что предъ наукой — этимъ океаномъ —
 Себя считалъ онъ только мальчуганомъ.

VI.

«Все суета!» — экклезиасты намъ
 Давно уже объ этомъ рассказали,
 Когда жь вернемся къ нашимъ временамъ,
 То вновь придемъ къ подобной же морали.
 Тебя позналъ — о суета суеть! —
 Мудрецъ и проповѣдникъ и поэтъ,
 Зачѣмъ же я изъ страха осужденья
 Не выскажу такого жь точно мнѣнья?

VII.

Псы или люди! (знайте: это лесть,
 За тѣмъ что вы презрѣннѣй, чѣмъ собаки)
 Быть-можетъ, вамъ охоты нѣтъ прочесть
 Моихъ стиховъ — мнѣ все равно!... Во мракѣ
 Съумѣетъ ли полночный вой волковъ
 Луну остановить средь облаковъ?
 Такъ войте же, полны остервенѣнья!
 Я освѣщу васъ блескомъ вдохновенья.

VIII.

Любовь и кровожадную войну,
 Я избралъ для себя двойной задачей,
 И пѣть осаду города начну
 И приступъ тотъ отчаянно горячій
 Совсѣхъ сторонъ подъ блескъ стальныхъ штыковъ
 Суворовымъ надвинутыхъ полковъ...
 Онъ обращалъ вниманье многихъ взоровъ.
 Война и кровь — вотъ чѣмъ дышалъ Суворовъ.

IX.

Та крѣпость называлась Измаилъ.
 На лѣвомъ берегу рѣки Дуная
 Она стоитъ. Восточный вкусъ сложилъ
 Тѣ стѣны неприступныя. Не зная
 Осады сокрушительной, они
 Стояли безбоязненно въ тѣ дни.
 Быть-можетъ, нынѣ стѣны эти срыты
 И гордость ихъ и слава позабыты.

X.

Близъ города, стѣной окружено,
 Стеди холма разбросано предмѣстье.
 Какой-то грекъ придумалъ тамъ давно
 (Его вторымъ Вобаномъ долженъ счесть я)
 Наставить палисадовъ длинный рядъ,
 Такъ что они собою, говорятъ,
 Стрѣлять изъ этой крѣпости мѣшали
 А дѣлавшимъ осаду помогали.

XI.

Вы видите, какъ былъ хитеръ тотъ грекъ.
 Но рвы глубоки были, точно море,
 А стѣны высоки и человѣкъ
 Повѣситься на нихъ не могъ бы съ горя.
 Все-жь Измаилъ былъ плохо укрѣпленъ,
 (Пусть мнѣ простятъ строительный жаргонъ)
 Безъ насыпей и скрытыхъ сообщеній
 И для враговъ опасныхъ затрудненій.

XII.

Былъ только грозенъ мрачный бастионъ.
 Какъ черепа иные, крѣпки стѣны
 И батареи смотрятъ съ двухъ сторонъ:
 Изъ амбразуръ угрозой для измѣны
 И на открытомъ мѣстѣ, чтобъ съ рѣки
 На приступъ не полѣзли казаки,
 А между-тѣмъ изъ мѣдныхъ пушекъ справа
 Рвалася съ ревомъ огненная лава.

XIII.

Но все жъ съ рѣки пройти враги могли.
 Увѣрить турковъ было невозможно,
 Что подплывутъ къ нимъ русскихъ корабли,
 Но въ этомъ всѣ увѣрились тревожно,
 Когда съ Дуная приступъ начался.
 Вѣсь городъ опасеньямъ предался,
 И турки въ изумленіи стояли
 И лишь «Аллахъ! и Бисаллахъ!» шептали.

XIV.

Уже къ осадѣ русскіе идутъ...
 Богини войнъ и славы! научите,
 Чтобъ ихъ именъ не перевралъ я тутъ,
 Мнѣ имена казаковъ подскажите!
 Ихъ подвиги могли безсмертья ждать,
 Когда бы все могли пересказать
 Объ этихъ Ахиллесахъ въ чуждыхъ краяхъ...
 Произносить лишь трудно имена ихъ.

XV.

Все жь назову иныхъ. Тамъ были: Львовъ
 Сергѣй, Мекнопъ ¹⁾, Строконовъ и Стронгеновъ,
 Тамъ былъ тогда извѣстный Чичаговъ,
 Рогеновъ знаменитый и Шокеновъ,
 И многіе другіе. Я бы могъ
 Взять изъ газетъ еще двѣ пары строкъ
 Такихъ именъ, но слава (эта дама
 Въ гармоніи стиховъ всегда упряма)—

XVI.

Тѣ имена не можемъ сочетать
 Подъ рѣмою, хоть нужно имена тѣ
 И память ихъ героевъ уважать,
 Героевъ непреклонной этой рати.
 Изъ всѣхъ намъ незнакомыхъ звучныхъ словъ,
 Немыслимыхъ для англійскихъ стиховъ,
 Съ ихъ окончаньемъ: ишкниъ, ускинъ, овскій,
 Одно лишь имя помню — Разумовскій...

XVII.

Но были всѣ воинственны они
 И на враговъ геройски наступали;
 Самъ Муфти попадись имъ въ эти дни —
 Они съ живого кожу бы содрали,
 И, къ ужасу несчастныхъ муссульманъ,
 Той кожей обтянули барабанъ,
 Когда бы подъ рукой матеріала
 Для русскихъ барабановъ не достало.

XVIII.

Тамъ были иноземцы разныхъ странъ,
 И волонтеры націй всевозможныхъ,
 Спѣшившіе войной набить карманъ
 Иль дослужиться почестей вельможныхъ
 (Для юношей занятъ лучше нѣтъ).
 Тамъ были и британцы разныхъ лѣтъ:
 Нашлось Томсоновъ челоуѣкъ шестнадцать
 И Смисовъ счотомъ ровно девятнадцать.

XIX.

Тамъ были Джекъ Томсонъ и Билль Томсонъ.
 Звались другіе именемъ поэта ²
 (Извѣстно: назывался Джемсомъ онъ);
 Почетнѣе гербовъ всѣхъ имя это.
 Трехъ Смисовъ звали Питерами; былъ
 Одинъ изъ нихъ извѣстенъ: ³ онъ ходилъ
 Въ походъ на Галифаксъ и былъ достоинъ
 Большихъ похвалъ, какъ превосходный воинъ.

XX.

Еще скажу: одинъ изъ Джековъ Смисъ
 Родился въ Кумберландѣ отдаленномъ,
 Гдѣ горы замѣняли рядъ кулисъ.
 Потомъ онъ сталъ героемъ пораженнымъ —
 Былъ занесенъ въ газетный бюллетень:
 Въ сраженіи въ одинъ несчастный день,
 Когда и воздухъ кровью былъ пропитанъ,
 При взятіи Шмаксмиса былъ убитъ онъ.

XXI.

Хочу я знать (хоть Марсъ и дорогъ мнѣ),
 Пріятна ль намъ всѣхъ бюллетеней слава,
 Когда насъ срѣжетъ пуля на войнѣ?
 О томъ спросить вѣдь я имѣю право?
 Мнѣ за Шекспиромъ слѣдовать пришлось:
 И самъ Шекспиръ вложилъ такой вопросъ
 Въ одну изъ драмъ, откуда всѣ острооты,
 Порою, нахально крадутъ идіоты.

XXII.

Тамъ были и французы. Ихъ именъ
 Произносить однако я не стану:
 Горячимъ патріотомъ я рожденъ
 И склоненъ въ этомъ случаѣ къ обману.
 Измѣнникомъ британецъ звать привыкъ
 Любого гражданина, чей языкъ,
 При имени «французъ», не огрызнется
 И, какъ Джонъ-Булль, надъ нимъ не посмѣется.

XXIII.

Спѣша двѣ батареи укрѣпляютъ,
 Двѣ цѣли войско русское имѣло:
 Во-первыхъ, Измаилъ бомбардировать
 И пушками разрушить зданья смѣло,
 Чтобъ не было пощады никому...
 Самъ Измаилъ способствовалъ тому:
 Амфитеатромъ зданья въ немъ стояли
 И цѣль для ядеръ русскихъ представляли.

XXIV.

А во-вторыхъ, хотѣлось имъ начать,
 Въ минуту суматохи и смятенья,
 Турецкій флотъ врасплохъ атаковать,
 На якорѣ стоявшій безъ движенья —
 И, устранивъ враговъ напоромъ силъ,
 Заставить турковъ сдать имъ Измаилъ.
 Послѣдній планъ возможенъ безъ сомнѣнья,
 Покаместъ нѣтъ въ войскахъ ожесточенья.

XXV.

Есть гадкая привычка у людей:
 Они враговъ презрѣнными считали,
 И жертвою тѣхъ варварскихъ идей
 Тамъ подъ ножомъ Чичицковъ съ Смесомъ пали,
 Изъ храбрыхъ нашихъ Смесовъ палъ одинъ...
 Съ тѣмъ именемъ такъ много есть мужчинъ,
 Что угадать почти мы можемъ прямо —
 То имя перешло къ намъ отъ Адама.

XXVI.

Небрежная постройка баттарей
 Побѣды часъ на время отдалила.
 Такъ иногда Лонгменъ или Джонъ Муррей ⁴
 Глядятъ на все печально и уныло,
 Когда продажа книгъ у нихъ нейдетъ.
 И точно также свой блестящій ходъ
 На время геній славы замедляетъ
 И дѣло битвы разомъ не рѣшаетъ.

XXVII.

Кто жь былъ въ дурной постройкѣ виновать?
 Не знаю я. Быть-можетъ, инженеры,
 Иль былъ подрядчикъ русскій плутовать,
 Обманывать стараясь всёхъ безъ мѣры,
 Но батареи, сдѣланныя тамъ,
 Давали много смѣлости врагамъ:
 Съ нихъ промахи по крѣпоски давали
 И цѣль для пуль турецкихъ открывали.

XXVIII.

Безъ всякой пользы двигались суда,
 Не зная хорошенько разстоянья,
 Три брандера лишились навсегда
 Безъ пользы своего существованья:
 Фитиль неосторожно запылалъ,
 И ихъ въ одно мгновенье подорвалъ,
 И хоть лучи денницы загарались,
 Но турки все еще не просыпались.

XXIX.

Былъ наконецъ замѣченъ русскій флотъ—
 Флотилія ужь близко подходила —
 И съ ревомъ ядра ринулись впередъ
 На грозныя твердыни Измаила.
 И съ крѣпости отпоръ былъ данъ назадъ:
 Лился потокъ картечи и гранатъ;
 Враги мѣнялись дружно межъ собою
 Ружейною и пушечной пальбою.

XXX.

Такъ шесть часовъ огонь не умолкалъ,
 И русскіе какъ мѣтко ни стрѣляли,
 Но поняли, что неприступный валъ
 Они одной пальбой не разрушали,
 Что тѣмъ путемъ не взять имъ Измаилъ.
 И русскій флотъ тотчасъ же отступилъ:
 Одинъ фрегатъ случайно подорвали,
 Другой во время битвы турки взяли.

XXXI.

Но много жертвъ и турки понесли.
 Когда жъ флотъ русскихъ началъ отступленье,
 Спустились лодки съ насыпей земли
 И удалцы турецкіе въ мгновенье
 За флотомъ понеслись по водѣ,
 Обстрѣливать стараясь ихъ вездѣ.
 Но высадку задумавъ, тотчасъ были
 Отброшены: ихъ русскіе разбили.

XXXII.

«Когда бъ хотѣлъ я описать погромъ
 И натискъ русскихъ войскъ на крѣпость эту,
 То долженъ бы издать за томомъ томъ» —
 Такъ возвѣстилъ тогда историкъ свѣту,
 И, кончивши на этомъ, началъ онъ
 Васъ прославлять, Де-Линь и Ланжеронъ!...
 Ихъ имена въ исторію попали
 И слава занесла ихъ на скрижали.

XXXIII.

А между-тѣмъ кто зналъ тѣ имена?
 Для большинства ихъ имя не извѣстно...
 О, слава! Не на долго ты дана!
 Ты измѣняешь людямъ повсемѣстно,
 Капризная изъ всѣхъ земныхъ богинь!
 Лишь только потому, что принцъ де-Линь ⁵
 Оставилъ мемуары, безъ сомнѣнья,
 Онъ избѣжалъ, какъ прочіе, забвенья.

XXXIV.

Вотъ тѣ, которые прославились давно
 И какъ герои храбрые сражались,
 Но помнить ихъ именъ не суждено:
 Они, какъ и другіе, забывались
 Толпой неблагодарной въ краткій срокъ.
 Держу теперь пари — никто не могъ
 Изъ всѣхъ послѣднихъ войнъ по разнымъ странамъ
 Припомнить ихъ героевъ имена намъ.

XXXV.

Итакъ, отака та неудалась.
 Хотя рѣшался очень энергично
 Извѣстный по исторіи Рибасъ ⁶
 Начать атаку сильную вторично,
 Но всѣми былъ отвергнутъ этотъ планъ...
 Я снова сталъ растягивать романъ.
 Не стану же, чтобъ избѣжать проклятья,
 Рѣчей геросвъ всѣхъ перечислять я.

XXXVI.

Въ то время жилъ въ Россіи мужъ одинъ,
 Красавецъ и съ сложеньемъ Геркулеса,
 Богатый, сладострастный славянинъ,
 Извѣстный всѣмъ вельможа и повѣса...
 Потомъ онъ умеръ, чахлый и безъ силъ
 Въ краю, который самъ онъ разорилъ.
 Такъ саранча поля опустошаетъ,
 А тамъ — на нихъ сама же умираетъ.

XXXVII.

То былъ Потемкинъ, ⁷ баловень судьбы,
 Звѣзда того промчавшагося вѣка,
 Когда богатству кланялись рабы,
 Превозносили знатность человекъ.
 Онъ пышностью своею поражалъ,
 И ростъ его высокій возбуждалъ
 Передъ глазами сѣверной столицы
 Вниманіе

XXXVIII.

И вотъ къ нему Рибасъ курьера шлётъ,
 Чтобъ получить отъ князя разрѣшенье
 На новый приступъ двинуть русскій флотъ
 И получить согласье на сраженье.
 Къ атакѣ приготовились полки,
 И скоро пушки грянули съ рѣки,
 А съ крѣпости, закутанной въ туманъ,
 Пальбою отвѣчали муссульмане.

XXXIX.

Въ тотъ самый день, когда осаду снять
 Рѣшились, отступивъ отъ Измаила,
 Успѣлъ курьеръ нарочный прискакать —
 И въ войскѣ вновь проснулись жизнь и сила.
 Дешу привезенную прочли
 И въ ней извѣстье новое нашли:
 Главою войскѣ — повсюду крикъ промчался —
 Потемкинымъ Суворовъ назначался.

XL.

Къ Рибасу князь письмо свое прислалъ,
 Гдѣ очень ясно высказалъ желанье.
 Его приказъ историкъ бы назвалъ
 Образчикомъ спартанскаго посланья,
 Когда бъ его источникъ былъ иной.
 Теперь же только краткостью одной
 Извѣстенъ онъ. Деша возвѣщала:
 «Взять Измаилъ, во что бы то ни стало».

XLI.

«Да будетъ свѣтъ!» Богъ молвилъ — и былъ свѣтъ.
 «Да будетъ кровь!» сказалъ одинъ владыка —
 И море крови пролито, и нѣтъ
 Ужаснѣе приказа. Буйно, дико
 Въ единый часъ то сокрушить война,
 Надъ чѣмъ трудится долго вся страна.
 Война идетъ и гдѣ проходить мимо —
 Терзаетъ и разить неумолимо.

XLII.

Станъ турковъ былъ не долго восхищонъ
 Уходомъ русскихъ. Вѣрится легко намъ
 Въ бою, что непріятель пораженъ
 (Иль пораженъ: грамматики законамъ
 Въ пылу я очень часто измѣнялъ).
 Здѣсь объ ошибкѣ турковъ я сказалъ:
 Хотя свиней они и презирали,
 Но собственное сало охраняли.

XLIII.

Дѣйствительно двухъ всадниковъ въ пыли
 Увидѣли изъ лагеря. Сначала
 Ихъ за казаковъ приняли вдали.
 За ихъ сѣдломъ запасовъ очень мало:
 Рубашки три — вотъ все богатство ихъ.
 Когда жъ они на скакунахъ лихихъ
 Подъѣхали — узнали ихъ безъ споровъ:
 То былъ съ проводникомъ своимъ Суворовъ.

XLIV.

«Мы въ радости!» глупцы порой кричатъ
 Въ часъ лондонскихъ большихъ иллюминацій.
 Джонъ-Булль имъ постоянно очень радъ:
 Они — мечты его галлюцинацій.
 Лишь былъ бы городъ ярко освѣщенъ,
 Свой кошелекъ раскроетъ мудрый Джонъ,
 Предастся безразсудству онъ въ излишкѣ,
 Лишь только бъ волю дать своей страстишкѣ.

XLV.

Донынѣ онъ глаза свои клянеть,⁸
 Но лишено проклятье то значенья,
 И чортъ при этомъ ухомъ не ведетъ,
 Затѣмъ, что Джонъ совсѣмъ лишился зрѣнья.
 Онъ въ пошлинахъ находитъ счастья цвѣтъ
 И голода, измученный скелеть,
 Считаетъ онъ за бредни и химеры,
 И говоритъ, что онъ есть сынъ Цереры.

XLVI.

Итакъ — впередъ. Весь лагерь ликовалъ:
 Французы, англичане и казаки...
 Суворовъ всѣхъ, какъ факель, освѣщаль,
 Приготовлялъ къ блистательной атакѣ.
 Какъ огонекъ, блудящій межъ болотъ,
 Вслѣдъ за собою путника ведетъ,
 Такъ и за нимъ, дивясь ему какъ чуду,
 Войска и свита слѣдовали всюду.

XLVII.

По лагерю гулъ радостный идетъ,
 Восторженные крики раздаются,
 Честь отдаетъ фельдмаршалу весь флотъ...
 Войска атаки ждутъ и не дождутся.
 Вотъ пушка прогремѣла, рать спѣшить,
 Работа баттарейная кипить,
 Приготовляютъ новыя фашины
 И разныя гуманныя машины.

LXVIII.

Власть сильнаго надъ міромъ велика.
 Такъ гонить вѣтеръ волны океана,
 Такъ часто волю одного быка
 Все стадо исполняетъ безъ обмана,
 И онъ одинъ ведетъ его съ собой.
 Всѣ смертные, любимые судьбой,
 Имѣя силу, массы увлекають
 И подчиняться рабски заставляютъ.

XLIX.

Весь лагерь и войска шумѣли такъ,
 Какъ будто брачный пиръ ихъ ожидаетъ
 (Метафора прилична: каждый бракъ,
 Какъ и война, безъ ссоры не бываетъ).
 И даже дѣти съ раннего утра
 Въ обозѣ все горланили: «ура!»
 Такъ старичекъ чуть видный и невзрачный,
 Явившись, оживилъ весь лагерь мрачный.

L.

Да, это такъ. Уже со всѣхъ сторонъ
 Стоять войска. Всѣ новой битвѣ рады.
 Былъ подъ ружьемъ отрядъ изъ трехъ колоннъ
 И только ждалъ сигнала для осады.
 Другой отрядъ изъ трехъ колоннъ готовъ
 Пробить путь къ славѣ съ помощью штыковъ,
 А двѣ колонны — въ третьемъ ихъ отрядѣ —
 Готовились идти на крѣпость сзади.

LI.

Рядъ баттарей былъ вновь сооружонъ,
 Военный судъ былъ собранъ для совѣта,
 Единогласьемъ полнымъ заключонъ
 (Въ такихъ дѣлахъ бываетъ рѣдко это).
 Все рѣшено — и на небѣ тогда
 Зардѣлась славы яркая звѣзда,
 И обучалъ ружьемъ владѣть Суворовъ
 Всѣхъ рекрутовъ и робкихъ волонтеровъ.

LII.

Не подлежитъ сомнѣнью, что онъ самъ
 Могъ исполнять обязанность капрала
 И дрессировку дѣлалъ рекрутамъ:
 Такъ точно саламандра начинала
 Премудрые уроки понимать
 И пламя съ нѣжной граціей глотать.
 Онъ ихъ училъ на лѣстницы взбираться
 И чрезъ глубокой ровъ переправляться.

LIII.

Онъ турками фашины наряжалъ,
 Въ чалмы, давалъ имъ сабли, ятаганы,
 И рекрутовъ на чучель заставлялъ
 Ходить какъ въ бой и наносить имъ раны.
 Хоть та система воинскихъ потѣхъ
 Въ иныхъ и возбуждала громкій смѣхъ,
 Но онъ, не отвѣчая имъ на это,
 Взялъ Измаиль: вѣдь лучше нѣтъ отвѣта.

LIV.

Въ ночь предъ осадой въ тихій крѣпкій сонъ
Весь лагерь не на долго погрузился.
Его молчанью, сну со всѣхъ сторонъ
Изъ насъ конечно бѣ всякій удивился,
Но предъ грозой спокойно спить солдатъ.
Все было тихо въ войскѣ. Каждый радъ
Подумать о прошедшемъ передъ битвой,
И къ смерти приготовиться съ молитвой.

LV.

На сторожѣ одинъ Суворовъ былъ,
Давалъ кругомъ совѣты, приказанья,
Тамъ помогалъ работѣ, тамъ шутилъ...
Тотъ человекъ достоинъ былъ вниманья:
Герой, буффонъ, фельдмаршалъ и капралъ,
Вездѣ своихъ враговъ онъ разбивалъ...
Сегодня шутъ, а завтра мужъ суровый,
Сегодня Марсъ, а завтра Момусъ новый.

LVI.

Межь-тѣмъ какъ замѣчательный герой
Слѣдилъ за обученьемъ новобранцевъ,
Казачи натолкнулись той порой
На кучку неизвѣстныхъ иностранцевъ.
Одинъ изъ нихъ, хотя съ большимъ трудомъ,
Могъ говорить по русски. Онъ потомъ
Имъ объяснилъ, что самъ во время оно
Считалъ своими русскія знамена.

LVII.

По просьбѣ незнакомца, отвели
Ихъ въ главную квартиру. По наряду
За муссульманъ ихъ приняли вдали,
Но поняли по первому же взгляду,
Что тотъ костюмъ — случайный маскарадъ.
Не въ первый разъ восточныхъ странъ нарядъ
Сыны Европы нашей надѣвали
И съ толку иногда людей сбивали.

LVIII.

Передъ толпой калмыковъ, въ этотъ часъ
Въ рубашкѣ находился самъ Суворовъ
И объяснялъ, какъ нужно всякій разъ
Крошить враговъ безъ дальнихъ разговоровъ.
Онъ человѣка — глиною считалъ
И правила такія всѣмъ внушалъ,
Что также хороша смерть отъ булата,
Какъ пансіонъ въ отставкѣ для солдата.

LIX.

Когда Суворовъ плѣнныхъ увидалъ,
Изъ подъ бровей глаза его блеснули.
— «Откуда вы?» спросилъ ихъ генералъ.
— «Какъ плѣнниковъ держали насъ въ Стамбулѣ,
Оттуда мы бѣжали» — былъ отвѣтъ.
— «Кто вы?» — «Какъ видите»... (Тогда весь свѣтъ
Ужъ зналъ о томъ, что былъ Суворовъ кратокъ:
На немъ лежалъ особый отпечатокъ).

LX.

— «Какъ васъ зовутъ?» — «Меня зовутъ Джонсонъ, Товарищъ мой — Жуанъ, а вотъ двѣ дамы, А третій же... совсѣмъ безъ пола онъ».

— «Послѣднихъ трехъ не приняли бѣ сюда мы; Но — такъ и быть! Вашъ другъ мнѣ незнакомъ, Но вы... вы съ Николаевскимъ полкомъ Подъ Виддиномъ ходили на сраженье?»

— «Да, генераль, участвовалъ въ тотъ день я».

LXI.

— «Вы, кажется, атаку тамъ вели».

«Я». — «Что жь потомъ?» — «Непомню я, признаться».

— «Вы первый въ этотъ день на брешь взошли?»

— «Да, какъ и всѣ, спѣшилъ туда забраться...»

«Ну что жь затѣмъ?» — «Затѣмъ былъ раненъ въ бокъ»

И кто-то тутъ же въ плѣнъ меня увлѣкъ».

— «Хоть Виддинъ взять гораздо легче было,

Мы отомстимъ за васъ у Измаила.

LXII.

«Гдѣ вы служить начнете?» — «Гдѣ нибудь;

Мнѣ все равно, куда не помѣстите».

— «Вы любите всегда опасный путь

И отъ другихъ отстать не захотите,

Но вашъ товарищъ молодъ такъ, усталъ...

Что можетъ дѣлать онъ?» — «О, генераль,

Когда въ войнѣ онъ станетъ увлекаться,

Какъ и въ любви, то будетъ львомъ онъ драться».

LXIII.

«Посмотримъ, какъ онъ храбръ. (Здѣсь Донъ-Жуанъ Суворову съ почтеньемъ поклонился).

Сегодня въ ночь пойдетъ на муссульманъ
Вашъ старый полкъ — я такъ распорядился.
Я далъ обѣтъ: пройдетъ борона
Тамъ гдѣ стоитъ турецкая стѣна,
И плугъ пройдетъ черезъ твердыни эти,
Сметая въ прахъ огромныя мечети.

LXIV.

«Итакъ — впередъ!» И началъ онъ опять
Рѣчами вдохновеннаго рубаки
Въ своихъ солдатахъ храбрость возбуждать:
Какъ проповѣдникъ, звалъ онъ ихъ къ атакѣ,
Туда съ собой на неприступный валъ,
Гдѣ Измаилъ недвижимый стоялъ,
Гдѣ — гибели назначены заранѣ —
За крѣпостью скрывались муссульмане.

LXV.

Одобренный бесѣдою, Джонсонъ
Къ Суворову вновь съ просьбой обратился,
Хоть занятый своимъ ученъемъ онъ
Въ толпѣ солдатъ ходилъ и суетился.
— «Мы, генералъ, сочтемъ себѣ за честь
Всѣхъ впереди на этотъ приступъ лѣзть,
Но намъ пока еще не указали,
Куда насъ здѣсь обоихъ назначали...»

LXVI.

—«Ба, я забылъ... Въ одинъ изъ тѣхъ полковъ
Я васъ пошлю, гдѣ прежде вы служили.
Онъ будетъ завтра въ дѣлѣ. Эй, Кацковъ!
Скажи, чтобъ ихъ сейчасъ же проводили.
Но пусть вашъ другъ останется при мнѣ;
А иностранки эти... Пусть онѣ,
Чтобъ имъ межъ насъ напрасно не мѣшаться,
Въ обозѣ въ это время помѣстятся.»

LXVII.

Но здѣсь произошла одна изъ сценъ.
Двѣ женщины въ испугѣ задрожали,
Хотя для нихъ не новостью былъ плѣнъ:
Онѣ его въ гаремѣ испытали.
Какъ курица, разбросивъ два крыла,
Пощады или помощи ждала,
Такъ и онѣ, рыдая, полны муки,
Въ отчаяньи нѣмомъ простерли руки —

LXVIII.

Къ двумъ храбрецамъ, которыхъ отличалъ
Одинъ изъ полководцевъ знаменитыхъ,
Одинъ изъ тѣхъ, предъ кѣмъ весь край дрожалъ,
Кто къ славѣ шолъ черезъ тѣла убитыхъ.
О, люди сумасбродные! о, свѣтъ!
О, лавръ безсмертной славы и побѣдъ!
Ты моремъ алой крови достаешься
И надъ врагами падшими смѣешься...

LXIX.

Не понималъ Суворовъ женскихъ слезъ...
 И этихъ женщинъ горькія рыданья
 Ему теперь выслушивать пришлось:
 Въ немъ будто шевельнулось состраданье.
 Хотя война, пролитой крови видъ
 Сердца героевъ часто и черствить,
 Но иногда ихъ трогаютъ печали.
 Такимъ же и Суворова считали.

LXX.

И онъ сказалъ: «Отвѣтъ, Джонсонъ — ко мнѣ
 На кой же чортъ двухъ женщинъ привели вы?
 Пускай въ обозъ отправятся онѣ,
 Гдѣ будутъ въ безопасности и живы.
 Совсѣмъ намъ не съ руки такой багажъ.
 Я не терплю, когда приходитъ блажь —
 Жениться молодымъ моимъ солдатамъ:
 Гдѣ тутъ возиться съ ратникомъ женатымъ!»

LXXI.

—«Нѣтъ, генераль. Двухъ этихъ дамъ сюда
 Случайно привели мы. Эти дамы
 Въ бракъ съ нами не вступали никогда.
 Я службу понимаю и сюда мы,
 Имѣя жонъ, ихъ врядъ ли бѣ привели...
 Удобнѣе оставить ихъ вдали,
 Чтобъ за семью свою не опасаться
 И безъ заботъ на приступѣ сражаться.

LXXII.

«Но эти двѣ турчанки насъ спасли,
 Съ прислужникомъ своимъ и съ ними вмѣстѣ
 Черезъ множество опасностейъ прошли,
 Боясь погони тайной или мести.
 Такая жизнь не новость для меня,
 Но юность ихъ, неопытность цѣня,
 Прошу я васъ, хотя изъ состраданья,
 Имъ оказать, какъ женщинамъ, вниманье».

LXXIII.

Турчанки ощущали тайный страхъ,
 На лицахъ ихъ написаны сомнѣнья.
 Но и въ тоскѣ, съ слезами на глазахъ,
 Скрыть не могли, бѣдняжки, удивленья
 При взглядѣ на худого старика,
 Стоявшаго при нихъ безъ сюртука,
 Въ грязи, въ пыли, въ изорванномъ жилетѣ,
 Хотя предъ нимъ дрожало все на свѣтѣ.

LXXIV.

Дѣйствительно, замѣти онѣ,
 Что вокругъ ему толпа повиновалась,
 Хотя у нихъ въ турецкой сторонѣ.
 Султана власть лишь въ роскоши являлась,
 Въ каменьяхъ драгоценныхъ и цвѣтахъ,
 А въ этихъ незнакомыхъ имъ мѣстахъ
 Турчанки не могли не удивляться,
 Какъ можетъ власть безъ пышности являться.

LXXV.

Джонсонъ ихъ утѣшалъ, на сколько могъ,
 И вывести старался изъ сомнѣнья.
 А Донъ-Жуанъ клялся, что лишь востокъ
 Зарю заалѣетъ — въ то мгновенье
 Онъ гдѣ нибудь ихъ встрѣтитъ, здѣсь или тамъ,
 Иначе — горе русскимъ всеѣмъ войскамъ.
 И — странно! — ихъ лицо свѣтлѣе стало:
 Хвастливость дамамъ нравится не мало.

LXXVI.

Такъ послѣ поцалуевъ, вздоховъ, слезъ
 Рѣшились наконецъ они разстаться.
 Красавицы отправились въ обозъ
 Рѣшенія сраженья дожидаться,
 (Ты, неизвѣстность — лучшій даръ боговъ!)
 А храбрецы собирались на *враговъ*,
 Хотя враги имъ зла не доказали,
 И къ битвѣ приготавливаться стали.

LXXVII.

Суворовъ же иначе разсуждалъ,
 Въ анализъ очень тонкій не пускался,
 Значенья жизни вовсе не давалъ
 И видомъ труповъ, крови не смущался.
 До мелкихъ ранъ герою дѣла нѣтъ,
 Онъ впереди лишь видитъ рядъ побѣдъ,
 А потому замѣтилъ онъ едва-ли,
 Какъ двѣ турчанки слезы проливали.

LXXVIII.

А между-тѣмъ ужь близокъ битвы срокъ.
 Сейчасъ земля дрожать начнетъ отъ стона...
 Когда бъ Гомеръ о пушкахъ вѣдать могъ,
 Я вспомнилъ бы осаду Иліона,
 Какъ сынъ Пріама въ битвѣ былъ убитъ...
 Но не таковъ новѣйшей битвы видъ:
 Штыки и ружья, ядра и мортиры —
 Слова совсѣмъ не нѣжныя для лиры.

LXXIX.

О, ты, Гомеръ! Умѣлъ плѣнять ты слухъ,
 Умѣлъ смягчать своимъ напѣвомъ души,
 Могъ шевелить и тѣхъ, кто даже глухъ...
 Твой стихъ гремѣлъ и въ морѣ и на сушѣ;
 Твое оружье — лучше всѣхъ штыковъ,
 Вносившихъ въ міръ слѣды однихъ оковъ,
 И нашихъ дней новѣйшіе герои
 Въ свободѣ не увидятъ новой Трои.

LXXX.

О, ты, Гомеръ! Я долженъ описать,
 Какъ гибли люди въ битвѣ, какъ въ заразѣ,
 Гдѣ больше жертвъ могли бъ мы отыскать,
 Чѣмъ у тебя, въ классическомъ разсказѣ.
 Но мнѣ ли здѣсь соперничать съ тобой?
 Ручей ли съ океаномъ вступить въ бой!
 Хотя рѣзней и наше поколѣнье
 Равняется съ древнѣйшимъ безъ сомнѣнья —

LXXXI.

Рѣзней не поэтической — живой...

А жизнь назвать намъ истиной возможно, —

Гдѣ истину свѣряемъ мы съ молвой,

Чтобъ въ промахъ не попасть неосторожно.

Сейчасъ начнутъ брать крѣпость Измаилъ...

Гдѣ жъ красокъ взять? гдѣ взять къ разсказу силу?

О, души всѣхъ героевъ! вашимъ свѣтомъ

Лучи свои питаетъ солнце лѣтомъ...

LXXXII.

О, Бонапартъ! гдѣ списокъ жертвъ войны?

Гдѣ пышныя, большіе бюллетени?

О, Леонидъ! гдѣ Греціи сыны,

Погибшія страдальческія тѣны?

О, Цезарь! дайте красокъ мнѣ, цвѣтовъ,

Чтобъ продолжать разсказъ! Я былъ готовъ,

Чтобъ славы умирающей отливы

Въ моихъ стихахъ опять явились живы.

LXXXIII. ,

Да, слава умираетъ, какъ народъ,

Но снова можетъ въ жизни обновляться,

И каждый часъ, и каждый день и годъ

Героямъ суждено опять рождаться;

Когда же мы припомнимъ ихъ дѣла,

Всю массу добрыхъ подвиговъ и зла,

То явятся они намъ въ нашей сферѣ

Какъ мясники... въ громаднѣйшемъ размѣрѣ.

LXXXIV.

Медали, ленты, кружева, чины —
 Вотъ всѣхъ людей безсмертныхъ украшенья.
 Мундиры — лишь для мальчиковъ даны,
 Какъ дамамъ вѣера для развлечения.
 Любой солдатъ, надѣвши свой мундиръ,
 Ужъ думаетъ явиться славнымъ въ мѣръ.
 Что жь слава — *ты?* Спросите поросенка,
 Когда онъ въ полѣ вѣтеръ чуетъ тошко.⁹

LXXXV.

Онъ чувствуетъ его, когда бѣжитъ,
 Какъ настоящій поросенокъ, пли...
 Какъ ловкій бригъ, за вѣтромъ онъ спѣшитъ,
 Прибавлю я скорѣе, чтобъ простили
 Мнѣ первое сравненье, а затѣмъ
 Здѣсь кончу пѣсню я и буду нѣмъ,
 За то другая пѣсня, можетъ-статься,
 Какъ деревенскій колоколъ раздастся.

LXXXVI.

Но, чу! среди полночной тишины
 Замѣтно войска стройное движенье —
 И крадутся у крѣпостной стѣны
 Безмолвные отряды, какъ видѣнья.
 А сквозь туманъ льютъ звѣзды блѣдный свѣтъ
 И словно шлютъ прощальный свой привѣтъ;
 Но скоро адскій дымъ передъ стѣною
 Закроетъ все зловѣщей пеленою.

LXXXII.

Умолкнемъ здѣсь. То пауза, когда
Отъ жизни къ смерти — шагъ одинъ, мгновенье,
Когда на мигъ смолкаетъ въ насъ вражда
И передъ смертью сходитъ примиренье;
Еще минута — жизнь проснется вновь,
Залпъ, крики «маршъ!» кругомъ полетятъ кровь...
«Ура! Аллахъ!» — и скоро въ ревѣ битвы
Сольются и проклятья и молитвы.

ПѢСНЯ ВОСЬМАЯ.

I.

О, кровь и громъ! Ужасныя слова!
Но вѣдь они есть поясненье къ славѣ.
Я ль виноватъ, что слава такова?
А потому я съ музою не вправѣ
Умалчивать объ ужасахъ войны.
Названья ей различныя даны:
Беллона, Марсъ, но все же въ заключенье
Не скроемъ мы ихъ страшнаго значенья.

II.

Готово все — огонь, мечи, народъ,
Чтобъ смерть нести повсюду по дорогѣ,
И на рѣзню вся армія ползеть,
Какъ страшный левъ, ползущій изъ берлоги,
Какъ гидра изъ болотистыхъ трясины,
И этотъ стоголовый исполинъ
Въ борьбѣ кровавой головы теряетъ —
И тотчасъ ихъ другими замѣняетъ.

III.

Исторія en grand на все глядитъ,
 Но еслибъ мы узнали всѣ детали,
 То вѣрно бъ ощутили тайный стыдъ
 И славу войнъ сомнительной признали.
 Не слишкомъ ли тяжелою цѣной
 Побѣды покупаются войной?
 Не выше ли минута состраданья
 Всѣхъ долгихъ войнъ, убійствъ и истязанья?

IV.

Она самодовольство въ насъ родитъ;
 Межь-тѣмъ война съ триумфами похода,
 Со всѣмъ, что въ ней чаруетъ и дивитъ,
 Съ налогами голоднаго народа,
 Съ ея войсками, шедшими впередъ —
 Однихъ людей бездушныхъ увлечетъ...
 Бой, поднятый не за свободу братій,
 Есть рядъ убійствъ, достойныхъ всѣхъ проклятій.

V.

Нѣтъ; славу этихъ войнъ мы не сравнимъ
 Со славой Леонида, Вашингтона:
 Хотѣлось за свободу драться имъ...
 Пусть какъ теперь, такъ и во время оно
 Побѣдами дивилъ иной деспотъ,
 Но слава двухъ героев не умрѣтъ;
 Ихъ имена признаютъ всѣ народы
 Святымъ и вѣчнымъ лозунгомъ свободы.

VI.

Настала ночь и сквозь туманъ ночной
Лишь только пламя пушекъ прорывалось
И лентою кровавою одной
Въ нѣмыхъ струяхъ Дуная отражалось.
Ревъ батарей ужасныхъ потрясалъ
Сильнѣй, чѣмъ громъ, гремящій между скалъ:
Гроза небесъ насъ рѣдко убиваетъ,
Но громъ людей неистово терзаетъ.

VII.

Одна колонна двигалась впередъ
И къ приступу готовилась заранѣ...
Близка атака страшная — и вотъ
Очнулись наконецъ и муссульмане
И встрѣтили отпоромъ христіанъ:
Тогда земля и волны и туманъ
Зажглись огнемъ, вся крѣпость запылала
И, словно Этна, пламя извергала.

VIII.

Надъ крѣпостью пронесся крикъ: «Аллахъ!»
Зловѣщій грохотъ битвы покрывая,
И повторился онъ на берегахъ:
Его шептали волны, повторяя...
Онъ былъ и вызывающъ, и могучъ,
И даже наконецъ изъ темныхъ тучъ
Святое имя это раздавалось...
«Аллахъ! Аллахъ!» повсюду повторялось.

IX.

Къ осадѣ устремились всѣ полки.
 Одна колонна къ крѣпости стремилась,
 Чтобъ бой начать со стороны рѣки;
 Но, словно листья сбитые, ложилась,
 Хотя Арсеньевъ,¹ первый изъ рубакъ,
 Чье имя повторялъ со страхомъ врагъ,
 Ихъ велъ къ рѣзнѣ. «Рѣзня есть — дочка Божья»,
 Сказалъ Вордсвортъ... не вѣрю въ эту ложь я.

X.

Ужь принцъ Де-Линь въ колѣно раненъ былъ;
 Графъ Шапо-Бра² (Мой Богъ, вотъ голова-то!)
 Межъ головой и шляпой получилъ
 Ударъ, но крѣпкій лобъ аристократа
 Пробить шальная пуля не могла
 И даже шляпу графа сберегла.
 Такой примѣръ едва ли, впрочемъ, новый:
 Свинцовыхъ пуль не труситъ лобъ свинцовый.

XI.

А въ это время Марковъ³ генераль
 Велѣлъ, чтобъ *принцу* помощь оказали,
 И въ то же время словно не видалъ,
 Какъ вокругъ его солдаты умирали,
 Безъ помощи, прося глотокъ воды...
 Освобождая принца отъ бѣды,
 Онъ въ наказанье самъ въ бѣду попался:
 Разбитъ ядромъ, онъ безъ ноги остался.

XII.

Три сотни пушекъ грозно изрыгать
 Пустились смертоносныя пѣлюли —
 И люди стали кровью истекать...
 Какъ градъ свинцовый, вокругъ свистали пули...
 О, смертный часъ! о, голодъ! о, чума!..
 Ужасны вы, ужасна ваша тьма,
 Но вамъ едва ли выдержать сравненье
 Съ рѣзней изступленнаго сраженія.

XIII.

Куда въ испугѣ мы ни бросимъ взглядъ —
 Вездѣ встрѣчаемъ муки и страданья:
 Тамъ съ хриплымъ крикомъ падаетъ солдатъ,
 Тамъ корчи по землѣ и содроганья...
 Вотъ вся награда сотнямъ храбрецовъ,
 А пощажонныхъ битвою бойцовъ
 Ждетъ ленточка въ петлицу, можетъ-статься...
 Но все же слава — долженъ я признаться —

XIV.

Мнѣ дорога. Приятно вѣкъ дожить
 Подъ старость на казенномъ содержаньѣ
 И пенсіонъ за службу получить:
 Для воина онъ — высшее желанье...
 При томъ герои нужны для пѣвца...
 Итакъ, герои бьются до конца
 За тѣмъ, чтобъ ихъ прославили съ трезвономъ,
 А послѣ наградили пенсіономъ.

XV.

Передъ рядами грозныхъ баттарей
 Высаживались многіе отряды,
 Чтобъ приступить къ атакѣ поскорѣй,
 И лѣзли гренадеры сквозь преграды
 Такъ весело, какъ рѣзвое дитя
 Ползеть въ колѣнямъ матери шутя,
 Такъ смѣло частоколы пролѣзали,
 Какъ будто на парадъ ихъ призывали.

XVI.

То былъ великолѣпный, чудный видъ!...
 Везувій самъ съ такою дикою страстью
 Не могъ бросать осколки скалъ и плитъ
 Своею раскалившеюся пастью...
 Погибла офицеровъ третья часть;
 Безъ нихъ войска могли бы духомъ пасть:
 Стрѣлку собаки нужны, но однако —
 Охотникъ палъ, и не нужна собака.

XVII.

Но здѣсь я долженъ повѣсть продолжать —
 Какъ мой герой шолъ по дорогѣ къ славѣ;
 Вѣдь всѣхъ героевъ мнѣ не сосчитать,
 Хоть и они вѣнокъ лавровый вправѣ
 Потребовать отъ каждаго пѣвца,
 Но списокъ ихъ продлился бѣ безъ конца,
 И храбрость ихъ вѣнками награждая,
 Не кончилъ бы романа никогда я..

XVIII.

И потому такой почтенный трудъ
 Вполнѣ предоставляю я газетамъ:
 Пускай они убитыхъ перечтутъ,
 Помянутъ ихъ съ печалью и привѣтомъ,
 И трижды, трижды будетъ счастливъ тотъ,
 Чье имя журналистъ не перевертеть:
 Одинъ примѣръ я знаю: *Гросъ* скопчался —
 И послѣ смерти *Гровъ* онъ назывался. ⁴

XIX.

Въ разгаръ атаки брошенъ былъ Жуанъ,
 А съ нимъ — Джонсонъ, и оба нападали,
 Рубя и порожая муссульманъ,
 И шли — куда? — они того не знали,
 Но шли впередъ, шагали чрезъ тѣла;
 Тамъ, гдѣ рѣзня отчаяннѣй была,
 Друзья разгоряченные являлись
 И словно надъ опасностью смѣялись.

XX.

То подвигались нѣсколько впередъ
 Они среди окровавленныхъ труповъ,
 Чтобъ овладѣть у каменныхъ высотъ
 Однимъ изъ выдававшихся уступовъ,
 То отступали медленно назадъ,
 Когда ихъ осыпалъ чугунный градъ,
 По лужамъ крови ноги ихъ скользили
 И умиравшихъ воиновъ давили.

XXI.

Въ тотъ день Жуанъ извѣдалъ въ первый разъ
 Военный дымъ. Хотя всю ночь онъ дрался
 И стужу испыталъ въ полночный часъ,
 Отъ холода, быть-можетъ, содрагался
 И ждалъ когда изъ массы темныхъ тучъ
 Проглянетъ утра радостнаго лучъ,
 Но все же Донъ-Жуанъ не растерялся
 И бѣгствомъ отъ осады не спасался.

XXII.

А если бъ и бѣжалъ — бѣды въ томъ нѣтъ.
 Такъ многіе герои начинали.
 Припомните, какъ Фридрихъ, сынъ побѣдъ,
 При Мольвицѣ бѣжалъ... Мы всѣ бывали
 Въ подобномъ положеніи, — потомъ,
 Переломивъ себя, шли на проломъ
 И ради денегъ или убѣжденій,
 Какъ дьяволы, дрались среди сраженій.

XXIII.

Онъ былъ, какъ Эринъ⁵ прежде называлъ
 На древнемъ языкѣ ирландскомъ, или
 На языкѣ пуническомъ — (я зналъ,
 Что мудрецы иные находили
 Сродство между ирландскимъ языкомъ
 И рѣчью Ганнибала. Я знакомъ
 Съ тѣмъ мнѣніемъ: оно рационально,
 Но только вовсе не національно) —

XXIV.

Онъ былъ, какъ по ирландски говорятъ,
 «Цвѣтъ юности», поэзіи созданье;
 То упиваться страстью былъ онъ радъ,
 Жилъ для любви и пылкаго лобзанья,
 То съ радостью бросался въ шумный бой,
 Готовый въ битвѣ жертвовать собой,
 И отдаваясь новымъ ощущеньямъ,
 Считалъ рѣзню пріятнымъ развлеченьемъ.

XXV.

Въ любви, какъ и въ бою, онъ веселъ былъ,
 Впопыхъ могла гордиться молодежь имъ;
 Нашъ Донъ-Жуанъ сражался и любилъ,
 Какъ говорятъ, съ «намѣреньемъ хорошимъ».
 Такъ дипломатъ, герой, законовѣдъ
 Готовятъ намъ всегда одинъ отвѣтъ:
 «Трудились мы во имя доброй цѣли».
 Жаль, что въ аду устроены панели —

XXVI.

Изъ этихъ «добрыхъ цѣлей». ⁶ Если адъ
 Такою мостовою обладаетъ,
 То думаю — теперь она наврядъ
 Еще цѣла, затѣмъ что въ адъ вступаетъ
 Безъ всякихъ добрыхъ цѣлей разный сбродъ,
 И путникъ мостовой той не найдетъ
 Теперь въ аду: тамъ улицы навѣрно,
 Какъ въ Лондонѣ Поль-Моль, содержатъ скверно.

XXVII.

Капризная случайность много разъ
 Жену отъ мужа разомъ отдѣляла
 И онъ совсѣмъ терялъ ее изъ глазъ.
 Такъ и теперь случайность напугала
 Героя моего: замѣтилъ онъ,
 Что перестрѣлкой жаркой увлечонъ,
 Вдругъ очутился онъ на новомъ мѣстѣ,
 И нѣтъ его товарищей съ нимъ вмѣстѣ.

XXVIII.

Тотъ случай пусть другіе объясняютъ.
 Товарищи, быть-можетъ, смяты были,
 А остальные бросились назадъ...
 Такъ нѣкогда и Цезаря смутили
 Его войска, и былъ онъ принужденъ
 Сбирать за легиономъ легионъ
 И снова призывалъ ихъ для сраженья
 И мести за минуту пораженья.⁷

XXIX.

Но Донъ-Жуанъ — не Цезарь былъ, ему
 Не предстояло подвига такого,
 Хотя и храбръ онъ былъ, а потому
 Онъ постоялъ минуты двѣ и снова
 Какъ... какъ осель... (Читатели! Гомеръ —
 Пусть вамъ послужитъ въ прокъ такой примѣръ —
 Къ Аяксу прилагалъ сравненье то же,
 Такъ мнѣ его стыдиться для чего же?)

XXX.

Итакъ, впередъ пошолъ онъ, какъ осёлъ,
 И даже не хотѣлъ и оглянуться,
 Но видя, что въ огонь онъ прямо шолъ,
 Жуанъ назадъ рѣшился обернуться,
 Стараясь отыскать свой полкъ въ дыму,
 Что было трудно нѣсколько ему:
 Весь полкъ, въ которомъ онъ недавно бился,
 На половину въ трупы обратился.

XXXI.

Не видя ни начальства, ни полка,
 Богъ вѣсть куда пропавшихъ... (Не стараюсь
 Тотъ случай объяснить я, но пока
 Лишь объ одномъ замѣтить здѣсь рѣшаюсь:
 По моему, совсѣмъ въ томъ дива нѣтъ,
 Что юноша въ горячкѣ юныхъ лѣтъ,
 За славою гоняясь, увлекался
 И невзначай съ полкомъ своимъ разстался.)

XXXII.

Итакъ, Жуанъ совсѣмъ сталъ одинокъ
 И чувствовалъ полнѣйшую свободу.
 Какъ путникъ на болотный огонёкъ
 Стремится ночью въ дождь и непогоду,
 Какъ выброшенный на берегъ морякъ
 Себѣ приюта ищетъ — точно такъ
 И Донъ-Жуанъ, руководимый славой,
 Спѣшилъ туда, гдѣ жарче бой кровавый.

XXXIII.

Жуанъ не зналъ и не хотѣлъ онъ знать,
 Гдѣ былъ теперь, — вся кровь въ немъ запылала,
 И стали взоры молніи метать,
 И жажда битвы жгла и опьяняла.
 Туда, гдѣ пушекъ слышался раскатъ,
 Гдѣ словно разверзался цѣлый адъ,
 Онъ бросился... О, Бэконъ! истребленье
 Намъ принесло твое изобрѣтенье!...⁸

XXXIV.

Жуанъ бѣжалъ впередъ, и на бѣгу
 Съ второй колонной Ласи⁹ повстрѣчался.
 Въ колоннѣ той. благодаря врагу,
 Онъ многихъ храбрецовъ не досчитался:
 На половину силы лишена,
 Теперь дралась отчаянно она...
 И къ ней Жуанъ примкнулъ, какъ новый воинъ,
 И сталъ въ ряды увѣренно-спокоенъ.

XXXV.

Въ ту самую минуту и Джонсонъ
 Явился тамъ же, послѣ отступленья:
 Такъ поступаетъ воинъ, если онъ
 Спѣшитъ бѣжать, бояся пораженья.
 Но, кажется, Джонсонъ былъ не таковъ:
 Послѣднимъ битву кинуть онъ готовъ,
 Когда же отступалъ, то, безъ сомнѣнья,
 Особое имѣлъ соображенье.

XXXVI.

Замѣтилъ скоро опытный Джонсонъ,
 Какъ вкругъ него солдаты умирають, —
 Одинъ Жуанъ былъ случаемъ спасенъ;
 Всѣ новички опасности не знаютъ
 И жизнью рискуютъ невпопадъ...
 Тогда Джонсонъ вдругъ повернулъ назадъ,
 Въ минутѣ эту страшную готовый
 Товарищей созвать для битвы новой.

XXXVII.

Въ то время пули сыпались кругомъ,
 Съ заваловъ, съ бастіоновъ Измаила,
 Изъ оконъ, съ крышъ. Какъ черти, въ каждый домъ
 Засѣли муссульмане. Трудно было
 Войскамъ ту перестрѣлку выносить...
 Межь-тѣмъ Джонсонъ, рѣшившись отступить,
 Своихъ стрѣлковъ увидѣлъ въ отдаленьи,
 Разсѣянныхъ въ испугѣ и смятеньи.

XXXVIII.

Онъ позвалъ ихъ — они сошлись на зовъ
 Скорѣй, чѣмъ духи. Вспомнимъ изреченье,
 Что не всегда любезный духъ готовъ
 На вызовъ нашъ придти.¹⁰ Въ одно мгновенье
 Стрѣлки вкругъ Джонсона собрались...
 Съ такимъ инстинктомъ люди родились:
 Они вездѣ являются какъ стадо;
 Кому нибудь имъ подчиняться надо.

XXXIX.

Юпитеромъ клянусь я, что Джонсонъ
 Былъ славный малый, хоть и назывался
 Не столько благозвучно въ мѣрѣ онъ,
 Какъ Ахиллесъ съ Аякомъ; но сражался
 За то неутомимо, точно левъ.
 Въ его лицѣ былъ не замѣтенъ гнѣвъ,
 Негодованье сильное, волненье:
 Онъ подвиги свершалъ безъ восхваленья.

XL.

Онъ отступилъ; но это былъ расчотъ.
 Онъ зналъ, принимая ретираду,
 Что назади товарищей найдетъ
 И снова поведетъ ихъ на осаду.
 Герои робость чувствуютъ порой,
 Но если въ битву ринется герой,
 То отступаетъ только на мгновенье,
 Чтобъ отдохнуть и — снова въ пылъ сраженья.

XLI.

Джекъ отступилъ, какъ я ужь говорилъ,
 Чтобъ вновь солдатъ вести на мѣсто это,
 Гдѣ страхъ въ безвѣстный мѣръ переходилъ,
 По выраженью старому Гамлета.
 Но этимъ не тревожился Джонсонъ;
 Какъ гальванизмомъ, былъ онъ оживленъ,
 И воиновъ его одушевленье
 Заставило вновь броситься въ сраженье.

XLII.

Но — чортъ возьми! — нашли они опять
 То самое, что ихъ еще недавно
 Заставило изъ битвы убѣжать.
 О, пусть за службу платятъ имъ исправно,
 Пусть о безсмертїи славы говорятъ, —
 Они нашли, что снова вокругъ ихъ адъ,
 И на себѣ тотчасъ же испытали
 Тѣ ужасы, которыхъ убѣжали.

XLIII.

Какъ подъ косою склоняется трава,
 Какъ хлѣбъ подъ градомъ, воины валились.
 Та истина давно ужъ не нова,
 Что съ жизнью очень хрупкой мы родились.
 Стрѣляли турки мѣтко очень въ цѣль
 И тотчасъ обратили ихъ въ кисель,
 И храбрецы, бросавшіеся львами,
 Съ разбитыми летѣли головами.

XLIV.

Какъ дьяволы, скрываясь за стѣной,
 Ряды солдатъ сметали муссультмане,
 И смерть носилась бурею степной...
 А между-тѣмъ, въ томъ огненномъ туманѣ
 (Чѣмъ объяснить людской судьбы законъ?)
 Съ толпою храбрецовъ своихъ Джонсонъ,
 При свистѣ пуль, въ дыму, впередъ прорвался
 И наконецъ на верхъ стѣны взобрался.

XLV.

Одинъ, другой и скоро весь кружокъ
 Былъ на стѣнѣ — но ихъ въ минуты эти
 Рискъ всюду ожидалъ: какъ кипятокъ,
 Жгли пули тѣхъ, кто былъ на парпетѣ,
 И тѣхъ кому пришлось стоять внизу,
 А потому чугунную грозу
 И тучи пуль, не пролетавшихъ мимо,
 Выдерживать пришлось неумолимо.

XLVI.

Но кто достигъ стѣны, тотъ увидалъ,
 Что ихъ спасла ошибка осажденныхъ;
 Турецкій инженеръ не понималъ
 Въ войнѣ построекъ самыхъ немудреныхъ:
 Онъ въ центрѣ парпета нужнымъ счолъ
 Наставить бесполезный частоколъ,
 И бравшимъ крѣпость эту не преграды,
 А помощь оказали палисады:

XLVII.

Затѣмъ, что тамъ на каждой сторонѣ
 По десяти солдатъ могло держаться,
 Чѣмъ пользоваться начали вполнѣ
 Успѣвшіе къ площадкѣ той добраться:
 Они могли стрѣлять тамъ, ставши въ рядъ,
 И опрокинуть тотчасъ палисадъ...
 Не всѣ изъ нихъ, однако, уцѣлѣли
 И наконецъ пришли къ желанной цѣли.

XLVIII.

Межь первыми... о *первомъ* умолчу:
 Я знаю, что такое предпочтенье
 (Я поселять раздора не хочу)
 Родить и межъ друзьями огорченье.
 Скажите мнѣ, какой же смѣлый Бритъ
 Джонъ-Буллю могъ сказать, что былъ разбитъ
 Нашъ Велингтонъ, хотя такое мнѣнье
 Пруссави повторяютъ безъ сомнѣнья.

XLIX.

Они еще при этомъ говорятъ,
 Что еслибъ Блюхеръ, Бюловъ, Гнейзенау
 И множество другихъ на «овъ» и «ау»
 Не подошли, то Велингтонъ наврядъ
 Подъ Ватерло сберегъ бы честь и славу,
 И былъ бы принужденъ уйдти назадъ,
 За что потомъ лишился бъ пенсіона.
 Такъ говорятъ они про Велингтона.

L.

Но пусть хранить всѣхъ сильныхъ міра рокъ!
 Вѣдь имъ не ждатель охраны отъ народа.
 Я словно пѣнье птички подстерегъ:
 Она поетъ, что въ міръ идетъ свобода...
 И кляча принимается лягать,
 Когда хомутъ начнетъ ей шею жать,
 И Иова терпѣнье, вѣроятно,
 Не долго людямъ будетъ такъ пріятно.

LI.

Толпа ворчитъ сначала, какъ Давидъ,
 Потомъ бросаетъ камни въ великана
 И наконецъ съ оружіемъ бѣжитъ,
 Ожившая отъ гнета и обмана.
 И тутъ начнется бой, заблещетъ сталь...
 При этомъ могъ воскликнуть я: «какъ жалъ!»
 Но убѣжденъ, что общее движенье
 Спасетъ весь шаръ земной отъ оскверненья.

LII.

Но далѣе. — Не первымъ, я сказалъ,
 Но лишь однимъ изъ первыхъ устремился
 Безстрашный Донъ-Жуанъ на грозный валъ:
 Онъ словно въ битвахъ выросъ и родился,
 Хоть жаркій бой онъ видѣлъ въ первый разъ.
 Отъ жажды славы кровь его зажглась
 И—женственный, чувствительный, прекрасный—
 Увлекся онъ теперь рѣзней ужасной.

LIII.

Да, онъ былъ тамъ, на крѣпостной стѣнѣ,
 Онъ — то дитя, которое любило
 Склоняться къ женской груди въ тишинѣ...
 Жуану знать совсѣмъ не нужно было
 Слова Руссо: «красавица! слѣди
 За милымъ ты, когда съ твоей груди
 Онъ соскользнетъ». Жуанъ не покидалъ ихъ,
 Когда любилъ. Его отъ губокъ алыхъ —

LIV.

Одна судьба могла лишь оторвать,
 Иль вѣтры, или волны, иль родные
 (Ихъ, впрочемъ, невозможно различать).
 Теперь же на бойницы крѣпостныя
 Онъ сдѣлалъ смѣлый шагъ — онъ, чья душа
 Была чиста и дѣтски хороша,
 И какъ скакунъ пришпоренный помчался
 Туда, гдѣ голосъ смерти раздавался.

LV.

Къ его вискамъ ключомъ бросалась кровь,
 Встрѣчаясь вдругъ съ препятствіемъ нежданнымъ.
 (Такъ всадники нерѣдко хмурятъ бровь
 Предъ первымъ же заборомъ деревяннымъ,
 И тотъ изъ нихъ, кто больше всѣхъ тяжолъ,
 Рискуетъ испытать не мало золь...) —
 Онъ издали могъ звѣрству ужасаться,
 Пока въ немъ кровь не стала разгораться...

LVI.

Въ главѣ колонны бывший генералъ,
 Со всѣхъ сторонъ тѣснимый и разбитый,
 Вдругъ храбрецовъ нежданныхъ увидалъ
 И, удивленъ подобною защитой,
 Благодарить Жуана поспѣшилъ,
 Сказавъ, что сдаться долженъ Измаиль.
 Онъ, какъ Пистоль,¹¹ угадывалъ заранѣ,
 Что встрѣтилъ не бездѣльника въ Жуанѣ.

LVII.

Но Донъ-Жуанъ-языкъ нѣмецкій зналъ
 Не болѣе санскритскаго... Поклономъ
 Онъ только генералу отвѣчалъ;
 По лентамъ же его окровавлѣннымъ,
 По тону, по медалямъ и звѣздамъ,
 По важнымъ повелительнымъ рѣчамъ
 Жуанъ въ одну минуту догадался,
 Что крупнымъ онъ сановникомъ считался.

LVIII.

Но ихъ бесѣда длиться не могла:
 Они другъ друга мало понимали...
 Когда кругомъ насъ мертвыя тѣла,
 Когда вокругъ насъ дрались и умирали,
 Когда, средь вздоховъ, стоновъ, криковъ, слезъ,
 Вступить съ другимъ въ бесѣду намъ пришлось,
 То каждый бы на дѣдѣ убѣдился,
 Что разговоръ не долго бы продлился.

LIX.

Что здѣсь въ восьми строкахъ я описалъ,
 Въ одну минуту это совершилось,
 Но кто минуту эту испыталъ,
 Тѣмъ никогда она не позабылась.
 Въ единый стонъ слился весь Измаилъ
 И словно грохотъ пушекъ заглушилъ:
 Разслышать можно было птички пѣнье
 Средь ужасовъ предсмертнаго хрипѣнья.

LX.

Взять Измаилъ. «Богъ нивы сотворилъ,
 А города создать умѣли люди».
 Слова поэта¹² здѣсь я повторилъ.
 Согласенъ я. Когда распались въ грудѣ
 Римъ, Тиръ и Вавилонъ и Карфагенъ,
 То у развалинъ этихъ павшихъ стѣнъ
 Подумаешь, что мiръ къ тому стремится,
 Чтобъ вновь въ лѣсахъ дремучихъ поселиться.

LXI.

Изъ всѣхъ людей, всѣхъ націй и временъ,
 (Межъ ними Силла только исключенье)
 Изъ всѣхъ насъ ослѣпляющихъ именъ
 Лишь Бунъ¹³ одинъ зналъ счастье безъ волненья.
 Жилъ, какъ охотникъ, этотъ генералъ,
 Однихъ звѣрей лѣсныхъ онъ убивалъ
 Среди лѣсовъ страны своей далекой
 И честно жилъ до старости глубокой.

LXII.

Онъ преступленій въ жизни не знавалъ —
 Они бѣгутъ всегда уединенья —
 Онъ бодрости и силы не терялъ,
 Не слыша стоновъ, воплей и презрѣнья...
 Мы всѣ не ищемъ счастья въ тиши,
 Но въ тайнѣ ненавидимъ отъ души
 Жизнь городовъ съ ихъ воздухомъ острожнымъ...
 Сто лѣтъ жилъ Бунъ въ довольствѣ безтревожномъ

LXIII.

И честное намъ имя завѣщаль
 Съ извѣстностью почетной и всемірной...
 Мечъ война той славы не давалъ;
 Нѣтъ, какъ припѣвы пѣсенки трактирной,
 О, слава, мимолетна въ міръ ты,
 Когда въ тебѣ нѣтъ дѣтской чистоты!
 Отшельникъ Бунъ жилъ, какъ дитя природы,
 Ни съ кѣмъ не раздѣливъ своей свободы.

LXIV.

Да, онъ бѣжалъ людей и земляковъ.
 Когда они жить рядомъ съ нимъ хотѣли,
 Онъ удалился въ глубь своихъ лѣсовъ,
 Гдѣ люди досаждаютъ ему не смѣли,
 (Скучна цивилизація ужь тѣмъ,
 Что угодить въ ней невозможно всѣмъ)
 Когда жь съ людьми порою онъ встрѣчался,
 То кротостью и лаской отличался.

LXV.

Но одинокимъ не былъ онъ; росли
 Съ нимъ дѣти вѣчныхъ дебрей и охоты
 Средь новой, возродившейся земли,
 Не вѣдая печали и заботы.
 Вдали людей, въ виду простыхъ картинъ,
 Они не знали горести морщинъ,
 Младенчески любили мать-природу...
 Свободный лѣсъ сберегъ имъ ихъ свободу.

LXVI.

Изъ нихъ былъ каждый крѣпокъ и здоровъ,
 Ихъ умъ не волновала алчность съ дѣтства,
 Какъ всѣхъ дѣтей изъ шумныхъ городовъ:
 Зеленые лѣса — вотъ ихъ наслѣдство.
 Ихъ не пугала дряхлость горожанъ,
 Ихъ мода не рядила въ обезьянъ,
 Они въ звѣрей безъ промаховъ стрѣляли,
 Но ссоры межъ собою презирали.

LXVII.

Подѣнный трудъ ихъ силъ не утомлялъ,
 Сопровождало всюду ихъ веселье,
 Ихъ чистоты развратъ не осквернялъ,
 Не увлекало роскоши бездѣлье
 Дѣтей лѣсовъ; не вѣдая заботъ,
 Они умѣли жить за годомъ годъ,
 Не зная городского поселенья, —
 Не тяготило ихъ уединенье.

LXVIII.

Теперь мы для контраста перейдемъ
 Къ дѣламъ цивилизованнаго вѣка,
 Гдѣ есть чума, войны упорной громъ,
 Гдѣ жажда власти губить человѣка;
 Пойдемъ туда, гдѣ тысячи солдатъ
 По прихоти въ кровавый бой спѣшатъ,
 Гдѣ имъ готова вѣрная могила...
 Вернемся мы къ осадѣ Измаила.

LXIX.

Взять Измаиль. Проклятья, стоны, крикъ...
 Войска частями въ крѣпость прорывались.
 Съ турецкой саблей скрещивался штыкъ,
 Рыданья бѣдныхъ женщинъ раздавались,
 А сѣрый дымъ надъ городомъ стоялъ
 И небо утра раннего скрывалъ.
 Какъ бѣшеные, турки защищались
 И каждый шагъ земли отбить старались.

LXX.

Кутузовъ — тотъ, что послѣ далъ отпоръ
 Наполеону (съ помощью морозовъ),
 Былъ встрѣченъ муссульманами въ упоръ.
 Онъ молодъ былъ тогда еще и розовъ,
 Любилъ острить предъ другомъ и врагомъ,
 Хоть пули, ядра сыпались кругомъ; -
 Но здѣсь, съ остаткомъ гренадерской роты,
 Онъ долженъ былъ забыть свои остроты.

LXXI.

Съ толпой солдатъ онъ ровъ перескочилъ,
 Гдѣ лужи алой крови пролилися.
 Здѣсь храбрецы, собравъ остатки силъ,
 На верхъ до парашета добралися,
 Но ихъ кружокъ съ урономъ былъ отбитъ,
 (Межъ ними Рибопьеръ тогда убитъ)
 И муссульмане въ ровъ окровавленный
 Отбросили Кутузова съ колонной.

LXXII.

Ихъ спасъ одинъ блуждающій отрядъ.
 Онъ къ берегу былъ принесенъ теченьемъ,
 Гдѣ въ мѣстности, безвѣстной для солдатъ,
 Какъ сонный онъ бродилъ, но съ наступленьемъ
 Алѣющаго утра, онъ попалъ
 Туда, гдѣ полкъ Кутузова стоялъ.
 Такъ, въ это утро съ солнечнымъ восходомъ,
 Кутузовъ былъ спасенъ его приходомъ.

LXXIII.

Его солдаты стали ужь терять
 Последнюю надежду на спасенье
 И начали отъ страха трепетать, —
 Какъ тотъ отрядъ, минуя укрѣпленье,
 Открылъ имъ входъ въ угрюмый Измаилъ
 И духъ героевъ бѣдныхъ оживилъ,
 Продрогнувшихъ отъ вѣтра и отъ стужи
 Въ глубокомъ рву среди кровавой лужи.

LXXIV.

Казакѣ, или лучше — козакѣ,
 (Не соблюдаю я правописанья:
 Ошибки только въ фактахъ велики,
 И дѣло, право, вовсе не въ названьяхъ)
 Умѣвшіе лишь съ гикомъ налетать,
 Не мастера осадой крѣпость брать,
 Но ловкостью своей они дивили —
 И турки всѣхъ казаковъ изрубили.

LXXV.

Хоть сыпалась кругомъ на нихъ картечь,
 Они на валъ взобраться постарались
 И думали, что станутъ городъ жечь,
 И грабить Измаилъ уже собирались,
 Но то дурной къ несчастью былъ расчётъ —
 И турки, заманивши ихъ вперёдъ,
 Расчитаннымъ, фальшивымъ отступленьемъ,
 На нихъ напали вдругъ съ остервененьемъ.

LXXVI.

Едва взглянуло солнце сквозь туманъ —
 Казаки, жертвы хитрости военной,
 Погибли отъ ударовъ муссульманъ,
 И съ храбростью своею неизмѣнной
 Ложились грудой труповъ на пути...
 По ихъ тѣламъ впередъ спѣшилъ пройти
 Есудкій подполковникъ съ батальономъ:
 Онъ торопился къ грознымъ бастіонамъ.

LXXVII.

Тотъ храбрый мужъ враговъ повсюду билъ,
 Но, защищая городъ осаждѣнный,
 Герою непріятель отомстилъ —
 И палъ Есудкій, въ битвѣ пораженный...
 Но русскіе валы успѣли взять,
 Хоть не могли еще торжествовать:
 Ударъ ударомъ страшнымъ отражался,
 Безъ крови шагъ земли не уступался.

LXXVIII.

Въ тотъ самый часъ не мало пострадалъ
И смятый строй еще другой колонны...
Историкъ правъ: совѣты онъ давалъ —
Солдатамъ атакующимъ патроны
Не щедро при осадѣ раздавать...
Къ чему безъ пользы выстрѣлы терять,
Когда впередъ идти имъ нужно смѣло
И съ помощью штыковъ окончить дѣло.

LXXIX.

Колоннѣ же Мекнопа, (генераль
До этого убитъ былъ на сраженьѣ)
Тутъ удалось взбѣжать на грозный валъ.
Хоть бились муссультмане въ изступленьи
И рѣзали враговъ со всѣхъ сторонъ,
Солдатами былъ взятъ тотъ бастіонъ,
Гдѣ Сераскиръ упорно защищался
И, не смотря на жертвы, не сдавался.

LXXX.

Жуанъ и съ волонтерами Джонсонъ
Просили Сераскира тотчасъ сдаться,
Но этихъ словъ не могъ, и слышать онъ:
Татаринъ храбрый снова началъ драться
И былъ убитъ. Съ нимъ англійскій морякъ,
Переговоровъ длинныхъ строгій врагъ,
Задумавшій взять плѣннымъ Сераскира,
Какъ Сераскиръ, былъ выключенъ изъ міра.

LXXXI.

Онъ пулею убитъ былъ наповаль —
 И тутъ переговоры прекратились;
 Никто пощады болѣе не зналъ,
 Свинцомъ и сталью люди мстить пустились —
 И обратился вдругъ турецкій станъ
 Въ три тысячи убитыхъ муссульманъ:
 Паль Сераскиръ предъ русскими войсками,
 Проколотый шестнадцатью штыками.

LXXXII.

Взять Измаилъ, но взять былъ по частямъ.
 Смерть кровью жертвъ несчастныхъ упивалась;
 Стенанья раздавались здѣсь и тамъ...
 И въ этотъ часъ самъ богъ войны, казалось,
 Блѣднѣлъ отъ звѣрства бѣшеной рѣзни
 И люди — полно, люди ли они? —
 Чудовищами были въ тѣ мгновенья,
 Чудовищами зла и преступленья.

LXXXIII.

Одинъ изъ офицеровъ русскихъ вдругъ
 Почувствовалъ, межъ труповъ пробираясь,
 Что былъ зубами схваченъ за каблукъ:
 Такъ насъ змѣя хватаетъ, извиваясь.
 Напрасно рвался онъ; ругался и кричалъ
 И какъ голодный волкъ на помощь звалъ,
 Но зубы все сильнѣй въ него впивались
 И съ жертвою своей не разставались.

LXXXIV.

Такъ турокъ умиравшій укусилъ
 Врага за ногу хищными зубами,
 Въ его пята съ хрипѣньемъ ихъ вонзилъ...
 (О, Ахилесъ! Ужь съ давнихъ поръ межъ нами —
 Какой нибудь острякъ виновенъ тутъ —
 Всѣ именемъ твоимъ ее зовутъ.)
 И послѣ смерти даже, весь израненъ,
 На ней повисъ зубами муссульманинъ.

LXXXV.

Затѣмъ скажу, что русскій офицеръ
 Калѣкою, хромымъ остался вѣчно.
 Врачъ полковой не могъ придумать мѣръ,
 Чтобъ вылечить его — и врачъ, конечно,
 Упрековъ долженъ больше заслужить,
 Чѣмъ павшій турокъ, вздумавшій вонзить
 Всѣ зубы въ непріятельскую ногу...
 Нѣтъ, русскій врачъ виновнѣе, ей-Богу!..

LXXXVI.

Но фактъ здѣсь вѣренъ. Истинный поэтъ
 Неправды избѣгать всегда обязанъ.
 Въ поэтѣ томъ искусства вовсе нѣтъ,
 Когда къ однимъ онъ выдумкамъ привязанъ...
 Къ фантазіи онъ можетъ прибѣгать,
 Чтобъ стилемъ поэтическимъ плѣнять
 И ложью поэтической стараться
 Въ сердца людей довѣрчивыхъ пробратъся.

LXXXVII.

Взять Измаиль, но не сдать. Бранный мечь
 Изъ рукъ враговъ лишь смертью вырывали...
 Потокѣмъ кровь не уставала течь
 И турки въ битвѣ храбро умирали.
 Напрасно раздавался сквозь туманъ
 Побѣды крикъ къ войскамъ московитянъ,
 На каждый крикъ героевъ разъяренныхъ
 Вкругъ отзывались стоны побѣжденныхъ.

LXXXVIII.

Разятъ штыки и сабли все разятъ,
 Тѣла людей лежатъ кровавой кучей...
 Какъ осень обрываетъ пышный садъ,
 Какъ буря наклоняетъ лѣсъ могучій,
 Такъ разрушался гордый Измаиль;
 Но онъ въ своемъ паденьи грозенъ былъ:
 Такъ падаетъ во время бури лѣтней
 Грозой разбитый дубъ тысячелѣтній.

LXXXIX.

Ужасныя картины!.. Намъ пора
 Отъ ужасовъ военныхъ отвернуться...
 Такъ жизнь идетъ: смѣшенье зла, добра...
 Тамъ плачутъ люди, здѣсь — они смѣются...
 На жизнь смотря съ одной лишь стороны,
 Касаясь до одной ея струны,
 Читателямъ наскучить я рискую.
 Я мѣръ со свѣхъ сторонъ его рисую.

ХС.

Среди злодѣйствъ, преслѣдующихъ насъ,
 Одинъ поступокъ добрый «освѣжаетъ».
 (Въ нашъ фарисейскій вѣкъ встрѣчалъ не разъ
 Я это выраженье). Пусть смягчаетъ
 Такой поступокъ жесткость многихъ строкъ —
 И отъ войны забыться я готовъ,
 Хотя въ войнѣ пѣвцы искали темы
 Нерѣдко для эпической поэмы.

ХСІ.

Въ одномъ изъ бастіоновъ, гдѣ въ пыли
 Тѣла убитыхъ женщинъ попадались,
 (Онѣ и здѣсь спасенья не нашли)
 Повсюду сцены страшныя являлись,
 А между тѣмъ, прелестна, какъ весна,
 Тѣлами мертвецовъ окружена,
 Хорошенькая дѣвочка лежала
 И трупами укрыть себя желала.

ХСІІ.

За ней гнались два страшныхъ казака,
 Оружіемъ надъ дѣвочкой блистая...
 Предъ звѣрствомъ ихъ не кажется дика
 Звѣрей сибирскихъ бѣшенная стая.
 Медвѣдя, волка можно усмирить...
 Кого жь должны мы въ этомъ обвинить?
 Натура ли людей въ томъ виновата?
 Война толпу доводитъ до разврата.

ХСІІІ.

Надъ дѣвочкой ударъ уже висѣлъ.
 Всѣмъ тѣломъ содрогаясь отъ волненья,
 Она хотѣла спрятаться межъ тѣлъ,
 Но Донъ-Жуанъ явился въ то мгновенье.
 Что онъ сказалъ, не повторю я вслухъ,
 Чтобъ не смутить людей изящный слухъ,
 Но тотчасъ же казаки испытали
 Ударъ его неотразимой стали.

ХСІV.

Онъ одному плечо разсѣкъ, — другой
 Съ разрубленною ляшкой оказался.
 Отъ дѣвочки почти полу-нагой
 Онъ ихъ прогналъ. Потомъ Жуанъ старался
 Лица окровавленнаго черты
 Получше разсмотрѣть средь темноты,
 Надъ трупами недвижными, склонился
 И на руки малютку взять рѣшился.

ХСV.

Она была какъ трупы холодна.
 Ей участь павшей матери грозила:
 Кровавый шрамъ на лбу своемъ она
 Среди рѣзни ужасной получила,
 Но смерть рукой коснуться не могла
 Прекраснаго и дѣтскаго чела.
 Боясь бѣды и новаго обмана,
 Она взглянула дико на Жуана.

XCVI.

Когда ихъ взоры встрѣтились и вдругъ
 Они взглянули оба съ удивленьемъ,
 Когда въ лицѣ Жуана былъ испугъ,
 Надежда, радость вмѣстѣ съ сожаленьемъ,
 А взоръ ея отъ страха засверкалъ
 И дѣтскій ликъ прозрачно-блѣденъ сталъ —
 (Такъ кажется прозрачною для глаза
 На свѣчкѣ алебастровая ваза)

XCVII.

Предъ ними вдругъ явился Джонъ-Джонсонъ
 (Его я «Джекомъ» здѣсь не называю
 И, праздноя побѣды общій звонъ,
 Вульгарнымъ имя это я считаю).
 Онъ восклицалъ: «Жуанъ! впередъ, на бой!
 Готовъ теперь поклясться я Москвой,
 Что мы, взобравшись съ вами на траншею,
 Возьмемъ въ бою Георгія на шею!

XCVIII.

«Хоть Сераскиръ съ толпой своей разбитъ,
 Но, въ бастіонѣ каменномъ скрываясь,
 Межъ сотни тѣлъ паша еще сидитъ,
 Буря кальянъ, спокойно наслаждаясь
 И нашею и собственной стрѣльбой.
 Вкругъ батареи падаютъ гурьбой,
 Горою труповъ храбрые солдаты —
 И все-таки завалы тѣ не взяты.

XCIX.

«Впередъ — за мной!» — «Но посмотрите, Джонъ,
На это беззащитное созданье...

Сейчасъ ребенокъ этотъ мной спасёнъ...

Нельзя жь бросать его безъ состраданья.

Гдѣ спрятать мнѣ его?» Джонъ промолчалъ,

Потомъ свой галстухъ шолковый онъ смялъ

И возразилъ: «Бѣдняжку жаль. Вы правы...

Но все жь ребенка спрячете куда вы?»

C.

Жуанъ сказалъ: «Что бъ ни было со мной,

Я дѣвочку не брошу безъ призора:

Пусть будетъ меньше жертвою одной».

— «Мы всё погибнуть можемъ очень скоро...»

— «Пусть будетъ такъ! Я всё перенесу,

Но дѣвочку отъ гибели спасу.

Она осталась въ мірѣ одинока

И бросить такъ несчастную — жестоко».

CI.

— «Послушайте! ребенокъ очень милъ:

Подобныхъ глазъ не видѣлъ я на свѣтѣ;

Но, Донъ-Жуанъ, предъ нами Измаиль:

Пусть чувствамъ предаются только дѣти.

Пойдемте: городъ грабятъ въ этотъ часъ

И медленность — постыдный грѣхъ для васъ...

Впередъ, Жуанъ! Тамъ, гдѣ огонь сверкаетъ,

Обоихъ насъ побѣда ожидаетъ».

СII.

Жуанъ не соглашался, и тогда
 Джонсонъ, его любившій очень много,
 Двухъ-трехъ солдатъ избралъ не безъ труда,
 Чтобъ поручить ребенка имъ, и строго —
 Подъ страхомъ смерти — имъ повелѣвалъ,
 Чтобы сиротку каждый охранялъ,
 И за ея покой и сбереженье
 Онъ обѣщался дать имъ награжденье.

СIII.

Потомъ добычу павшихъ муссульманъ
 Межъ ними раздѣлить онъ обѣщался...
 И бросился тогда въ огонь Жуанъ...
 Громъ выстрѣловъ повсюду раздавался,
 Все рѣже становился кругъ солдатъ,
 Но все впередъ, впередъ они спѣшатъ...
 Герой въ войнѣ добычи жадно просить,
 Дерется львомъ и раны вокругъ наноситьъ.

СIV.

Вотъ каковы герои всѣхъ побѣдъ!
 Большая часть изъ нихъ — такого рода.
 Безъ грабежа имъ славы въ мѣръ нѣтъ,
 Безъ грабежа невѣдома свобода...
 Но — далѣе... Одинъ татарскій ханъ,
 (Онъ также называется — «султанъ»)
 Не думая о здачѣ, защищался
 И умереть съ мечомъ въ рукахъ поклѣлся.

CV.

Онъ былъ *пятью* сынами окружонъ.
 (Такъ многоженство воиновъ рождаетъ
 Десятками). Дрожалъ при мысли онъ,
 Что Измаиль разбитый погибаетъ,
 И жизнь свою рѣшилъ защищать...
 Не древняго героя воспѣвать
 Хочу я здѣсь, но стараго «султана»,
 Стоявшаго средь вражескаго стана.

CVI.

Какъ взять его?.. Храбрець всегда щадить
 Враговъ такихъ же храбрыхъ на дорогѣ...
 Героевъ войнъ нерѣдко двойственъ видъ:
 То — полу-звѣри или полу-боги;
 Они ревуть, какъ волны на бѣгу;
 То состраданье чувствуютъ къ врагу...
 Такъ иногда и въ самыхъ чорствыхъ людяхъ
 Проснется чувство доброе въ ихъ грудяхъ.

CVII.

Но плѣна не желалъ узнать султанъ
 И, разжигая злобу въ гренадерахъ,
 Рубилъ съ плеча упорныхъ христіанъ,
 Какъ шведскій Карлъ когда-то при Бендерахъ.
 Не отставали дѣти отъ отца,
 Желая съ нимъ остаться до конца,
 И жалость понемногу остывала
 Въ сердцахъ солдатъ у крѣпостного вала.

СVIII.

Напрасно и Джонсонъ и Донъ-Жуанъ
 Пускали въ ходъ нарѣчіе востока,
 Прося, чтобъ лучше сдался имъ султанъ,
 Чтобы не быть изрубленнымъ жестоко —
 Тотъ рассыпалъ удары вмѣсто словъ.
 Такъ съ скептиками докторъ-богословъ
 На диспутъ бранится безъ пощады,
 Такъ дѣти иногда бить нянекъ рады.

СIX.

Имъ раненъ былъ Жуанъ и самъ Джонсонъ.
 Жуанъ вздыхая, съ крикомъ англичанинъ
 Начали на султана съ двухъ сторонъ
 (Британецъ былъ взбѣшонъ за то, что раненъ) —
 И бросилась тогда со всѣхъ концовъ
 Ватага раздраженныхъ храбрецовъ
 На сыновей и стараго султана,
 Какъ частый дождь, летящій изъ тумана.

СХ.

И всѣ они погибли. Сынъ второй,
 Насквозь пробитый пулею, палъ мертвый,
 Сынъ третій былъ изрубленъ той порой,
 Подъ остреѣмъ штыка погибъ четвертый,
 Сынъ пятый, какъ другіе, умерщвленъ.
 Хоть былъ онъ христіанкою рожденъ
 И съ нимъ отецъ сурово обходился,
 Но за отца онъ умереть рѣшился.

СХІ.

Былъ туркомъ кровожаднымъ — старшій сынъ,
Достойный сынъ ученья Магомета.

Онъ въ смерти видѣлъ свѣтлый рядъ картинъ,
Въ ней видѣлъ гурій будущаго свѣта,
Прекрасныхъ, черноокихъ, райскихъ жонъ.

Тотъ, кто однажды ими былъ смущонъ,
Тотъ рвется къ тѣмъ плѣнительнымъ созданьямъ
И не считаетъ смерти наказаньемъ.

СХІІ.

Какъ будетъ ими встрѣченъ юный ханъ? —

Не знаю я, но нѣтъ въ одномъ сомнѣнья,
Что гуріи среди далекихъ странъ

Всѣмъ юношамъ окажутъ предпочтенье
Предъ старостью. Вотъ почему въ войнѣ
Толпамъ гибнуть юноши въ огнѣ;

Тѣламъ ихъ покрыта вся поляна..

И смерть щадитъ сѣдого ветерана.

СХІІІ.

Всѣмъ гуріямъ пріятно овладѣть

Красивымъ мужемъ въ мѣсяцѣ медовомъ,
Когда на жонъ онъ не привыкъ смотрѣть

Холоднымъ взоромъ, тусклымъ и сурьовымъ,
Когда жена ему еще близка

И неприятна роль холостяка.

Всѣмъ гуріямъ, что очень вѣроятно,

Поймать въ свой рай мужей такихъ пріятно.

СХІV.

Такъ юный ханъ, забывъ законныхъ жонъ
 И предъ глазами видя только гурій,
 Рвался впередъ, ихъ видомъ восхищонъ,
 Рвался впередъ несокрушимой бурей...
 Дерется муссультанинъ словно левъ,
 Чтобъ заслужить объять райскихъ дѣвъ.
 Они стремятся всѣ къ небесной сферѣ,
 Хоть всѣхъ небесъ — шесть-семь, по-крайней-мѣрѣ.

СХV.

Видѣнъ емъ райскимъ такъ онъ былъ плѣнѣнъ,
 Что, падая и кровью обливаясь,
 Шепнулъ: «Аллахъ!» — и рай увидѣлъ онъ.
 Завѣса рая пала, раскрываясь:
 Предъ нимъ сіянье райское встаетъ,
 Какъ безконечный солнечный восходъ,
 И въ сладострастномъ, розовомъ сіяньѣ
 Явился гуріи. Тогда дыханье —

СХVІ.

Онъ испустилъ, съ сіяньемъ на челѣ...
 Тутъ старый ханъ, про гурій не мечтавшій,
 Однихъ дѣтей любившій на землѣ
 И ихъ такъ невозвратно потерявшій,
 Замѣтивъ, какъ упалъ сыновній трупъ,
 Какъ топоромъ сраженный съ корня дубъ,
 Надъ тѣломъ сына старшаго склонился
 И отражать враговъ не торопился...

СХVII.

Онъ мечъ склонилъ. Тогда его судьбой
 Растроганы, солдаты не желали
 Вновь продолжать кровопролитный бой
 И старика о сдачѣ умоляли.
 Онъ ихъ движеній, словъ не понималъ,
 Онъ словно сердце разомъ потерялъ
 И задрожалъ какъ листь... Онъ догадался,
 Что въ этомъ мѣрѣ одинокъ остался.

СХVIII.

Но онъ очнулся вдругъ. Однимъ прыжкомъ
 На рядъ штыковъ онъ грудью налетаетъ.
 Такъ мотылекъ, скользя надъ огонькомъ,
 Кружится и, спаленый, умираетъ.
 Еще сильнѣй, сильнѣе онъ налѣгъ
 На сталь штыковъ, чтобъ кончить жизни срокъ,
 И посылая дѣтямъ взглядъ прощанья,
 Онъ испустилъ послѣднее дыханье.

СХIХ.

И' воины, привыкшіе карать
 Всѣхъ встрѣчныхъ на пути своемъ кровавомъ,
 Смотри, какъ старецъ началъ умирать
 Въ спокойствіи и гнѣвѣ величавомъ, —
 Растроганными были въ этотъ часъ.
 Хоть слезы не струилися изъ глазъ,
 Но къ смерти благородное презрѣнье
 Въ нихъ вызвало къ герою удивленье.

СХХ.

Но главный бастіонъ еще стоялъ,
 Гдѣ самъ паша упорно не сдавался
 И громомъ пушекъ армію встрѣчалъ.
 По временамъ лишь только онъ справлялся,
 Взять или нѣтъ врагами Измаиль,
 Когда жъ узналъ о гибели всѣхъ силъ,
 Послалъ онъ Бея сдѣлать соглашенье,
 Чтобъ сдачей кончить долгое сраженье...

СХХІ.

А самъ, скрестивши ноги, онъ сидѣлъ
 Среди развалинъ, трубкой наслаждаясь...
 Спокойнымъ блескомъ взоръ его горѣлъ:
 Паша на все смотрѣлъ не возмущаясь.
 Онъ бороду разглаживалъ рукой
 И благовонный дымъ пускалъ съ такой
 Улыбкою спокойной, словно боги
 Ему три жизни дали для дороги.

СХХІІ.

Такъ, городъ взять... Врагъ павшій изнемогъ,
 Ему и жизнь и храбрость измѣнила...
 Низвергнуть былъ луны блестящій рогъ...
 Не существуетъ больше Измаила —
 И красный крестъ надъ городомъ блеститъ...
 Надъ Измаиломъ зарево стоитъ
 И какъ въ волнахъ дискъ лунный серебрился,
 Такъ въ морѣ крови городъ отразился.

СХХІІІ.

Все то, что мысль способно запугать,
 Все то, что порождает преступленья,
 Все то, что дьяволъ можетъ совершать,
 Когда онъ доведенъ до изступленья,
 Все то, предъ чѣмъ потухнуть можетъ взглядъ,
 Все то, что наполняетъ смрадный адъ —
 Толпясь надъ этимъ каменнымъ погостомъ,
 Все это съ цѣпи разомъ сорвалось тамъ.

СХХІV.

Немногимъ, можетъ-быть, и удалось,
 Въ порывѣ благороднѣйшаго сердца,
 Спасти ребенка, можетъ-быть, пришлось
 Имъ защитить сѣдого иновѣрца,
 Но — это капля въ морѣ. О, Парижъ!
 О, лондонскій звѣака! Посмотри жь,
 Какое благородное занятье
 Въ войнѣ нашли твои земные братья!...

СХХV.

Подумайте, какой цѣною зла
 Дается всѣмъ намъ чтеніе газеты!..
 И всѣхъ васъ смерть застигнуть такъ могла...
 О, человѣкъ! страшись ее вездѣ ты...
 Готовясь къ ней, ты подати плати
 И вспоминай почаще на пути
 Исторію Ирландіи голодной,
 Ирландіи несчастной и безплодной.

СХХVI.

О, люди! вы голодный этотъ край
 Уэллслея славой насыщайте...
 Пусть безъ цвѣтовъ для васъ проходить май,
 Пусть жатвы ваши тощи — но узнайте,
 Что сытымъ голодъ вашъ не дастъ заботъ:
 Ирландія вся съ голоду умрѣтъ,
 А онъ, Георгъ великій, беззаботно
 Все будетъ жить и кушать очень плотно.

СХХVII.

Но эту пѣсню кончить нужно. Палъ
 Несчастный городъ. Зарево пожара
 Дунай кровавый мрачно отражалъ.
 Побѣды крикъ гремѣлъ повсюду ярко,
 Но пушекъ грозный ревъ уже затихъ.
 Изъ многихъ тысячъ варваровъ — въ живыхъ
 Лишь только сотенъ нѣсколько дышало,
 Все остальное въ битвѣ замолчало.

СХХVIII.

Но арміи отдать я долженъ честь,
 Она одно достоинство имѣла.
 Ту добродѣтель модной можно счесть,
 А потому о ней скажу я смѣло:
 Быть-можетъ, отъ суровости зимы,
 Отъ тощей пищи, холода и тьмы,
 Но храбрецы, что очень удивляло,
 Турецкихъ дамъ насилывали мало.

СХХІХ.

Убійствамъ предаваясь, грабежу,
 Они немного этимъ занимались,
 И я на нихъ французамъ укажу:
 О ихъ развратѣ томы исписались.
 Пусть этотъ фактъ оцѣнить, какъ хотятъ,
 Но дамы крѣпостныя, говорятъ,
 Застигнутыя въ павшемъ Измаилѣ
 Остались всѣ такими, какъ и были.

СХХХ.

Случались и ошибки въ темнотѣ,
 (Безъ фонарей вкусъ часто насъ кидаетъ)
 Притомъ, въ войнѣ мечтать о красотѣ
 И дымъ и торопливость намъ мѣшаетъ,
 А потому не избѣжали бѣдъ
 Шестъ старыхъ дѣвъ семидесяти лѣтъ:
 Они волненье новое узнали
 И гренадеровъ ласки испытали.

СХХХІ.

Но вообще съ достоинствомъ вели
 Себя войска, и дѣвы лѣтъ преклонныхъ
 Скрыть недовольства даже не могли,
 Что ихъ не взяли въ плѣнъ, какъ побѣждѣнныхъ.
 И вотъ онѣ старались отыскать
 Своихъ римлянъ, чтобъ съ ними въ бракъ вступать,
 Въ сабинскій бракъ безъ проволочекъ длинныхъ,
 Ненужныхъ тратъ и объясненій чинныхъ.

СХХХІІ.

Иныя вдовы, лѣтъ подѣ пятьдесятъ,
 Истративъ весь запасъ своихъ усилій,
 Шептали, вкругъ бросая томный взглядъ,
 «Ну что жь они не дѣлають насилій?»
 Но посреди другихъ грѣховъ тотъ грѣхъ
 Лишь только былъ одною изъ помѣхъ...
 Что съ вдовами случилось — скрыто мракомъ:
 Едва ли кто нибудь до нихъ былъ лакомъ.

СХХХІІІ.

Какъ новый Чингисъ-ханъ иль Тамерланъ,
 Суворовъ побѣдителемъ осталсѣ.
 Когда горѣлъ кругомъ разбитый станъ
 И пушекъ ревъ еще не унимался,
 Онъ въ Петербургъ депешу написалъ;
 Депешу эту я не забывалъ:
 «Помилуй Богъ! Взята враговъ станица,
 Взять Измаиль! Да здравствуетъ царица!»

СХХХІV.

Ужаснѣе я словъ не находилъ;
 Подобныхъ словъ перо не начертало...
 То, что прочелъ великій Даніиль,
 Въ себѣ такого смысла не вмѣщало...
 Не оскорбилъ всей націи пророкъ,
 А этотъ остроумецъ русскій могъ
 Писать стихи съ развалинъ бастіона,
 Являя міру новаго Нерона.

СXXXV.

Мелодію свою онъ написалъ
 Подъ музыку предсмертныхъ, хриплыхъ стоновъ.
 Потомъ ее едва-ль кто повторялъ;
 Но имена всѣхъ деспотовъ, Нероновъ,
 Заставлю я и камни повторять!
 Никто пусть не осмѣлится сказать,
 Что мы предъ ними ползали на свѣтѣ —
 И пусть свободу встрѣтятъ наши дѣти.

СXXXVI.

О, дѣти! пусть для васъ она придетъ!..
 Покажется вамъ басней невозможной
 Весь мой рассказъ, весь этотъ эпизодъ...
 О немъ забудьте въ вѣкъ вашъ безтревожный
 И прокляните вѣкъ нашъ поскорѣй,
 Сильнѣй, чѣмъ первобытныхъ дикарей:
 Они себя раскрашивать старались,
 Но ихъ узоры кровью не писались.

СXXXVII.

Когда жь историкъ въ древность васъ введетъ,
 Укажетъ на героевъ — вы смотрите
 На нихъ, какъ мы на мамонта хребетъ,
 И ихъ дѣла понять не хлопчите...
 Такъ смотримъ мы на надпись пирамидъ:
 Загадки ихъ никто не разрѣшитъ,
 Никто не разгадаетъ ихъ значенья,
 Какъ самой пирамиды назначенья.

СXXXVIII.

Читатели! исполнилъ я вполнѣ,
 Что обѣщаль. Я пѣлъ морей волненья,
 Пѣлъ о любви, о буряхъ, о войнѣ;
 Все сдѣлалъ такъ, какъ нужно, безъ сомнѣнья,
 Эпическую форму сохранялъ
 И лживыхъ извращеній избѣгалъ,
 Хотъ Аполлонъ внушалъ и мнѣ мотивы,
 Которые — то строги, то игривы —

СXXXIX.

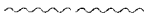
Нерѣдко вырывались у меня...
 Здѣсь я прерву героя похождения,
 Таинственность подобную цѣня,
 И отдохну пока отъ утомленья,
 На половину кончивъ свой романъ...
 Межъ тѣмъ съ депешей посланъ былъ Жуанъ
 Въ столицу, гдѣ давно депеши ждали
 И за исходъ осады трепетали.

СXL.

Онъ эту честь за храбрость заслужилъ
 И за прекрасный подвигъ состраданья.
 Онъ общимъ одобреньемъ встрѣченъ былъ,
 Когда въ рѣзнь невинное созданье
 Отъ звѣрства изступленнаго онъ спасъ.
 Жуанъ былъ самъ довольнѣй во сто разъ
 Спасеніемъ турчанки той прекрасной,
 Чѣмъ орденомъ почетнымъ съ лентой красной.

СХLІ.

Отправилась съ нимъ вмѣстѣ сирота.
Она одна осталась въ цѣломъ свѣтѣ:
У ней семья навѣки отнята,
Сталъ чуждъ ей Измаилъ. На минаретѣ
Къ молитвѣ не зоветъ ужь муэдзинъ...
Надъ ней рыдалъ теперь Жуанъ одинъ
И далъ обѣтъ — онъ вѣренъ былъ обѣту —
Лелѣять и беречь малютку эту.

ПѢСНЯ ДЕВЯТАЯ.

I.

О, Веллингтонъ! (иль даже «Vilainton»,¹
Два имени носилъ герой нашъ славный,
И, Франціей не бывъ униженъ, онъ
Даль тѣму ей для остроты забавной:
Всегда, вездѣ привыкъ смѣяться галль)
Вы стоите всѣхъ пенсій и похвалъ!
Когда бъ другой сталъ рядомъ съ вами смѣло,
То слово «нѣтъ!»² вездѣ бы прогремѣло.

II.

Но съ Кинердомъ³ дѣянья ваши — стыдъ;
За вашъ поступокъ въ дѣлѣ Маринета
Могилу вашу грязью осквернить
Въ Вестминстерскомъ аббатствѣ мнѣнье свѣта;
Что жь до другихъ разказовъ — не хочу
Ихъ вспоминать и лучше умолчу,
Но какъ ни стары вы — того не скроемъ —
А и донинѣ смотрите героемъ.

VI.

Я все сказалъ, а вамъ пора теперь
 Садиться за роскошнѣйшія блюда.
 Изъ этихъ блюдъ кусочка два за дверь
 Для вашей стражи выслать бы не худо:
 Тѣ бѣдняки голодные стоятъ;
 Да и въ народѣ голодъ, говорятъ...
 За дѣло вамъ назначена награда,
 Но и народъ вѣдь звбывать не надо...

VII.

Роль цензора мнѣ вовсе не съ руки,
 Къ тому жъ, лордъ-герцогъ, нынче времена-то
 Совсѣмъ не тѣ, — мы очень далеки
 Отъ чуждой намъ эпохи Цинцинната.
 Вы, какъ ирландецъ, можете любить
 Картофель — пусть! Но можно ли платить
 За вашу форму, если взглянемъ строго,
 Полмилліона фунтовъ? — Право, много!..

VIII.

Герои всѣ чуждались наградъ:
 Эпаминондъ спасъ Оивы — и скончался;
 Джоржъ Вашингтонъ былъ славой лишь богатъ
 И родины спасителемъ остался.
 Не меньше могъ гордиться старый Питтъ:
 Онъ, какъ министръ, съ душой великой бриттъ,
 Въ великое повергнулъ раззоренье
 Всю Англію и — стоитъ уваженья.

IX.

А вы — какъ много сдѣлать вы могли!..
 Вы въ состояннн были безъ сомнѣннн
 Прогнать Европы деспотовъ съ земли,
 Услышавъ націй всѣхъ благословеннн...
 А что жъ тецерь? гдѣ вашей славы блескъ?
 Съ войной умолкъ народа крикъ и плескъ!
 Тецерь странѣ голодной вы внимайте
 И всѣ свои побѣды проклиняйте!..

X.

Заговоривши въ пѣсняхъ о войнѣ,
 Къ вамъ обращаюсь съ музой откровенной,
 Съ той истиной, что вамъ и всей странѣ
 Нельзя прочесть въ газетѣ ежедневной:
 Свершали вы великн дѣла,
 Но, безъ души великой въ морѣ зла,
 Вы цѣли величайшей не свершили:
 Въ войнѣ о челоуѣчествѣ забыли.

XI.

Смѣется смерть. Вотъ онъ, ея скелетъ,
 Въ немъ тайна непонятная сокрыта
 И къ ней ключа еще доннѣ нѣтъ...
 Смѣется смерть надъ жизнню открыто...
 Смотрите: то чудовище глядитъ
 И все живое ужасомъ мертвитъ,
 А ротъ его недвижимъ, какъ могила,
 И въ немъ улыбка мертвая застыла.

XII.

Замѣтите, какъ смѣется тотъ скелетъ,
 Хотя и въ немъ когда-то жизнь играла,
 Но слуха у него ужь больше нѣтъ. —
 Чудовище ту силу потеряло;
 Но все жь оно смѣется и не разъ
 Своей рукой сдираетъ кожу съ насъ,
 И дѣлають, какъ жертвы лютой злости,
 Зловѣщія гримасы наши кости.

XIII.

Да, смерть смѣется. Грустный очень смѣхъ;
 Но отчего жь и жизни не смѣяться?
 И отъ своихъ земныхъ кумировъ всѣхъ
 Зачѣмъ она не хочетъ оторваться?
 Зачѣмъ, смѣясь, не топчетъ въ грязь она
 Ничтожныя, пустыя имена,
 Ничтожныя, какъ капли въ океанѣ,
 Забвенью обреченныя заранѣ?

XIV.

«Быть иль не быть? таковъ вопросъ». Шекспиръ
 Сказалъ о томъ намъ въ драмѣ пятиактной.
 Я не герой и, выступая въ міръ,
 Я не гонюсь за славою абстрактной;
 Я предпочту хорошій аппетитъ
 Болѣзни Бонапарга...⁵ Не прельститъ
 Меня триумфъ и пышный лавръ твой, воинъ,
 Когда желудокъ мой совсѣмъ разстроенъ.

XV.

«O, dura ilia messorum!»⁶ Вы,
 Жнецы полей и жители селенья!
 Для васъ недуги адскіе новы:
 У васъ дурного нѣтъ пищеваренья...
 Не даромъ льется онъ, крестьянскій потъ:
 Жнецъ трудится, живетъ роскошно мотъ,
 Но тотъ изъ нихъ счастливѣе, кто ночи
 Спокойно спитъ, не раскрывая очи.

XVI.

«Быть иль не быть?» Рѣшу я тотъ вопросъ,
 Когда я тайну жизни разгадаю;
 Хоть много мнѣнїй слышать мнѣ пришлось,
 Но эти мнѣнья всѣ я отвергаю.
 Для всѣхъ людей загадкой жизнь дана,
 А я привыкъ такъ думать издавна,
 Что бытіе людей на смерть похоже,
 Что жизнь и смерть — почти одно и тоже.

XVII.

Что жъ? «Que sais-je?» девизъ Монтэня былъ.
 Во всемъ привыкли люди сомнѣваться,
 До истины ихъ умъ не доходилъ,
 Ихъ «достоверность» можетъ измѣняться.
 Такъ мало знанья людямъ всѣмъ дано,
 Такъ въ знаньяхъ тѣхъ все спутано, темно,
 Что даже можно думать въ заключенье:
 Сомнѣнье въ насъ не есть процессъ сомнѣнья.

XVIII.

Быть-можетъ, какъ Пиронъ ⁷, пріятно плыть
 Среди догадокъ въ вихрѣ непогоды,
 Но вѣтеръ лодку можетъ утопить:
 Всѣ мудрецы плохіе мореходы.
 Надъ бездной мысли — плавать надоѣсть...
 У береговъ поищемъ мелкихъ мѣстъ,
 И тамъ въ тиши, не зная бурь опасныхъ,
 Найдемъ мы много раковинъ прекрасныхъ.

XIX.

«Намъ всѣмъ на небо нужно», такъ сказалъ
 Намъ Кассіо. ⁸ Спасать себя должны мы,
 Съ тѣхъ поръ, какъ смерть Адамъ намъ завѣщалъ.
 Но «воробьи—и тѣ судьбой хранимы
 И не падутъ безъ воли неба». ⁹ Я
 Не постигалъ пороковъ воробья:
 Быть-можетъ, онъ сидѣлъ на вѣткѣ дерева,
 Гдѣ отъ плода въ раю погибла Ева.

XX.

О, люди? Что такое филантропъ?
 Теогонія и космогонія?..
 Людьями я обвиненъ какъ мизантропъ,
 Чего постичь не могъ и въ наши дни я,
 Но мнѣ понятна въ васъ *ликантропія*, ¹⁰
 И не понять то слово мнѣ смѣшно бѣ,
 Съ тѣхъ поръ какъ вы при каждой новой ссорѣ
 Готовы выть волками на просторѣ.

XXI.

Но я всегда былъ скромень и смирёнъ,
 За мною нѣтъ большого преступленья,
 И хоть, порой, я духомъ былъ смущонъ,
 Но послѣ доходилъ до снисхожденья.
 Какой же мизантропъ я? Вѣдь не я
 Людей такъ ненавиждѣль, а меня
 Они встрѣчали ненавистью всюду...
 Но здѣсь я продолжать рассказъ свой буду.

XXII.

Впередъ, впередъ, прекрасный мой рассказъ!
 Да, мой рассказъ дѣйствительно прекрасенъ,
 Хоть, можетъ-быть, читатели, для васъ
 Онъ не совсѣмъ вездѣ казался ясенъ,
 Но твердо я теперь увѣренъ въ томъ,
 Что истина оцѣнится потомъ,
 Что мой романъ найдутъ вполне блестящимъ,
 А я пока доволенъ настоящимъ.

XXIII.

Герой нашъ былъ оставленъ на пути
 Къ Петрополю, къ тѣмъ доблестнымъ славянамъ,
 Въ которыхъ храбрость можемъ мы найти
 Скорѣй чѣмъ умъ. Тотъ край съ его туманомъ
 Сталъ нынче общей тѣмой для похвалъ,
 И самъ Вольтеръ на этотъ край взиралъ, —
 Чего, однако, я не одобряю...
 Теперь однимъ желаньемъ я сгараю —

XXIV.

Вести войну, хоть на словахъ пока,
 Бой противъ тѣхъ, кто нашу мысль стѣсняетъ.
 Тираны и льстецы! моя рука
 Мишенью для себя васъ избираетъ.
 Кто побѣдитъ? — не знаю; но всегда,
 Не уставая долгіе года,
 Я ненавиждѣть буду безконечно
 Всѣхъ, кто народомъ правитъ безсердечно.

XXV.

Но я не льстить хочу тебѣ, народъ!
 И безъ меня найдутся демагоги,
 Чтобъ всѣ кумиры свергнуть съ ихъ высотъ
 И новые поставить на дорогѣ.
 Не знаю я, чего они хотятъ,
 О чемъ хлопочутъ, спорять и шумять,
 Но я хочу, чтобъ дали же народу
 Свободу, настоящую свободу...

XXVI.

Врагъ партій всѣхъ, я заслужить могу
 Вражду всѣхъ партій, гнѣвъ и озлобленье,
 За то я не лукавлю и не лгу.
 Тотъ, кто не хочетъ выиграть сраженья,
 Не угнетать, не угнетеннымъ быть,
 Тотъ можетъ все свободно говорить, —
 Пусть выть начнутъ шакалы рабства всюду,
 Но съ воємъ ихъ сливаться я не буду.

XXVII.

Названіе шакаловъ къ нимъ идетъ, —
 Я слышалъ ихъ въ развалинахъ Эфеса. ¹¹
 Такъ точно воетъ ночи напролетъ
 Вся эта сволочь, выродокъ прогресса,
 И ловить дичь по прихоти господъ...
 Подлѣй самихъ шакаловъ тотъ народъ,
 Букашки тѣ, продажными полками
 Водимыя на битву пауками.

XXVIII.

Лишь взмахъ руки — и паутины нѣтъ.
 Всѣ пауки безъ паутины хилы...
 О, націи! услышьте мой совѣтъ
 И роите паукамъ своимъ могилы,
 Ихъ сѣтъ теперь густѣетъ съ каждымъ днемъ,
 Тарантулы плетутъ ее кругомъ...
 Лишь Атика съ Испаніей вставала,
 Чтобы вонзить въ своихъ тирановъ жало.

XXIX.

И такъ, Жуанъ съ депешою скакалъ,
 Гдѣ о пролитой крови говорилось,
 Какъ о водѣ... Громъ битвы замолчалъ
 И лишь стѣна изъ труповъ появилась,
 И этотъ бой, гдѣ бились двѣ страны,
 Умолкъ среди зловѣщей тишины.

.

XXX.

Жуанъ летѣлъ въ кибиткѣ безъ рессоръ,
 Въ проклятой, отвратительной телѣгѣ,
 Дорогою, мечталъ про разный вздоръ —
 О почестяхъ, о славѣ, о ночлегѣ,
 Жалѣлъ, что не Пегасъ его несетъ,
 И проклиналъ, сложивъ въ гримасу ротъ,
 Разбитыя, ужасныя дороги
 И безъ рессоръ устроенныя дроги.

XXXI.

При каждомъ неожиданномъ толчкѣ, —
 А тѣхъ толчковъ онъ получалъ не мало, —
 Жуанъ смотрѣлъ на спутницу въ тоскѣ
 И сожалѣлъ, что такъ она страдала
 На томъ пути, гдѣ только высшій рокъ
 Поставленъ наблюдателемъ дорогъ,
 Гдѣ каждый шагъ брать просто нужно съ бою
 И молча преклониться предъ судьбою.

XXXII и XXXIII.

Съ ребенка глазъ не сводитъ мой Жуанъ.
 Она была — трофеемъ его военный...
 О, деспоты кровавые всѣхъ странъ,
 Ты, Надиръ-Шахъ, чудовище вселенной,
 Въ пустыню обратившій Индустанъ,
 Какъ грѣшникъ ты погибъ отъ тяжкихъ ранъ
 Лишь потому, что злой недугъ пзвѣдавъ,
 Желудокъ твой не принималъ обѣдовъ.¹²

XXXIV.

Поймите всѣ: спасеніе одной,
 Одной лишь жизни юной и прекрасной
 Дороже лавровъ, купленныхъ войной,
 Облитыхъ кровью націи несчастной...
 Пусть вашихъ славныхъ подвиговъ дѣла
 Кругомъ встрѣчаютъ лесть и похвала,
 Но ваша слава... что такое слава?
 Минутный шумъ, минутная забава!

XXXV.

Вы, авторы брошюръ блестящихъ, книгъ,
 Вы, двадцать милліоновъ публицистовъ,
 Которымъ міръ внимать давно привыкъ, —
 Наемщики ли вы изъ журналистовъ,
 Кричащіе, что весь вашъ край богатъ,
 Иль ты, неукротимый демократъ,
 Ты, нещадящій бѣшенныхъ проклятій
 За голодъ и позоръ своихъ собратій, —

XXXVI.

Вы, авторы!.. Но — à propos de bottes —
 Мысль главную я позабылъ здѣсь, право
 (И мудрецы теряютъ мысли ходъ),
 Но убѣдить хотѣлъ я очень здраво
 И успокоить множество головъ
 Отъ разныхъ громкихъ, но невинныхъ словъ;
 А такъ какъ мнѣ не всѣ повѣрятъ въ этомъ,
 То мысль свою я скрою передъ свѣтомъ.

XXXVII.

Современемъ отыщется она,
 Когда нашъ вѣкъ ужъ явится *прошедшимъ*,
 Открытымъ снова, будто старина,
 Въ глубь древности затертымъ и ушедшимъ,
 Исторгнутымъ изъ хаоса опять,
 Чтобы его страницы прочитатъ,
 Дать волю любопытству, удивленью,
 И вновь предатъ, какъ всѣ вѣка, забвенью.

XXXVIII.

Такъ говорилъ Кювье; — и въ міръ тогда
 Вновь явятся отъ древности обломки,
 Пропавшіе изъ міра безъ слѣда;
 Такъ точно мы, отцовъ своихъ потомки,
 Гигантовъ отрываемъ изъ гробницъ
 Почти что въ мплю ростомъ, дивныхъ птицъ,
 И на показъ выходятъ изъ могилы
 Громадные слоны и крокодилы.

XXXIX.

Представьте — вдругъ откроется потомъ
 Георгъ Четвертый. Будутъ удивляться —
 Чѣмъ это существо съ громаднымъ ртомъ,
 При жизни, на землѣ могло питаться?..
 (Извѣстно, міръ мельчаетъ съ каждымъ днемъ:
 Онъ слишкомъ часто началъ разрѣшаться
 Отъ бремени; въ грядущіе вѣка
 Всѣ люди будутъ съ червяка.)

XL.

Какъ назовутъ насъ въ будущее время,
 Когда, быть можетъ, путь земной начнетъ
 Опять сначала выросшее племя,
 Узнаетъ трудъ, неволю, тяжкій гнетъ,
 Пока войны искусство не пойметъ
 И не оцѣнитъ податей народъ, —
 Какъ назовутъ тогда насъ люди эти? —
 Чудовищами, рѣдкими на свѣтѣ.

XLI.

Болтливъ, какъ метафизикъ, я, порой,
 Не скрою — «время съ петель соскочило»...¹³
 Къ тому жь еще, моей поэмы строй —
 Комическій, а я пишу уныло.
 По прихоти болтливъ я, скученъ, хмуръ.
 И планъ мой поэтиченъ черезчуръ:
 Впередъ я за двѣ строчки не ручаюсь:
 Начну одно — и тотчасъ увлекаюсь.

XLII.

Я странствую, какъ вѣтеръ, безъ заботъ...
 Но возвратимся къ нашему роману
 И поспѣшимъ съ Жуаномъ мы впередъ...
 Описывать подробно я не стану
 Героя путь, — начать я прямо радъ
 Съ того, какъ онъ явился въ Петроградъ,
 Какъ принесла почтовая телѣга
 Его въ столицу «крашеннаго сѣнга».

XLIII.

Представьте, что въ мундирѣ Донъ-Жуанъ
 Стоитъ среди придворныхъ въ пышной залѣ;
 Надъ шляпою качается султанъ;
 Его чулки, какъ первый снѣгъ, блистали,
 Показывая икры стройныхъ ногъ,
 Одинъ топазъ шотландскій блескомъ могъ
 Съ рейтузами Жуана поравняться...
 Имъ всякій могъ тогда залюбоваться:

XLIV.

Со шляпою и шпагой у бедра,
 Облагороженъ юностью и славой,
 А также и портнымъ (есть мастера
 Придать покровомъ образъ величавый
 И вдвое увеличить красоту),
 Красивый Донъ-Жуанъ въ минуту ту
 Могъ смѣло показаться въ миѣнни свѣта
 Амуромъ, переряженнымъ въ корнета.

XLV.

Амуромъ сталъ прекрасный Донъ-Жуанъ:
 Вдругъ крылья обратились въ эполеты,
 Сталъ шпагою — со стрѣлами колчанъ,
 Лукъ шляпой сталъ... Амура всё примѣты...
 Когда бъ передъ Психеей онъ предсталъ,
 То и она (я женщинъ многихъ зналъ
 Въ ошибку впавшихъ, — женщины вѣдь слабы)
 Его за Купидона приняла бы.

XLVI — LIII.

Жуанъ былъ молодъ, статенъ и плѣнялъ
 Париса красотой, — того героя,
 Изъ-за котораго — что каждый зналъ —
 Разрушена была когда-то Троя
 И былъ потомъ устроенъ новый судъ.
 Гдѣ для мужей и жонъ разводъ даютъ,¹⁴
 И Иліонъ — я въ этомъ убѣдился —
 Тамъ первый за убытки поплатился.

LIV и LV.

О, ты «источникъ, гибельный войны!»¹⁵
 Я никогда не въ силахъ былъ дознаться,
 Зачѣмъ людскія души всѣ должны
 Въ источникъ этотъ вѣчный погружаться.
 Съ тѣхъ поръ, какъ сорванъ былъ запретный плодъ,
 Палъ человекъ; какъ падаетъ народъ
 Съ тѣхъ поръ, чтобъ подыматься снова,
 Одинъ лишь ты отвѣтить могъ сурово.

LVI.

Тебя дурнымъ источникомъ зовутъ,
 Но ты вѣрнѣе лучшимъ могъ назваться,
 Всѣ люди изъ тебя, къ тебѣ идутъ,
 Передъ тобою въ прахъ міры дробятся,
 И вновь опять, богатый на дары,
 Ты населяешь новые міры...
 Жизнь безъ тебя была бъ бездонной чашей, —
 Ты океанъ на сушѣ жизни нашей.

LVII.

Когда къ Екатеринѣ подошолъ
 Красивый вѣстникъ славы Петрограда,
 Суворова торжественный посолъ —
 Она его была увидѣть рада,
 Когда же ей депешу онъ вручилъ
 И передъ ней колѣна преклонилъ,
 Екатерина вдругъ остановилась
 И надломить печать не торопилась.

LVIII.

Но вотъ депеша вскрыта. Цѣлый дворъ
 Слѣдитъ съ невольнымъ страхомъ за царицей,
 И наконецъ Екатерины взоръ
 Сверкнулъ для всѣхъ ласкающей денницей.
 Царица улыбнулась... Красоты
 Исполнены лица ея черты,
 Очерчены уста ея красиво
 И ясные глаза смотрѣли живо.

LIX.

Екатерины радость велика:
 Взять Измаилъ и тридцать тысячъ пало
 Подъ натискомъ могучаго штыка...
 Чело царицы славой засіяло, —
 Такъ озаряетъ солнечный восходъ
 Просторъ морей, пустыню ясныхъ водъ,
 Когда все море кажется румяно,
 Подъ благодатнымъ небомъ Индустана.

LX.

Къ тому же въ ней улыбку возбудилъ
 Докладъ въ стихахъ (стихи-то чудны были),
 Гдѣ полководецъ въ риѳмы уложилъ
 Реляцію о битвѣ въ Измаилѣ.
 Куплетъ о человѣческой рѣзнѣ,
 Гдѣ много тысячъ пало на войнѣ
 Въ защитѣ благородной и безумной,
 Сложилъ тогда Суворовъ страннодумный. 16

LXI — LXXXII.

Аудіенція окончилась. Вся знать,
 Посланники различныхъ націй стали
 Счастливаго Жуана поздравлять...
 Красавицы двора кругомъ мелькали
 И до него касались платья дамъ...
 О, женщины! всегда пріятно вамъ
 Смущать людей улыбками, очами,
 Намеками и томными рѣчами!..

LXXXIII.

Жуана дворъ блестящій окружалъ
 Какъ человѣка, выросшаго быстро,
 Онъ граціозно голову склонялъ,
 Съ свободою давнишняго министра.
 Не даромъ былъ «джентльменомъ» онъ рожденъ,
 Умѣлъ хранить покойный, строгій тонъ,
 И грацію и тактъ въ его манерахъ
 Нашли бы всѣ и въ самыхъ высшихъ сферахъ.

LXXXIV.

Царица поручила, чтобъ весь дворъ
 Вниманіе оказывалъ Жуану.
 Съ нимъ заводить спѣшили' разговоръ
 И вѣжливы съ нимъ были не по сану.

.

LXXXV.

Но здѣсь остановись пока, Пегасъ!
 Мы далеко ужь слишкомъ залетѣли...
 Кружится голова и мимо глазъ,
 Какъ крылья мельницъ, мысли запестрѣли.
 И такъ, чтобъ мысли съ нервами сберечь,
 Умѣрю я порывистую рѣчь...
 Спустишь теперь, о, муза дорогая, —
 Куда нибудь въ зеленые луга я...

ПѢСНЯ ДЕСЯТАЯ.

I.

Когда однажды, въ думу погружонъ,
Въ саду увидѣлъ яблока паденье
Мудрецъ, извѣстный каждому — Ньютонъ,
То былъ открытъ имъ принципъ — «тяготѣнья».
Съ тѣхъ поръ, какъ палъ за первый грѣхъ Адамъ,
Онъ первый могъ, въ наслѣдство всѣмъ вѣкамъ,
Изъ яблока — могу ль его не чтить я? —
Намъ подарить полезное открытье.

II.

Чрезъ яблоко палъ человѣкъ, — затѣмъ
Чрезъ яблоко возвысился онъ снова
И Исаакъ Ньютонъ, на диво всѣмъ,
Прочистилъ путь до неба голубого.
Съ тѣхъ поръ сталъ міръ открытѣями богатъ
И въ немъ съ тѣхъ поръ механики царятъ;
Могу я предсказать теперь безъ спора —
Паръ доведетъ до мѣсяца насъ скоро.

III.

Къ чему жь подобный прологъ? — Какъ поэтъ,
 Восторженно сижу я за бумагой
 И дѣлаетъ душа моя курбетъ
 И грудь полна безумною отвагой.
 Я ниже тѣхъ, кто чрезъ стекло и паръ
 Подвинули впередъ земной нашъ шаръ,
 Шли противъ вѣтра, звѣзды открывали,
 Но, какъ пѣвцу, они мнѣ равны стали.

IV.

Я тоже противъ вѣтра въ жизни плыль
 И если телескопъ мой плохъ немного,
 Я берега и землю разлюбилъ, —
 Безбрежный океанъ моя дорога.
 По океану вѣчности ношусь
 И рева волнъ и бурь я не боюсь
 И, отъ борьбы безстрашной молодѣя,
 Межъ дикихъ волнъ лечу въ своей ладѣ я.

V.

Жуанъ, — къ нему вернемся, — испыталъ
 Всю щедрость и вниманіе фортуны,
 Но муза вслѣдъ за нимъ не броситъ залъ...
 Вѣдь музы цѣломудренны и юны...
 Скажу одно: онъ молодъ былъ, красивъ,
 Силенъ и свѣжъ, доволенъ и счастливъ,
 Безчестія стыдомъ не заразился
 И участи мѣнять не торопился.

VI.

Но птичка только выростеть — вспорхнетъ.
 «О, если бь крылья голубя мнѣ дади»,
 Сказалъ пророкъ, — «я улетѣлъ бы...» Вотъ
 Мы видимъ старика въ его печали,
 Съ разбитымъ сердцемъ, съ душой на челѣ:
 Онъ предпочелъ бы вѣрно на землѣ
 Знать лучше вздохи сына молодого,
 Чѣмъ хриплый кашель дѣдушки сѣдого.

VII.

Но вздохамъ прекращаться суждено
 И слезы высыхаютъ въ мирѣ этомъ:
 Такъ ручейкомъ бѣжитъ рѣка Арно
 И въ жалкій ключъ вдругъ высыхаетъ лѣтомъ.
 Два-три промчится мѣсяца въ году
 И мы забудемъ слезы и бѣду,
 И даже всѣ рыдающія вдовы
 Въ короткій срокъ утѣшиться готовы.

VIII.

За вздохами приходитъ кашель къ намъ,
 Порой они приходятъ вмѣстѣ къ людямъ,
 Хоть рано быть еще намъ старикамъ.
 За то когда всѣ чувствовать мы будемъ,
 Что лѣто жизни нашей отцвѣло,
 А все вокругъ такъ весело, свѣтло:
 Блистаютъ люди, любятъ, умираютъ, —
 То въ насъ они досаду возбуждаютъ.

IX.

Но Донъ-Жуану гробъ не угрожалъ.
 Онъ вознесенъ и счастливъ былъ безмѣрно,
 И почести повсюду принималъ.
 Хоть это счастье, впрочемъ, эфемерно,
 Но кто весной за то пренебрежетъ,
 Что въ декабрѣ покроетъ землю ледъ?
 Нѣтъ, встрѣтимъ лѣто нѣжными словами
 И — запасемъ на зиму дровами.

X.

Притомъ Жуанъ для женщинъ среднихъ лѣтъ
 Таилъ въ себѣ достоинствъ очень много,
 Но дѣвушки... въ нихъ знанья страсти нѣтъ;
 Знакома имъ любовная тревога
 Лишь по стихамъ да по дѣвичьимъ снамъ...
 Мы возрастъ жонъ считаемъ всѣ по днямъ,
 Не лучше ли — замѣчу между нами —
 Считать ихъ возрастъ лунными ночами?

XI.

А почему?.. Ахъ, Богъ мой, потому,
 Что та луна капризна и невинна;
 Иные замѣчанью моему
 Пожалуй смыслъ иной дадутъ безчинно,
 А это, какъ самъ Джеффри увѣрялъ —
 Великій стыдъ... Я взглядъ тотъ раздѣлялъ.
 Всѣмъ извиняя ложные упреки
 И не совсѣмъ приличные намеки.

XII.

Когда враги друзьями стали вновь,
 То и должны друзьями оставаться.
 Ихъ ненависть, волнующая кровь,
 Ничѣмъ, ничѣмъ не можетъ оправдаться.
 Ужиться съ ней я никогда не могъ;
 Она мнѣ ненавистна, какъ чеснокъ,
 Какъ полкъ друзей, знакомыхъ стордною
 Съ любовницею нашей отставною.

XIII.

Нѣтъ хуже дезертирства. Ренегатъ
 Сауги, другъ обычаевъ похвальныхъ,
 Вернется къ реформаторамъ наврядъ,
 Забывши циклъ пѣвцовъ официальныхъ.
 Нѣтъ, честный человекъ не поплыветъ,
 Куда подуетъ вѣтеръ, не начнетъ
 Преслѣдовать — едва ли есть дѣло хуже —
 Любовника постылаго или мужа.

XIV.

Присяжный критикъ и законовѣдъ
 Находятъ въ жизни черныя лишь пятна,
 Съ дурныхъ сторонъ рассматривая свѣтъ,
 И все для нихъ на свѣтѣ непріятно,
 А міръ межъ тѣмъ въ невѣжествѣ живетъ,
 Родится въ немъ и старѣетъ народъ.
 Законовѣдъ, какъ и хирургъ, безстрастно
 Готовъ поднять свой скальпель ежечасно.

XV.

Законовѣдъ — моральный трубочистъ.
 Вотъ почему бываетъ онъ не чистъ,
 На немъ всегда лежитъ слой вѣчной сажи,
 Хотябъ смѣнялъ костюмъ онъ часто даже.
 Онъ сохраняетъ темный колоритъ;
 Но *вы...* для васъ я сдѣлаю изъятъе:
 И цезарская мантия сидитъ
 На васъ, мой другъ, какъ собственное платье.

XVI.

Всѣ маленькія ссоры прежнихъ лѣтъ,
 Джеффри, мой врагъ опаснѣйшій когда-то,
 Теперь уже окончены и нѣтъ
 Для ссоръ и неприятностей возврата.
 «Auld Lang Syne!» Пью за старину!
 Я, можетъ быть, на васъ и не взгляну,
 Но я готовъ признаться всенародно,
 Что вы себя держали благородно.

XVII.

«Auld Lang Syne!» Жаль, что этихъ словъ
 Вамъ не могу сказать я, но охотно
 Теперь бы вышить съ вами я готовъ
 И поболтать за чашей беззаботно.
 По крови я почти шотландецъ самъ,
 По воспитанью также близокъ вамъ
 И иногда — вся кровь придетъ въ движенъе —
 Рисуются въ моемъ воображеньѣ —

XVIII.

Шотландскіе холмы и ручейки
 И моста Балгунійскаго перилы...
 Вновь оживаютъ, чисты и легки,
 Мои мечты и кажутся такъ милы,
 И предо мной прошедшее встаетъ
 И свѣтлой вереницею плыветъ,
 Минувшее вновь ожило въ картинѣ...
 Миѣ можно ли забыть «Auld Lang Syne».

XIX.

Въ былые дни капризовъ и причудъ,
 Я злобно надъ шотландцами смѣялся
 И высказалъ не мало гнѣва тутъ
 И силы показать свои старался.
 Но это былъ одинъ безумный пылъ,
 Въ себѣ я кровь шотландца не убилъ
 И все люблю, люблю еще донинѣ
 Шотландіи и горы и пустыни.

XX.

Жуанъ въ одно и то же время былъ
 Идеалистъ и реалистъ, что, право,
 Одно и то же; мыслилъ кто и жилъ,
 Тотъ различать ихъ не имѣетъ права...
 Не справимся мы съ разумомъ своимъ,
 Когда надъ бездной вѣчности стоимъ
 И насъ томить, волнуетъ чрезвычайно
 Грядущаго невѣдомая тайна.

XXI.

Жуанъ ужасно скоро обрусѣлъ.
 Кругомъ такъ много было искушеній,
 Что справиться онъ съ ними не умѣлъ
 И не бѣжалъ отъ новыхъ приключеній.
 Пиры и танцы, женщины, балы,
 Блестящій дворъ, побѣды, похвалы
 Жуану быстро голову вскружили
 И край снѣговъ въ рай новый превратили.

XXII.

Вниманіемъ всеобщимъ окружонъ,
 Жуанъ жилъ шумно, весело, безопасно...
 Та жизнь была свѣтла, какъ первый сонъ,
 Но вѣдь и сны мѣняются, конечно.
 На лаврахъ спалъ онъ въ чуждой сторонѣ,
 Готовый какъ къ любви, такъ и къ войнѣ.
 Такъ мы живемъ, пока не встанетъ снова
 Тоска и скука времени былого.

XXIII.

Въ то время — какъ и нужно ожидать —
 Примѣрами дурными окружонный,
 Жуанъ сталъ время праздно убивать
 На пиршествахъ, ихъ шумомъ утомлѣнный.
 Для юношей опасенъ путь такой
 Съ его эгоистической тоской:
 Онъ свѣжія въ насъ чувства убиваетъ
 И сушитъ грудь и сердце очерствляетъ.

XXIV и XXV.

Смерть — царь царей, и въ то же время ты —
 Гракхъ ¹ челоѡвѡчества. Скажи: не ты ли
 Величье силы, славы, красоты
 Обречено уравниватьъ въ могилѡ
 Ключкомъ земли, гдѡ мертвые уснутъ?
 О, смерть! пусть въ мїрѡ этомъ люди чтутъ
 Тебя какъ реформатора вселенной
 Съ величїемъ и силой неизмѡнной.

XXVI.

Жуанъ кружился, былъ и здѡсь и тутъ —
 То на балахъ, то на большомъ обѡдѡ,
 Въ томъ климатѡ, гдѡ весело живутъ
 Пушистые и черные медѡвѡди,
 Которые являлись не разъ
 Сквозь пурпуръ, шелкъ и бархатъ и атласъ,
 И какъ угрюмо-мрачные детали
 Блескъ обстановки пышной оскорбляли.

XXVII.

Описывать не стану, какъ педантъ,
 Всю двойственность той обстановки странной,
 Тотъ «темный лѡсъ», тобой воспѡтый, Дантъ,
 Мїръ полудикїй, новый и туманный.
 Въ подробностяхъ не стану отступать,
 Хоть могъ ихъ по наслышкѡ описатьъ,
 Различные рассказы вспоминая,
 Но у меня въ поэмѡ цѡль иная.

XXVIII.

Хочу я описанья избѣжать
 Не предаваясь разнымъ размышленьямъ,
 Хоть не легко въ дорогѣ мысль прогнать.
 Она бѣжить за нами привидѣньемъ.
 Такъ травы прилипаютъ къ камнямъ скалъ,
 Такъ поцалуй любви... но я сказалъ,
 Что отступать не буду я въ поэмѣ,
 Затѣмъ, чтобъ быть прочитанному всѣмъ.

XXIX.

Жуанъ не водочился ни за кѣмъ,
 Но всѣ за нимъ ухаживали всюду.
 Онъ юности своей обязанъ тѣмъ
 И красотѣ — я справедливымъ буду.
 Притомъ за храбрость нравиться онъ могъ;
 Костюмъ блестящій также тутъ помогъ
 Обрисовать всю роскошь формъ и стана
 И женственную прелесть Донъ-Жуана.

XXX.

Жуанъ писалъ въ Испанію. Родня
 Немедленно Жуану отвѣчала
 И, родственника счастье оцѣня,
 Протекціей у него теперь искала.
 Хотѣлось эмигрировать инымъ
 И порѣшили всѣ судомъ своимъ:
 Въ Россіи только шубку заведите
 И будетъ тамъ тепло, какъ и въ Мадридѣ.

XXXI.

Жуана мать, замѣтивъ, что сынонь
 Ея банкира больше не тревожилъ
 И не скорбѣлъ за тощій кошелёкъ,
 Рѣшила такъ, что сынъ не даромъ пожилъ,
 Жуана начала благодарить,
 Что пересталъ онъ деньгами сорить,
 Успѣлъ остепениться очень скоро
 И въ матери не вызоветъ укора.

XXXII.

Потомъ она мадоннѣ и Христу
 Его здоровье, счастье поручила
 И, сберегая сердца чистоту,
 Вступать въ другую вѣру запретила.
 Затѣмъ узналъ Жуанъ — и былъ онъ радъ —
 Что у него теперь меньшей есть братъ,
 Что вышла замужь мать его вторично
 И что живетъ теперь она отлично.

XXXIII.

Затѣмъ она писала рядъ похвалъ
 И восхваляла сына поведенье
 За то, что онъ въ почетъ такой попалъ,
 Что мать о немъ отличнѣйшаго мнѣнья.
 Онъ жилъ теперь въ странѣ морозныхъ вьюгъ,
 А сѣверъ вѣдь не то, что пылкій югъ,
 Тамъ добродѣтель страсть не сокрушала...
 Себя Инеса этимъ утѣшала.

XXXIV.

О, почему мнѣ силы не дано,
 Чтобъ всенародно славить лицемѣрье,
 Чтобъ было мной оно вознесено!...
 О, если бъ могъ имѣть въ рукѣ теперь я
 Трубу архангела! Когда бъ я могъ
 Взять, тетушка, вашъ слуховой рожокъ,
 Почтенная и милая старуха,
 Лишонная и зрѣнія и слуха!

XXXV.

По крайней мѣрѣ, бѣдная душа,
 Была чужда ты роли лицемѣрки
 И, свойствомъ этимъ въ жизни не грѣша,
 Ты въ рай вошла, чтобъ въ небѣ ждать повѣрки
 И награжденья страшнаго суда.
 Такъ нѣкогда въ минувшіе года
 Ты былъ чужихъ имѣній раздаватель
 Для рыцарей, Вильгельмъ Завоеватель...

XXXVI.

Я жаловаться, впрочемъ, не хочу
 За васъ, мои, теперь нѣмые, предки!
 Вильгельмомъ были вы — не умолчу —
 Награждены какъ должно, на послѣдны.
 Хотя съ людей позорно кожу драть,
 Но вы умѣли грѣхъ свой искупать
 И строили огромнѣйшіе храмы...
 За это цѣнимъ ваши все права мы.

XXXVII.

Жуана жизнь, какъ въ маѣ утро дня,
 Была ясна, хоть походилъ порою
 Онъ на одинъ цвѣтокъ: «не тронь меня».
 Быть можетъ, вознесенному герою
 Наскучилъ сѣверъ, холодъ и морозъ
 И онъ на югъ леталъ на крыльяхъ грѣзъ;
 Быть можетъ, сердце тайно замирало
 Въ запросахъ красоты и идеала...

XXXVIII.

Быть можетъ... но объ этомъ умолчимъ.
 Всегда найдутся къ этому причины.
 Печали червь приходитъ къ молодымъ
 И имъ приносить раннія морщины.
 Забота насъ, какъ сторожъ, всюду ждѣтъ
 И каждому несетъ свой длинный счетъ;
 Насъ всюду фатумъ ждетъ неумолимый,
 Кредиторы иль сплинъ неотразимый.

XXXIX.

Не знаю какъ, но очень нездоровъ
 Вдругъ сдѣлался Жуанъ. Дворъ испугался.
 Одинъ изъ знаменитыхъ докторовъ
 За жизнь Жуана даже не ручался,
 (То медикъ былъ, прославленный молвой)
 И слушалъ пульсъ, качая головой...
 Всѣ мѣры были приняты, чтобъ снова
 Заставить жить прекраснаго больного.

XL.

Чѣмъ болѣнъ онъ? шептались всѣ вокругъ,
 И разные о томъ ходили мнѣнья,
 Что будто то весьма простой недугъ,
 Послѣдствіе простого истощенья,
 Иль просто накопленіе мокротъ,
 Иль опухоль — шепталъ кругомъ — народъ,
 Усталость послѣ долгаго похода...
 Всѣ мнѣнія такого были рода.

XLI.

Прочешть одинъ рецептъ теперь хотимъ:
 «Sodae sulphat. ℥vj. ℥ss. Mannae optim.
 Aq. fervent. f. ℥ifs. ℥ij. tinct. Sennae
 Haustus» (Докторъ рядомъ сѣлъ съ больнымъ)
 «Rx. Pulv. Com. gr. iij. Ipecacuanhae»
 (Букетъ рецептовъ былъ неисчислимымъ),
 «Bolus Potassae Sulphuret. sumendus,
 Et haustus tér in die capiendus».

XLII.

Такъ медики насъ лечатъ и морятъ
 Secundum artem: это насъ забавитъ;
 Но только насъ недуги посѣтятъ,
 То смѣхъ надъ докторами насъ оставитъ.
 Мы не хотимъ такъ скоро умирать
 И поспѣшимъ немедленно позвать,
 За тѣмъ, чтобъ жить и долѣе на свѣтѣ,
 Васъ, медики Балъи иль Ольбернети. ²

XLIII.

Жуану смерть грозила, но онъ былъ
 Спленъ и молодъ; крѣпкая натура
 Его спасла; врачей онъ отпустилъ,
 Была забыта скверная микстура.
 Но все жь онъ вдругъ поправиться не могъ:
 Совсѣмъ поблекъ румянецъ прежній щокъ.
 Врачи рѣшили, видя ту истому,
 Что нужно путешествовать больному.

XLIV.

По ихъ словамъ, суровость русскихъ зимъ
 Была вредна для урожденца юга,
 Что рисковалъ здоровьемъ онъ своимъ
 И скоро могъ зачахнуть отъ недуга.
 Онъ увядалъ подстрѣленнымъ орломъ,
 И вотъ тогда онъ сдѣланъ былъ посломъ —
 И съ пышностью, вполне приличной сану,
 Пришлось къ британцамъ ѣхать Донъ-Жуану.

XLV.

Въ то время былъ какой-то договоръ,
 Какой-то споръ между двухъ кабинетовъ —
 Россійскимъ и британскимъ, — тонкій споръ
 И рядъ дипломатическихъ отвѣтовъ
 По поводу, какъ понялъ Донъ-Жуанъ,
 Какихъ-то правъ морскихъ у англичанъ,
 По поводу продажи кожи, соли
 И плаванья въ Балтійскомъ морѣ, что-ли....

XLVI.

Къ той миссиі назначенъ былъ Жуанъ.
 Великолѣпьемъ царскимъ окруженный,
 Онъ заслужилъ въ награду новый санъ
 И въ тотъ же день, колѣнопреклонённый,
 Онъ предъ царицей голову склонилъ,
 Инструкціи посольства получилъ,
 Отъ почестей различныхъ растерялся
 И навсегда съ Невою распрощался.

XLVII — XLIX.

Мы съ Донъ-Жуаномъ сядемъ въ экипажъ.
 Въ коляскѣ превосходной изъ столицы
 Отправился герой счастливый нашъ.
 Тотъ экипажъ подарокъ былъ царицы:
 Въ коляскѣ той въ иныя времена
 Сама въ Тавриду ѣздила она,
 Теперь же онъ, посолъ и пылкій воинъ,
 Сидѣлъ въ ней веселъ, счастливъ и спокоенъ. ³

L.

Съ нимъ горностаи, снигирь былъ и бульдогъ.
 Онъ съ ними никогда не разставался
 И ѣздить никуда безъ нихъ не могъ:
 Хоть странно очень — къ нимъ онъ привязался.
 Такъ часто дѣва лѣтъ подъ шестьдесятъ
 Не можетъ жить безъ птицъ и безъ котятъ,
 А онъ — онъ старымъ вовсе не казался
 И дѣвою никѣмъ не назывался.

LI.

Посольства штатъ его сопровождалъ,
 Всю лышность соблюдая очень тонко,
 А Донъ-Жуанъ къ себѣ въ коляску взялъ
 Лейлу — крошку. Этого ребенка
 Онъ спасъ подъ Измаиломъ на войнѣ...
 Хоть муза измѣняетъ часто мнѣ,
 Но все жъ она еще не позабыла
 Тебя, моя прекрасная Лейла.

LII.

Она была мила такъ и умна,
 А между тѣмъ смотрѣли глазки строго,
 Серьезною казалася она...
 Лейла знала жизнь еще немного,
 Неудалось ей испытать борьбы,
 Превратности и счастья и судьбы...
 Лишь десять лѣтъ жила она на свѣтѣ,
 А взглядъ ея... нѣтъ, такъ не смотреть дѣти.

LIII.

Жуанъ любилъ Лейлу и она
 Къ Жуану привязалась сильно тоже.
 Обоихъ ихъ любовь была сильна —
 Но братство ихъ на дружбу не похоже.
 Чтобъ быть отцомъ, онъ слишкомъ молодъ былъ,
 Чтобъ братомъ быть... о, какъ бы онъ любилъ
 Свою сестру!.. и разлучась съ сестрою,
 Съ какой тоской рвался бы къ ней порою!

LIV.

Но чувственной любовь та не была;
 Порочной мысли въ немъ не появлялось:
 Его любовь такъ далеко не шла
 И за плодомъ незрѣлымъ не гонялась.
 По истинѣ, онъ не былъ развращенъ;
 Бывалъ онъ платонически влюбленъ,
 Хоть иногда — мнѣ истина дороже —
 Онъ забывалъ о платонизмѣ тоже.

LV.

Сиротку же любилъ Жуанъ не такъ.
 Любилъ ее, какъ любятъ патріоты
 Свой край родной и свой родимый флагъ.
 Притомъ же онъ исполненъ былъ заботы
 Передъ своей Леилой дорогой —
 Язычницу ввести на путь благой;
 Но, впрочемъ, онъ успѣлъ въ томъ очень мало:
 Она быть христіанкой не желала.

LVI.

Ни громъ войны, ни ужасы рѣзни
 Религіи отцовъ въ ней не убили.
 Ханжи ее смущали; но они
 Лишь отвращенье вызвали въ Леилѣ,
 На исповѣдь турчанка не пошла,
 Быть можетъ, потому, что не нашла
 Въ себѣ грѣховъ и вѣрила глубоко,
 Что Магометъ былъ съ святостью пророка.

LVII.

Одинъ лишь христіанинъ — Донъ-Жуанъ
 Не возбуждалъ въ ней страха и испуга
 Въ отчизнѣ ненавистныхъ христіанъ...
 Они любили искренно другъ друга.
 Имъ не мѣшала разница ихъ лѣтъ,
 Различье націй, вѣрованій — нѣтъ,
 Отъ этого любовь ихъ не тускнѣла
 И чувство не смущалось, не слабѣло.

LVIII.

А между тѣмъ, Жуанъ летѣлъ впередъ,
 Проѣхалъ черезъ Польшу и Варшаву,
 Курляндію проѣхалъ, гдѣ деспотъ
 Когда-то шолъ, безумно вѣря въ славу,
 (Она ему служила много лѣтъ)
 Но подъ Москвой лишился всѣхъ побѣдъ
 И гренадеровъ гвардіи любимой...
 Тамъ палъ во прахъ орелъ непобѣдимый.

LIX.

«Гдѣ гвардія моя!» ⁴ такъ восклицалъ
 Тотъ богъ земной, Юпитеръ пораженный...
 Увы! никто слѣда не отыскалъ
 Отъ этой славы, снѣгомъ занесенной...
 Но если Польшу будемъ проѣзжать,
 Мы непременно можемъ услышать
 Вездѣ, повсюду, въ каждой деревушкѣ
 Другое имя славное — Косцюшки.

LX.

Жуанъ проѣхалъ землю пруссаковъ,
 Чрезъ Кенигсбергъ; а градъ того названья
 Извѣстенъ, кромѣ разныхъ рудниковъ,
 Еще какъ Канта ⁵ мѣстопробыванье.
 Жуанъ о немъ не слышалъ никогда,
 А потому такіе города,
 Не зная философскаго ученья,
 Онъ проѣзжалъ безъ должнаго почтенья.

LXI.

Оттуда черезъ Дрезденъ и Берлинъ
 Жуанъ пріѣхалъ къ Рейну. Берегъ милый!
 Тамъ старина глядитъ изъ-за руинъ,
 Тамъ каждый замокъ сдѣлался могилой...
 И глядя на обломки мшистыхъ плитъ,
 Невольно мысль въ прошедшее летитъ
 И образы фантазіи игривой
 Предъ нами оживаютъ въ сказкѣ лживой.

LXII.

Но далѣе... Мелькнулъ Мангеймъ и Боннъ,
 Гдѣ Драхенфельсъ, ⁶ какъ призракъ, поднимался,
 Какъ призракъ феодальныхъ тѣхъ временъ,
 Которыхъ вѣкъ давно уже умчался.
 Жуанъ и Кёльнъ старинный миновалъ,
 Который почему-то сохранялъ
 Давно почившихъ дѣвственницъ скелеты... ⁷
 Чрезъ нихъ, о Кёльнъ, сталъ славенъ на землѣ ты!

LXIII.

Вотъ, наконецъ, Голландія видна,
 Гельвутелайсъ и славный городъ Гага,
 Каналами изрытая страна,
 Гдѣ нахветъ можжевельникомъ та влага,
 Что въ утѣшенъе бѣдности дана.
 Хотя она вездѣ осуждена,
 Но не могу не высказать упрѣка —
 Отъ бѣдниковъ отнять ее жестоко.

LXIV.

Здѣсь на корабль герой нашъ пересѣлъ
 И поспѣшилъ къ островитянамъ-бритамъ.
 Надулся парусъ, вѣтеръ зашумѣлъ,
 Запѣли волны на морѣ сердитомъ...
 Всѣхъ путниковъ терзалъ морской недугъ,
 Но съ моремъ Донъ-Жуанъ сжился, какъ другъ,
 И ожидалъ за гранью небосклона
 Увидѣть свѣтлый берегъ Альбіона.

LXV.

Вотъ, наконецъ, какъ бѣлая стѣна,
 Онъ поднялся вдали изъ-за тумана.
 Какъ чужестранца, новая страна
 Заставила смутиться Донъ-Жуана...
 Край торгашей! уже не мало лѣтъ
 Отъ полюса до полюса весь свѣтъ
 Ты освѣщаешь блескомъ новой славы
 И шлешь ему товары и уставы.

LXVI.

Миѣ нѣтъ причинѣ любить тотъ уголокъ,
 Который *могъ быть* націей свободной,
 Но все жь смотрѣть нельзя миѣ безъ тревогъ,
 Какъ нашей славы гсій благородный
 Сталъ умирать. Надежды больше нѣтъ...
 Я не бывалъ на родинѣ семь лѣтъ,
 И ненависть, что прежде волновала,
 Во миѣ теперь угасла и пропала.

LXVII.

О, Англія! Когда бь могла ты знать,
 Какое будишь ты негодованье,
 Какъ страстно пачинаютъ всѣ желать
 Погибели твоей безъ состраданья.
 Ты сдѣлалась врагомъ всеобщимъ вдругъ,
 Любимѣйшій, но вѣроломный другъ...
 Ты націямъ свободу обѣщала
 И — только мысль ихъ цѣпью заковала.

LXVIII.

Ты первая раба между рабовъ.
 Всѣ страны плѣнѣ тяжелый испытала,
 А самъ тюремщикъ, — кто же онъ таковъ? —
 Его, какъ ихъ, оковами сковали.
 То право — подъ замокъ другихъ сажать
 Еще нельзя свободою назвать;
 Тотъ тоже рабъ, безсильный для дороги,
 Кто стережотъ колодниковъ въ острогъ.

LXIX.

И вотъ Жуанъ увидѣлъ Альбіонъ;
 Вотъ скалы Дувра, гавань съ рестораномъ,
 Таможни шумъ, въ трактирѣ гулъ и звонъ...
 Кругомъ неслась прислуга предъ Жуаномъ.
 Онъ видѣлъ пакетботовъ цѣлый рядъ,
 Но главное — здѣсь чужестранца взглядъ
 Едва ль не выражалъ всегда заботы —
 Предлинные, громаднѣйшіе счоты.

LXX.

Хотя Жуанъ былъ молодъ и богатъ,
 И на расходы вовсе не скупился,
 Но, просмотря длиннѣйшихъ счотовъ рядъ,
 Итогамъ ихъ не мало удивился.
 Что жъ за бѣда!... Начните размышлять:
 Разрѣшено намъ въ Англiи дышать
 Свободнымъ воздухомъ — такъ отчего же
 Не заплатить за это подороже.

LXXI.

Эй, лошадей! и въ Кентрбери вези!..
 Пусть брызжетъ грязь з магадамъ страдаетъ
 И быстро почта мчится, вся въ грязи...
 Германцы такъ не возятъ — чуть шагаетъ
 Тамъ пара клячъ, и сонный почтальонъ
 (Наглець! уже отвѣдалъ «шнапса» онъ)
 Не устрася ни словъ, ни потасовки,
 Готовъ повсюду дѣлать остановки.

LXXII.

Ничто не можетъ кровь въ насъ разогрѣть
 (Такъ только перецъ дѣйствуетъ въ приправѣ)
 Когда летѣть, во весь опоръ летѣть
 Мы можемъ въ опьяненіи, хотъ въ правѣ
 Не торопиться вовсе кончить путь:
 Богъ знаетъ, гдѣ придется отдохнуть.
 Вдвойнѣ счастливѣй путникъ утомленный,
 Чѣмъ дальше онъ отъ цѣли отдаленной.

LXXIII.

Соборъ Кентерберійскій посѣтилъ
 Нашъ Донъ-Жуанъ и — какъ ведется это —
 Тамъ каску принца Чорнаго ⁸ открылъ
 Съ плитою окровавленной Беккета. ⁹
 Читатели! еще примѣръ вамъ всѣмъ:
 Отъ славы той остался старый шлемъ,
 Да кости полусгнившаго скелета...
 Какой урокъ торжественный для свѣта!

LXXIV.

Но этотъ шлемъ Жуана поразилъ,
 Съ его стальнымъ, таинственнымъ забраломъ.
 Онъ надъ могилой взоры опустилъ,
 Гдѣ умеръ тотъ, кто словомъ, точно жаломъ,
 Смущалъ покой деспотовъ-королей,
 И поплатился жизнью своей...
 Съ Жуаномъ въ храмъ явилась и Леила
 И — для чего построенъ онъ, спросила.

LXXV.

Затѣмъ, узнавъ, что это «Божій домъ»,
Его богатству, роскоши дивилась.
Ребенка глазки бѣгали кругомъ
И вдругъ лицо сиротки затемнилось
При мысли той, что Магометъ не могъ
Построить въ честь Аллы такой чертогъ,
И что такія пышныя мечети
Язычникамъ доступны только въ свѣтѣ.

LXXVI.

Впередъ, впередъ, чрезъ тучныя поля,
Чрезъ этотъ рай, добытый нашимъ потомъ...
Милый пѣвцу родимая земля,
Чѣмъ жаркій край. Пусть круглый годъ тепло тамъ,
Цвѣты нѣжныи и ярче неба цвѣтъ,
Но испытавъ изгнанье много лѣтъ,
На родинѣ забудемъ мы всѣ страны,
Ихъ рощи, ледники и ихъ вулканы.

LXXVII.

А если кружки съ пивомъ вспомню... Но
Не нужно умиляться. — Почтальоны,
Гоните поскорѣе! Ужь давно,
Благословляя Англии законы,
Дорогой любовался Донъ-Жуанъ,
Гдѣ множество свободныхъ англичанъ
Взадъ и впередъ неслися и мелькали
И чужестранца гордо озирали.

LXXVIII.

Съ барьерами дорога мнѣ мила.
 Она ровна и не страшитъ буграми
 И на подобье гордаго орла
 Едва земли касается крылами.
 Когда бъ ее увидѣлъ Фаэтонъ,
 То былъ бы ею вѣрно восхищонъ...
 Но «Surgit amari aliquid»: ¹⁰ вправо —
 Стоитъ дорожной пошлыны застава.

LXXIX.

Увы! всегда расплата не легка.
 Берите жизнь, крадите жонъ у мужа,
 По у людей не троньте кошелъка.
 Такихъ людей считаютъ вдвое хуже,
 Чѣмъ всѣхъ убійць: такъ дорогъ намъ металлъ.
 Народъ убійства многія прощаль,
 Но не прощаль и проклиналъ заранъ,
 Всѣхъ тѣхъ, кто рыться смѣлъ въ его карманъ.

LXXX.

Макиавель такъ думалъ... Донъ-Жуанъ
 Стоялъ на возвышеніи: оно-то
 И составляетъ гордость англичанъ...
 О, бритты! Смѣйтесь, если есть охота,
 Но если въ васъ течетъ британцевъ кровь,
 Но если въ васъ есть къ Лондону любовь —
 Воскликните отъ радости всѣмъ хоромъ:
 Вотъ Шутерсъ Гилль открылся нашимъ взорамъ.

LXXXI.

День угасалъ. Вездѣ носился дымъ,
 Какъ чадъ изъ потухающаго волкана.
 Хоть Донъ-Жуанъ былъ въ Лондонѣ чужимъ
 И Англія не родина Жуана,
 Но онъ съ благоговѣніемъ вступилъ
 Въ тотъ новый край, который покорилъ
 Почти всю землю съ сѣвера до юга
 И доводилъ все страны до испуга. 11

LXXXII.

Каменьевъ гряда, неба дымный сводъ,
 Грязь, копоть, шумъ и вѣчное движеніе;
 Порою гдѣ-то парусъ промелькнѣтъ
 И между мачтъ сокроется въ мгновенье.
 И здѣсь и тамъ огромныхъ башенъ рядъ,
 Которыя сквозь дымъ едва глядятъ,
 Поднявшись надъ угрюмыми стѣнами:
 То — Лондонъ открывается предъ нами.

LXXXIII.

Но Донъ-Жуанъ иначе рассуждалъ.
 Ему тотъ дымъ магическимъ казался,
 И думалъ онъ: алхимикъ раздувалъ
 Тотъ самый дымъ изъ печки — и старался
 Своимъ открытíемъ міръ обогатить...
 Весь этотъ чадъ не могъ его смутить:
 Онъ находилъ атмосферу прекрасной,
 Здоровой и — не очень только ясной.

LXXXIV.

Жуанъ остановился. Здѣсь и я,
 Какъ судно передъ залпомъ, тоже стану...
 О, вы, британцы, милые друзья,
 Навѣрно васъ врасплохъ теперь застану
 И вѣнкомъ, подобно мистриссъ Фрей, ¹²
 Всю наутину вымету скорѣй
 Изъ всѣхъ салоновъ вашихъ запыленныхъ,
 Огромнымъ слоемъ пыли занесенныхъ.

LXXXV.

О, мистриссъ Фрей! Зачѣмъ идти въ Ньюгетъ?
 Вамъ предложить могу иную честь я:
 Чтобы внести добра и славы свѣтъ,
 Ступайте вы въ Карльтонское предмѣстье;
 Вашъ даръ, быть можетъ, тамъ не пропадетъ.
 Сперва пересоздайте вы господъ,
 А ужъ потомъ спуститесь до народа...
 Да, изберите путь такого рода.

LXXXVI.

Ступайте ихъ приличію учить,
 Увѣрьте ихъ, что юность не вернется,
 Что крикъ льстецовъ пора имъ усмирить,
 Что сердце всѣхъ къ нимъ ненавистью бьется
 Скажите имъ, что сэръ Вильямъ Кертисъ — ¹³
 Фальстафъ и шутъ, что съ нимъ давно сжились.
 Въ сляніи по истинѣ богатомъ,
 Большое тупоуміе съ развратомъ.

LXXXVII.

Скажите имъ, что у дверей могилъ,
Съ разбитымъ сердцемъ, съ тѣломъ пресыщен-
нымъ,
Величїя достигнуть — въ нихъ нѣтъ силъ;
Скажите этимъ людямъ развращеннымъ...
Но бесполезно вамъ давать совѣтъ;
Я лучше самъ начну будить весь свѣтъ,
Начну трубить въ трубу Роланда смѣло
И, мистриссъ Фрей, окончу ваше дѣло.

ПѢСНЯ ОДИННАДЦАТАЯ.

I.

Когда Берклея эпископъ говорилъ,
Что «нѣтъ совсѣмъ матерія въ природѣ»,
То вѣры олъ ни въ комъ не возбудилъ
Системою въ подобномъ странномъ родѣ.
Никто теперь болтать не станетъ вслухъ,
Что мѣръ — ничто, что мѣръ есть только духъ,
Что мы (при томъ рехнуться нужно вовсе)
Живемъ весь вѣкъ и ходимъ безъ головъ всѣ.

II.

Пусть мудрствуетъ идеалистъ-мудрецъ:
Мы въ этомъ не находимъ преступленья...
О, ты, глубокой мудрости вѣнецъ,
Сомнѣнье, неподдѣльное сомнѣнье!
Не уноси иллюзій прежнихъ лѣтъ,
Отъ вѣры въ духъ оставь хоть легкой слѣдъ.
Она — бальзамъ, хоть этого бальзама
И не варить желудокъ мой упрямо.

III.

Да, не варить желудокъ иногда.
 Какъ вѣрить въ духъ при аксіомѣ этой?
 Къ тому же взглядъ мѣняется всегда
 И будетъ вѣчно пѣсней недопѣтой, —
 И цѣлый міръ въ смѣшенныя всѣхъ породъ,
 Загадочный, какъ дальній неба сводъ,
 Назвать мы можемъ съ горькою улыбкой
 Одной великолѣпною ошибкой.

IV.

Пусть міръ — есть дѣло случая, хотя
 Не то гласятъ священное преданье;
 Не станемъ трактовать о томъ шутя,
 Чтобъ въ многихъ не зажечь негодованья.
 Бесплодный споръ, а жизнь такъ коротка...
 Современемъ, когда пройдутъ вѣка,
 Всѣ темные вопросы разрѣшатся
 И всѣ уснутъ спокойнѣй, можетъ статья.

V.

Бесплодный споръ оставлю въ сторонѣ:
 Я убѣжденъ, что люди всѣ — не духи.
 И это точно также ясно мнѣ,
 Какъ то (отъ этой мысли я не въ духѣ)
 Что у меня чахотка можетъ быть...
 Не знаю чѣмъ могъ грудь я изсушить,
 Но при малѣйшей коликѣ отъ страха
 Я суевѣрнѣй дѣлаюсь монаха.

VI.

При первомъ же припадкѣ я постигъ,
 Что рай и адъ устроены въ порядкѣ,
 Описанномъ въ одной изъ древнихъ книгъ;
 А при второмъ усиленномъ припадкѣ
 Я угадалъ, что точно есть Зевесъ,
 Есть также бѣсъ, что этотъ страшный бѣсъ
 Живетъ въ огнѣ подземнаго чертога,
 Согласно показанью теолога.

VII.

Начну рассказъ. Кто видѣлъ рядъ картинъ
 Съ высотъ Акрополиса въ вечеръ мгlistый,
 Кто посѣщаль Томбукту иль Пекинъ,
 Или Стамбула берегъ живописный,
 Тотъ все-таки понятья не имѣлъ
 О Лондонѣ. Предъ нимъ не разъ робѣлъ
 Иной туристъ, и долго отчего-то
 О видѣнномъ не могъ отдать отчета.

VIII.

Съ вершины Шутерсъ-Гилля Донъ-Жуанъ
 Смотрѣлъ на Лондонъ — темную долину
 Добра и зла; надъ нимъ лежалъ туманъ,
 Отъ глазъ скрывая города картину,
 Но, словно шумъ отъ тысячи машинъ,
 Какъ водопадъ ревущій межъ руинъ,
 Упорный, роковой, ежеминутный
 Надъ городомъ носился ропотъ смутный.

IX.

Жуанъ шолъ за каретой въ сторонѣ,
 Любуясь громадою безсонной
 И говорилъ: «Пришлось увидѣть мнѣ
 Тотъ славный край, гдѣ гордый, непреклонный
 Народъ свободы царство основалъ:
 Онъ испытаній рядъ переживалъ,
 Но все жила и крѣпла для народа
 Ни чѣмъ не оборимая свобода.

X.

«Здѣсь жоны — добродѣтельны. Здѣсь трудъ
 Вознагражденъ, здѣсь жители богаты;
 Законы здѣсь въ обиду не даютъ;
 Здѣсь, путникъ, не увидишь никогда ты
 Обиды, зла...» но въ этотъ самый мигъ
 Жуана рѣчь прервалъ неожиданный крикъ:
 «Иль жизнь, иль кошелекъ твой!» Въ разговоры
 Подобные вступаютъ только воры.

XI.

Привѣтствуя свободу англичанъ,
 На четырехъ мошенниковъ въ засадѣ
 Нечаянно наткнулся Донъ-Жуанъ.
 Вооружась ножами, хлѣба ради,
 Они прохожихъ любятъ поджидать,
 И иностранецъ можетъ рисковать
 Быть жертвой наглыхъ плутовъ и безъ шума
 Лишиться вмѣстѣ съ жизнью и костюма.

XII.

Хотя Жуанъ учился языкамъ,
 Но въ языкѣ британцевъ зналъ лишь слово
 Повсюду популярное «God damn»,
 И принималъ его, что было ново,
 За англійскій привѣтственный *селямъ*,
 Что выражаетъ мысль: Богъ въ помощь вамъ!
 Какъ полу-бритъ, не разъ слыхалъ я въ жизни
 То слово въ дорогой полу-отчизнѣ.

XIII.

Но Донъ-Жуанъ горячъ былъ. Въ двадцать лѣтъ,
 Чтобъ въ грѣвъ придти — нужна одна минута.
 Онъ выхватилъ дорожный пистолетъ
 И весь зарядъ впустилъ въ желудокъ плута.
 Мошенникъ палъ, какъ пораженный быкъ
 И застоналъ, сдержатъ не въ силахъ крикъ:
 «О, Жанъ, прощай! прощай мой край богатый!
 Сжилъ со свѣту меня французъ проклятый!»

XIV.

Но Жанъ и два товарища бѣжать
 Пустились безъ оглядки. Тотчасъ слуги
 Явился Донъ-Жуана защищать
 И предложили позднія услуги,
 Но видя, что мошенникъ умираетъ,
 Жуанъ за перевязкою послалъ
 И пожалѣлъ о томъ, что очень скоро
 Ему пришлось свести въ могилу вора.

XV.

Здѣсь можетъ быть — такъ думалъ Донъ-Жуанъ—
 Такъ принимать туристовъ — есть обычай:
 Заглядывать при встрѣчѣ въ ихъ карманъ,
 Не соблюдая принятыхъ приличій.
 Но все-таки чуть дышетъ этотъ плутъ.
 Нельзя же мнѣ его оставить тутъ?
 И онъ сказалъ своей почстной свитѣ:
 «Его съ земли тихонько поднимите.»

XVI.

Но прежде чѣмъ исполненъ былъ приказъ,
 Воръ простоналъ: «Уйдите, ради Бога
 И дайте мнѣ — мой близокъ смертный часъ —
 Вы можжевельной водки... хоть не много!..»
 Онъ умиралъ... онъ кровью истекалъ...
 Съ опухшей шеи галстухъ онъ сорвалъ —
 И тихо губы вора прошептали
 Въ послѣдній разъ: «отдайте это Салли!»

XVII.

Къ ногамъ Жуана брошенъ былъ платокъ,
 Покрытый черной кровью. Просьбы вора,
 Къ несчастію, Жуанъ понять не могъ...
 Томъ былъ мошенникъ высшаго разбора,
 Головорѣзъ и шуллеръ и наглець...
 Онъ промотался вдругъ и наконецъ
 На этотъ разъ онъ жизнью поплатился...
 Жуанъ съ сержантомъ скоро объяснился,

XVIII.

Съ умѣлъ свое убійство оправдать
 И продолжалъ свой путь въ столицѣ свѣта,
 Но грусти отъ себя не могъ прогнать,
 Что долженъ былъ стрѣлять изъ пистолета
 Въ странѣ, гдѣ всѣ свободны быть должны.
 О гражданахъ великой той страны
 Нашъ Донъ-Жуанъ задумался немного...
 А въ Лондонѣ въ тѣ дни была тревога:

XIX.

О смерти Тома городъ весь узналъ:
 Тамъ даже дѣти знали имя Тома
 И смерть его произвела скандалъ.
 Томъ былъ виной не одного содома.
 Онъ геніемъ слылъ въ мірѣ воровскомъ,
 Онъ въ каждый домъ пробратся могъ ползкомъ,
 И всѣ замки секретные въ минуту
 Ломались вдругъ, понавши въ руки къ плуту.

XX.

Но Томъ ужь мертвъ... Забудемъ же о немъ.
 Вѣдь нужно чтобъ герои умирали, —
 И, къ счастью, они, какъ этотъ Томъ,
 Нашъ бѣлый свѣтъ всѣ рано покидали.
 О, Темза! мой привѣтъ тебѣ!.. Въ тотъ часъ
 Вдоль темныхъ береговъ твоихъ неслась
 Чрезъ Кеннингтонъ и чрезъ другіе *тоны*
 Коляска Донъ-Жуана безъ преоны.

XXI.

Карета проносилаь чрезъ *сады*,
 Хоть въ тѣхъ садахъ деревьевъ очень мало;
 Мелькали зданій каменныхъ ряды,
 Гдѣ надпись постоянно заявляла:
 «Сей самый домъ передають въ наймы».
 Предъ путникомъ мелькали среди тьмы
 Кареты, omnibusы и повозки...
 Таверны свѣтъ на каждомъ перекресткѣ

XXII.

Усталыхъ пѣшеходовъ зазываль,
 Чтобъ выпить пинту пѣнистаго пива;
 Порой, маль-постъ мгновенно пролеталъ...
 Здѣсь парики развѣшаны красиво
 Въ цирюльнѣ освѣщенной на окнѣ...
 Тамъ масло наливаетъ въ сторонѣ
 Солдатъ въ фонарь. (Въ тѣ дни, какъ мы слыхали,
 Газъ въ фонаряхъ еще не зажигали).¹

XXIII.

При вѣздѣ въ этотъ новый Вавилонъ
 Такихъ картинъ встрѣчаетъ путникъ много.
 Разнообразье, шумъ — со всѣхъ сторонъ.
 Я описать все это могъ бы строго,
 Но вамъ о томъ расскажетъ каждый гидъ...
 Настала ночь, когда нашъ сибаритъ,
 Отдѣлавшись отъ полицейской стражи,
 Чрезъ мостъ переѣзжать сталъ въ экипажѣ.

XXIV.

Твой ропоть, Темза, нѣжитъ слухъ людей,
 Хотя едва онъ слышенъ въ общемъ гулѣ...
 Вестминстеръ блещетъ множествомъ огней
 И эта базилика... О, могу-ли
 При трепетномъ мерцаніи луны
 Здѣсь не воскликнуть, Лондона сыны:
 Вся эта часть столицы непременно
 Вамъ дорога должна быть и священна.

XXV.

Лѣса друидъ исчезли... Что же — намъ
 Ужели сожалѣть о томъ прошедшемъ?
 Смотрите: возвышается Бедламъ,
 Гдѣ цѣпи надѣваютъ съумасшедшимъ;
 Верховный судъ,² безмолвень и суровъ,
 Зоветь къ суду угрюмыхъ должниковъ
 И, наконецъ, въ комъ явится злорадство
 Передъ тобой, Вестминстера аббатство?

XXVI.

Рядъ фонарей бросаетъ яркій свѣтъ.
 На континентѣ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнья,
 (Сравню ли золото я съ грязью?) нѣтъ
 Такого городского освѣщенья.
 Въ тѣ дни французы были дикари,
 Но, просвѣтясь потомъ, на фонари
 Привязывать измѣнниковъ пустились
 И, право, похвалы за то добились.

XXVII.

О, если бъ вмѣсто нашихъ фонарей
 Повѣсить всѣхъ вельможъ въ минуту злобы,
 Да подорвать жилища ихъ скорѣй,
 То родъ людской былъ просвѣщенъ давно бы.
 Но люди близоруки къ ихъ вреду
 (Не много исключеній я найду)
 И людямъ почему-то очень сладки
 Всѣ старыя преданья и порядки.

XXVIII.

Весь Лондонъ такъ роскошно освѣщенъ,
 Что Діогенъ ѣскать могъ человѣка
 Безъ фонаря... Я самъ съ былыхъ временъ
 Ищу людей достойныхъ, но до вѣка
 Ихъ вѣроятно встрѣтить не смогу.
 Есть исключенья, впрочемъ — не солгу:
 Чиновниковъ, какъ не суди ихъ строго,
 Встрѣчалъ я честныхъ очень, очень много.

XXIX.

По мостовой гремящей, въ поздній часъ,
 Когда толпы по улицамъ рѣдѣли
 И баловни судьбы изъ высшихъ расъ
 За трапезой обѣденной сидѣли,
 Нашъ молодой посолъ и дипломатъ
 Свершалъ свой путь въ виду нѣмыхъ громадъ,
 Въ виду палатъ, дворцовъ, домовъ игорныхъ
 На улицахъ богатыхъ и просторныхъ.

XXX.

Вотъ наконецъ въ отель пріѣхалъ онъ.
 Ливрейная прислуга замелькала;
 Онъ былъ толпой тотчасъ же окружонъ
 И нимфъ ночныхъ явилось вокругъ не мало.
 Ихъ обвиняютъ всюду за развратъ,
 Но многіе, какъ Мальтусъ, говорятъ,
 Что ихъ среда родитъ въ насъ склонность къ бракамъ
 И пробуждаетъ нравственность во всякомъ.

XXXI.

Жуану въ ту-жь минуту отвели
 Достойное вельможи помѣщенье,
 Гдѣ богачи пріѣзжіе могли
 Найти покой, комфортъ и... разоренье,
 Гдѣ не одинъ посланникъ прежде жилъ,
 Пока въ столицѣ онъ не находилъ
 Квартиры пышной съ залой колоссальной,
 Чтобъ выставить свой гербъ національный.

XXXII.

Гербовъ и громкихъ титуловъ Жуанъ
 Не выдавалъ: онъ былъ посолъ секретный,
 Но все-таки въ столицѣ англичанъ
 Извѣстенъ сталъ, какъ человѣкъ замѣтный,
 Какъ знатный иностранецъ и богачъ,
 Притомъ красавецъ... шансовъ для удачъ
 Открылось у него совѣмъ не мало...
 Къ тому жъ молва тотчасъ же рассказала

XXXIII.

Исторіи любви его, побѣдъ
 И множество различныхъ приключеній;
 А англичанки всѣхъ возможныхъ лѣтъ
 Охотницы до сильныхъ ощущеній
 И — женщина повсюду такова —
 Имъ головы вскружила та молва.
 На славу пріобрѣлъ Жуанъ нашъ право:
 Инымъ всѣ страсти замѣняетъ слава,

XXXIV.

Гдѣ страсть — въ умѣ или въ сердцѣ? — Все равно,
 Отъ этого не лучше и не хуже
 Послѣдствія. Ужь если суждено
 Любить намъ головою, то къ чему же
 Такое чувство будемъ осуждать?...
 Была бы цѣль достигнута — и знать
 Не нужно намъ какимъ путемъ явилась
 Страсть, — въ головѣ или въ сердце поселилась.

XXXV.

Жуанъ свой долгъ исполнилъ, какъ посолъ;
 Онъ передалъ бумаги важнымъ лицамъ
 И въ ихъ кругу вниманіе нашолъ.
 Любуясь героемъ блѣднолицымъ,
 Съ его улыбкой кроткой, дипломатъ
 Британіи побился бѣ о закладъ,
 Что онъ опутать можетъ очень тонко
 Жуана, какъ наивнаго ребенка.

XXXVI.

Но дипломатъ ошибся. Старьки
 Всѣ падки на подобныя ошибки.
 Всѣмъ дипломатамъ ложь была съ руки:
 Двуличны ихъ бесѣды и улыбки.
 О, женщины! Какъ не любить мнѣ васъ?
 Вы лжете изъ привычки, изъ проказъ,
 Но лжете такъ искусно, вѣроятно,
 Что даже ложь въ васъ самая пріятна.

XXXVII.

Что значить ложь? Всегда была она
 Замаскированной правдой. Мы-ли,
 Историковъ читая письма,
 Повѣримъ имъ, какъ люди прежде жили?
 Историки, герои и пѣвцы,
 Предъ истиной вы всѣ для насъ лжецы,
 И нашъ упрекъ равно для всѣхъ васъ горекъ,
 Поэтъ и полководецъ и историкъ.

XXXVIII.

Да здравствуетъ же ложь! Кто жь упрекнетъ
 Меня за мрачность музы? Муза эта
 Те Deus свой торжественно поетъ
 И плачетъ о грѣхахъ больного свѣта.
 Но слезы бесполезны. Лучше льстить,
 Благоговѣйно головы клонить...
 Такъ будемъ же въ блистательномъ чертогѣ
 Мы цаловать у сильныхъ міра ноги.

XXXIX.

Былъ ко двору представленъ Донъ-Жуанъ.
 По красотѣ а также по костюму
 Замѣтили его... Межъ англичанъ,
 Какъ ходитъ слухъ, надѣлалъ много шуму
 Величины огромнѣйшей алмазь,
 Посланникомъ надѣтый на показъ.
 Отправившись изъ сѣверной столицы,
 Алмазь онъ взялъ изъ рукъ императрицы.

XL.

Съ нимъ ласково министры обошлись.
 Чиновники изъ самой низкой сферы,
 Которые какъ будто задались
 Грубить вездѣ и нагличать безъ мѣры,
 Съ цинизмомъ и безъ всякаго стыда,
 Съ нимъ обращались вѣжливо всегда,
 Что — такова ужь въ Лондонѣ ихъ касса —
 Случается у нихъ не очень часто.

XLI.

За грубость вѣрно платитъ имъ казна;
 Ихъ наглость — отвратительнаго сорта.
 Мы знаемъ всѣ, какъ грубость ихъ сильна;
 Кто хлопоталъ о выдачѣ паспорта
 Иль пропускъ свободномъ въ дальній путь,
 Тотъ не однажды можетъ проклянуть
 Всѣхъ этихъ лизоблюдовъ канцелярскихъ,
 Прихвостниковъ среди прихожихъ барскихъ.

XLII.

Въ Британіи Жуанъ нашолъ приѣмъ
 По истинѣ «съ вниманьемъ утоиченнымъ»,
 Последнее сравненье мы беремъ
 У Франціи. Въ краю томъ просвѣщенномъ
 Французъ вездѣ быть вѣжливымъ привыкъ
 А всѣ британцы грубы на языкъ
 И мягкости не знаютъ въ разговорѣ.
 Тому виной, быть можетъ, близость моря.

XLIII.

А между тѣмъ въ «Дамне» есть тоже соль...
 На континентѣ клятвы очень пряны;
 Изъ скромности — скромна поэта роль —
 Я ихъ не повторю въ строфахъ романа;
 Но въ этой клятвѣ «Дамне» — хоть она
 Немножко грубовата и смѣшна —
 Скрывается невѣдомая сила:
 Мнѣ слово то всегда казалось мило.

XLIV.

Мы откровенность грубую найдемъ
 Въ Британіи межъ англійскимъ народомъ,
 Когда-жъ черезъ Ламаншъ переплывемъ,
 Гдѣ Франція даетъ законы модамъ,
 То встрѣтимъ лоскъ и вѣжливость... Но мнѣ
 Пора болтливость бросить въ сторонѣ
 И вновь вернуться къ самому роману
 И къ главному герою — Донъ-Жуану.

XLV.

Весь «высшій свѣтъ» — тотъ самый высшій свѣтъ,
 Гдѣ люди и развратнѣй и богаче,
 Гдѣ если дарованій сильныхъ нѣтъ,
 Зато есть связи, деньги и удачи —
 Жуана тотчасъ въ кругъ свой записалъ,
 Ему открытъ былъ каждый пышный залъ
 И знатные вельможи пожелали
 Его встрѣчать на раутѣ иль балѣ.

XLVI.

Жуанъ былъ юнѣ. Въ глазахъ дѣвицъ и дамъ
 Нашъ ранній возрастъ — первое условье:
 О бракѣ мысль дѣвическимъ мечтамъ
 Даетъ просторъ и, не боясь злословья,
 Скорѣй полюбятъ дамы холостыхъ,
 Чѣмъ выберутъ женатыхъ. Мы у нихъ
 Всегда въ загонѣ, сколько могъ постичь и:
 Имъ нужно хоть наружное приличье.

XLVII.

Но Донъ-Жуанъ былъ юноша. Искаль
 Онъ наслажденья въ жизни безъ азарта,
 Сентиментальной нѣжностью плѣняль,
 Какъ сладкая мелодія Моцарта,
 Былъ кстати весель, скучень, оживлень,
 Хоть молодъ былъ, но свѣтъ ужъ видѣль онъ,
 Весь этотъ свѣтъ, всѣ книги о которомъ
 Наполнены для насъ ужаснымъ вздоромъ.

XLVIII.

Красавицы краснѣли передъ нимъ
 (На Темзѣ, впрочемъ, въ модѣ притиранье);
 За красоту и грацію любимъ
 Онъ возбуждалъ въ невѣстахъ обожанье,
 А маменьки — имъ нѣтъ другихъ заботъ —
 Справлялись, какъ великъ его доходъ,
 На сколько мать посланника богата
 И нѣтъ ли у него, избави Боже, брата.

XLIX.

Столичные модистки — даже тѣ
 Поправились съ пріѣздомъ Донъ-Жуана
 И помощь предлагали красотѣ
 Нарядами, чтобъ послѣ изъ кармана
 Смушоннаго супруга или отца
 Взимать налогъ за выкройку чепца,
 За разные мантильи и наколки
 Работы ихъ причудливой иголки.

L.

И наконецъ всѣ «спніе чулки»,
 Вздыхавшіе надъ вычурнымъ советомъ,
 Разставили предъ нимъ свои силки,
 Распрашивать пускаясь при этомъ
 О новостяхъ испанскихъ и о томъ —
 Знакомъ ли онъ съ славянскимъ языкомъ,
 Видалъ ли Иліонъ, скитаясь въ мірѣ,
 И былъ ли онъ въ Китаѣ или Сибири?

LI.

Жуанъ, какъ рѣзвый мальчикъ, непривыкъ
 Къ литературнымъ спорамъ и отвѣтамъ,
 А потому поставленъ былъ въ тупикъ
 Всѣмъ этимъ мудрымъ женскимъ комитетомъ,
 Война, любовь, къ забавамъ балнымъ страсть
 Не допускали странника попасть
 Къ тѣмъ берегамъ священнымъ Иппокрены,
 Куда влекли учонья сирены.

LII.

Но отвѣчать онъ съ скромностью спѣшитъ,
 Съ достоинствомъ и силою педантовъ,
 Такъ что одна, миссъ Араминта Смитъ,
 Дѣвица замѣчательныхъ талантовъ,
 Которая въ шестнадцать только лѣтъ
 Была умна, какъ англійскій памфлетъ,
 Огвѣтъ Жуана въ книжку записала.
 Къ тому жь Жуанъ зналъ языковъ не мало

LIII.

И ими ловко рѣчь свою пестрилъ.
 Красавицы рѣшили всѣмъ совѣтомъ,
 Что онъ уменъ, начитанъ, очень милъ
 И только жаль, что не рожденъ поэтомъ,
 Что этого недоставало лишь,
 Чтобъ поражать. Миссъ Мевія Маннишь
 Просила, вся алѣя отъ румянца,
 Спѣтъ что нибудь прекраснаго испанца.

LIV.

Жуанъ успѣхи дѣлать начиналъ
 Безъ всякаго особаго старанья;
 Ему открытъ былъ каждый новый балъ
 И всѣ литературныя собранья;
 Вотъ тутъ-то онъ всѣхъ авторовъ узналъ,
 И, слушая бесѣды, насчиталъ
 Онъ до ста лишь поэтовъ первоклассныхъ,
 Имѣющихъ поклонницъ безпристрастныхъ.

LV.

Въ Британіи, пройдетъ лишь десять лѣтъ,
 Отстаивать обизанъ первородство,
 Какъ истинный боксеръ, любой поэтъ,
 Хотъ самъ въ свое не вѣрять превосходство.
 Я, какъ и всѣ, не знаю какъ попалъ
 Въ великіе поэты, и слыхалъ
 Какъ звали всѣ мѣня, не безъ смятенья,
 Наполеономъ въ дѣлѣ пѣснопѣнья:

LVI.

Моей Москвою былъ мой «Донъ-Жуанъ»,
 Былъ Лейнцигомъ моимъ потомъ «Фальеро»,
 А «Каинъ» — Ватерлоо... Какъ туманъ,
 Какъ мимолетный сонъ или химера,
 Мелькаетъ наша слава на землѣ.
 Я лавры обрываю на челѣ
 И въ гробъ сойду, не бывши знаменитымъ,
 На островъ какомъ нибудь забытомъ.

LVII.

Былъ до меня извѣстенъ Вальтеръ-Скотъ,
 Извѣстность ждетъ и Кэмбея и Мура,
 Теперь же лишь псалмы одни поетъ
 Поэзіи родной литература.
 Съ монахами настроилъ лиру въ тонъ,
 Пегаса осѣдлавши, Чаттертонъ,
 И, взявши въ руки скромныя цѣвницы,
 Всѣ музы нарядились въ власяницы.

LVIII и LIX.

Есть у меня, какъ говорятъ, двойникъ; ³
 Но эта роль довольно трудновата...
 Кольриджа многимъ нравится языкъ,
 Вордсворта также славили когда-то.
 Одинъ крикунъ не такъ еще давно
 Заврался разъ ужь до того смѣшно,
 Что Соути, парнаскаго гусенка,
 Онъ лебедемъ считать сталъ... Очень тонко!...

LX.

Джонъ Кэтсъ убитъ былъ критикой тогда,
 Когда толпѣ онъ подарить собирался
 Образчики великаго труда.
 Несчастный мальчикъ! рано ты скончался.
 И вотъ нашъ умъ. Едва онъ заблесталъ,
 Какъ падаетъ убитый на-повалъ
 Отъ выходки какой нибудь журнальной:
 Урокъ для всѣхъ суровый и печальный!

LXI.

О, длиненъ списокъ мертвыхъ и живыхъ,
 За славою гонявшихся на свѣтѣ,
 И если свѣтъ потомъ оцѣнитъ ихъ,
 То жизни ужъ не будетъ въ ихъ скелетѣ,
 Могилы ихъ травой заростутъ.
 Они едвали и вѣрили въ свой трудъ.
 Ихъ развелось въ мѣрѣ слишкомъ много,
 А къ славѣ очень узкая дорога.

LXII.

Писателемъ теперь плачевно быть;
 Склоняясь передъ ложью и развратомъ,
 Приходится имъ подличать и льстить
 Предъ каждымъ неотесаннымъ солдатомъ.
 О, если бъ я на родину попалъ,
 То этимъ янычарамъ показалъ,
 Какъ въ умственной борьбѣ они ничтожны.
 Я знаю, чѣмъ ихъ обуздать всѣхъ можно,

LXIII.

Но не хочу терять напрасно словъ
 На эту дрянъ. Къ тому же, въ самомъ дѣлѣ,
 Не жолченъ я и вовсе не суровъ,
 Чтобъ выступить впередъ для этой цѣли.
 Мнѣ свойственны улыбки или смѣхъ;
 Считаю дѣлать зло другимъ за грѣхъ,
 Я съ Музой ухожу всегда отъ ссоры:
 Она идетъ и потупляетъ взоры.

LXIV.

Пѣвцы салоновъ, синіе чулки,
 Которые Жуана окружили,
 Измучили его; онъ безъ тоски.
 Бѣжалъ отъ нихъ, какъ отъ архивной пыли,
 Хоть зналъ онъ хорошо о томъ впередъ,
 Что ихъ кружокъ бранить его начнетъ,
 И перешолъ, о томъ не сожалѣя,
 Въ то общество, гдѣ было веселѣе.

LXV.

Онъ дѣломъ занимался по утрамъ
 И тѣ часы — а сколько ихъ убито? —
 Бываютъ тяжелы не рѣдко намъ;
 Они, какъ платье Несса, ядовиты,
 Они насъ утомляютъ какъ дурмапъ
 И мы, ложась лѣниво на диванъ,
 Дѣла всѣ проклинаямъ очень смѣло...
 Когда идетъ не объ отчизнѣ дѣло.

LXVI.

Потомъ Жуанъ спѣшилъ въ зенитѣ дня
 Гулять, или съ визитомъ отправлялся,
 А вечеромъ садился на коня
 И ѣхалъ въ паркъ, природой наслаждался.
 Въ тѣхъ тощихъ паркахъ бѣдная пчела
 Отъ голода навѣрно бѣ умерла.
 Паркъ въ Лондонѣ лишь служитъ сборнымъ мѣстомъ
 Какъ Муръ сказалъ — красавицамъ-невѣстамъ.

LXVII.

Вслѣдъ за прогулкой слѣдуетъ обѣдъ,
 А къ вечеру, лишь фонари зажгутся,
 Салоны открываетъ высшій свѣтъ,
 По улицамъ кареты понесутся
 Какъ метеоры... звонкій бой подковъ...
 У всѣхъ дверей гулъ тяжелыхъ молотковъ —
 И въ рай земной распахываютъ двери
 Для избранныхъ гостей, по-крайней-мѣрѣ.

LXVIII.

Всѣ собрались къ хозяйкѣ на поклонъ...
 Вы всѣ поклоны счесть не захотите-ль?
 Тамъ вальсъ соорудилъ свой пышный тронъ,
 Вальсъ, барышень единственный учитель.
 Биткомъ набить парадныхъ комнатъ рядъ
 И медленно, измѣвши свой нарядъ,
 По лѣстницѣ толпятся гости всюду...
 Счастливецемъ называть того я буду —

LXIX.

Того, кто въ душныхъ этихъ залахъ могъ
 Сквозь общество блестящее пробраться
 Въ какой нибудь укромный уголокъ,
 Чтобъ одобрять иль тихо посмѣяться,
 Иль молча любоваться въ сторонѣ,
 Какъ въ тѣснотѣ, въ цвѣтахъ и при огнѣ,
 Толпа гостей по заламъ расплывалась
 И отъ избытка жара задыхалась.

LXX.

Но тотъ, кто былъ замѣтенъ, какъ Жуанъ,
 Не могъ пробраться въ уголь въ тихомолку
 Сквозь этотъ разноцвѣтный океанъ
 Алмазовъ, перьевъ, жемчугу и шолку, —
 Но долженъ, какъ искусный мореходъ,
 Свершать въ толпѣ блестящій свой обходъ
 Подъ музыку, сквозь музыкальный ропотъ,
 Улавливать умѣя сладкій шопотъ.

LXXI.

И если онъ пришолъ не какъ танцоръ
 И ищетъ глазокъ чьихъ нибудь на балѣ,
 То пусть на нихъ бросаетъ рѣже взоръ,
 Чтобъ разомъ не подвергнуться опалѣ.
 Въ той сферѣ — осторожность есть талантъ,
 Есть общій долгъ, и каждый юный франтъ,
 Разъ оскорбивши главный догматъ свѣта,
 Пощады ждаты не можетъ ужъ за это.

LXXII.

Нѣтъ, постарайтесь рядомъ лучше сѣсть
 За ужиномъ съ предметомъ страсти тайной...
 О, Боже мой! — какъ много счастья есть
 Въ подобной встрѣчѣ краткой и случайной.
 Намекъ, пожатые рукъ, полу-слова...
 У всѣхъ у насъ кружится голова
 И оживаютъ стихшія желанья
 Лишь при одномъ такомъ воспоминаньи.

LXXIII.

Обыкновеннымъ смертнымъ я даю
 Совѣтъ быть осторожными на балѣ,
 Но о счастливицахъ тѣхъ не говорю,
 Которыхъ въ свѣтѣ всѣ избаловали
 За красоту, иль знатность, или умъ:
 Они имѣютъ право на-обумъ
 Болтать, шутить и дѣлать что угодно
 Безъ всякаго стѣсненья и свободно.

LXXIV.

Жуанъ красивъ былъ, молодъ и богатъ,
 Къ тому же иностранецъ, — такъ понятно,
 За нимъ всѣ волочились на расхватъ...
 Всѣ говорятъ, что очень неприятно
 Вдругъ заболѣть, читать стихи пѣвца,
 Смотрѣть на безобразіе лица,
 Но я бъ желалъ, чтобъ люди тѣ узнали,
 Какъ наши лорды время убивали.

LXXV.

Въ дни юности они ужъ старики,
 Прекрасны, но ужъ жизнию измяты,
 Богаты — но долги ихъ велики:
 Заложены ихъ пышныя палаты,
 Евреи состоянье ихъ сосутъ...
 И, не живя, тѣ баловни умрутъ,
 Все состоянье разомъ уничтожатъ —
 И въ склепъ родной ихъ юноши положатъ.

LXXVI.

«Гдѣ люди?» восклицалъ такъ Юнгъ старикъ,
«Гдѣ тѣ, среди которыхъ я родился?»

Гдѣ люди тѣ? ихъ трудъ въ единый мигъ,
Какъ шаръ стеклянный, въ дребезги разбился.
Гдѣ гениі великіе земли,
Ораторы, вельможи, короли,
Всѣ щеголи, незнавшіе вѣкъ дѣда?..
Ихъ жизнь, какъ вихрь, безслѣдно улетѣла.

LXXVII.

Гдѣ Бонапартъ великій? — скрылъ туманъ...
Гдѣ крошка Кестльри? чортъ объ этомъ знаетъ?
Гдѣ Шериданъ, Кюрранъ и ты, Граттанъ?
Гдѣ королева бѣдная страдаетъ?
Гдѣ дочь ея, любимица страны?
Гдѣ мы теперь отыскивать должны
Страдальцевъ нашихъ, мучениковъ свѣта?
И, наконецъ, гдѣ откупъ? — нѣтъ отвѣта.

LXXVIII.

Гдѣ Бруммель?⁴ Сгибъ. Гдѣ Лонгъ Подъ-Веллеслей?⁵
Поддѣтъ — обмануть. Гдѣ Георгъ нащъ Третій?
Гдѣ, наконецъ, павлинъ межъ жородей,
Георгъ Четвертый? Англія — отвѣтъ ей —
Желаешь знать, за чѣмъ ты поспѣшилъ
Въ Шотландію? Идъ тамъ ты полюбилъ
Прислушиваться къ пѣсенкѣ старинной?
Гдѣ жъ ты теперь, властитель нашъ безсильный?

LXXIX.

Гдѣ вы, милорды, леди? Многихъ нѣтъ,
 Иные сочетались новымъ бракомъ
 Иль развелись съ мужьями. Пренній свѣтъ
 Померкъ совсѣмъ передъ могильнымъ мракомъ.
 Гренвилли гдѣ? Какъ прежде — флюгера,
 Непостоянны нынче, какъ вчера.
 Гдѣ наши виги милые? Навѣрно,
 По прежнему ведутъ себя примѣрно.

LXXX.

Гдѣ леди Каролина?... «Morning Post»,
 Ты, лѣтопись блестящей нашей жизни,
 Сводившая всѣ моды на погостъ,
 Что новаго, скажи, въ моей отчизнѣ?
 Одни больны, другіе ѣдутъ въ даль.
 Разсѣивать безсмѣнную печаль,
 Искать хорошихъ станцій и погоды
 И проживать послѣдніе доходы.

LXXXI.

На удочку отъявленныхъ повѣсь
 Богатыя наслѣдницы попались;
 Иные получили въ жизни вѣсь
 Другіе съ состояніемъ разстались,
 Иль вдругъ лишились свѣжести лица...
 Короче — переменамъ нѣтъ конца...
 Чему жъ дивиться? въ жизни нашей сцены
 Ждутъ постоянно новой перемены.

LXXXII.

Пусть говорятъ, что опытности свѣтъ
 Даетъ намъ только старость; но такъ много
 Я испыталъ въ послѣдніе семь лѣтъ,
 Какъ будто вѣчность длилась та дорога.
 Нѣтъ постоянства въ мірѣ: человекъ
 Мѣняется, идя изъ вѣка въ вѣкъ;
 Лишь виги постоянствомъ отличались,
 Хотъ планы ихъ на власть не удавались.

LXXXIII.

Я видѣлъ, какъ погибъ Наполеонъ,
 Казавшійся Юпитеромъ когда-то;
 Былъ герцогъ ⁶ (вамъ я не скажу — кто онъ)
 Разсудокъ потерявшій безъ возврата.
 Я видѣлъ, какъ освистанъ былъ король,
 Какъ онъ потомъ вошелъ въ другую роль
 И принять былъ толпой съ рукоплесканьемъ.
 Я зналъ вельможъ съ огромнымъ состояньемъ

LXXXIV.

И — безъ гроша въ карманѣ. Я цѣнилъ
 Палаты депутатовъ всѣ законы
 На счетъ налоговъ, бывшихъ выше силъ;
 На сумашедшихъ видѣлъ я короны;
 Покойной королевы зналъ процессъ;
 Я видѣлъ опозоренный конгрессъ;
 Я видѣлъ край въ порывѣ гордой страсти
 Низвергнувшій все иго тяжелой власти.

LXXXV.

Я зналъ поэтовъ мелкихъ; я встрѣчалъ
 Прозаиковъ, ораторовъ извѣстныхъ;
 Я видѣлъ какъ народъ кругомъ топталъ
 Полкъ всадниковъ наемныхъ и безчестныхъ;
 Я видѣлъ Джона Буля, наконецъ,
 Когда почти сознался тотъ мудрецъ,
 Что можетъ онъ вполнѣ глупцомъ назваться,
 А въ глупости невесело сознаться.

LXXXVI.

Но «сагре діем»⁷ — «сагре», Донъ-Жуанъ!
 Потухнетъ день — и новый день бестрастный
 Засвѣтитъ въ небесахъ для новыхъ странъ.
 Шекспиръ жизнь назвалъ драмою несчастной...
 Такъ пусть живетъ, не думая, народъ,
 Подъ маской лицемѣрья вѣчно лжотъ;
 Пусть съ словомъ обращается онъ смѣло,
 Хотя бы не сходилось съ словомъ дѣло.

LXXXVII.

Какъ продолжать рассказъ о той странѣ,
 Которую прославили такъ лживо
 За нравственность? Пока нелучше-ль мнѣ
 Остановится. Было бъ справедливо
 Однако мнѣ увѣрить англичанъ,
 Что нравственность Британіи — обманъ;
 Но лучше замолчу я: вѣдь, заранѣ
 Объ этомъ знали сами англичане.

LXXXVIII.

О томъ, гдѣ былъ, что дѣлалъ мой герой,
 Я расскажу въ послѣдствіи подробно,
 На сколько, разумѣется, удобно,
 Но пусть никто не думаетъ, порой,
 Что вывелъ я въ своемъ романѣ злобно
 Своихъ враговъ, знакомыхъ цѣлый строй...
 Фантазія одна мнѣ помогала
 И длинную поэму диктовала.

LXXXIX.

Женился ли испанецъ юный мой
 На знатной родомъ англійской графинѣ,
 Иль только взялъ богатство за женой,
 Иль сталъ, какъ мужъ, въ гражданскомъ новомъ чинѣ
 Производить дѣтей не мало, какъ
 Повелеваетъ намъ законный бракъ,
 Иль не имѣлъ ли новыхъ приключеній
 И бѣдъ изъ-за любовныхъ похожденій —

XC.

Объ этомъ вы узнаете потомъ.
 Счастливый путь, мое повѣствованье!
 Я объ закладъ готовъ побиться въ томъ,
 Что многіе приложутъ все старанье
 Тебя, моя поэма, очернить —
 Тѣмъ лучше, если могъ ихъ раздражить;
 Но, ставъ лицомъ къ ихъ вражескому стану,
 Я мысль свою ничѣмъ стѣснять не стану.

ПѢСНЯ ДВѢНАДЦАТАЯ.

I.

Изъ возрастовъ нѣтъ хуже «среднихъ лѣтъ»,
Когда мы балансируемъ на свѣтѣ
Межъ здоровымъ смысломъ и безумьемъ... Нѣтъ
Въ насъ прежней жажды счастья въ годы эти;
Чего хотимъ — не знаемъ сами мы,
А ужъ въ кудряхъ пробился слѣдъ зимы,
Проглядываютъ волосы сѣдые —
И мы не тѣ, что въ годы молодые.

II.

Лѣтъ въ тридцать пять — для юношей ты старъ,
Но слишкомъ юнъ, чтобъ, подражая скрягѣ,
Лишь въ деньгахъ видѣть высшій жизни даръ.
Такая жизнь — тяжка, и нѣтъ отваги
Разстаться съ ней. Мы можемъ полюбить,
Хоть въ бракъ вступать ужъ поздно, можетъ быть,
А чары драгоцѣннаго металла
На насъ еще вліяютъ очель мало.

III.

О, золото! Зачѣмъ въ глаза скупца
 Бросаемъ мы нескрытое презрѣнье?
 Блаженствуетъ онъ въ жизни до конца
 И скупость для него есть наслажденье.
 Противенъ намъ простой его обѣдъ,
 А для него отрады выше нѣтъ
 Межъ всѣми наслажденіями міра,
 Какъ иногда сберечь кусочекъ сыра.

IV.

Любовь здоровье губить, какъ вино,
 А честолюбье сильно истощаетъ,
 Но тотъ, кто безпрестанно и давно
 Сбираетъ деньги — медленно собираетъ —
 И, послѣ многихъ бѣдъ и неудачъ,
 Изъ нищеты выходитъ, какъ богачъ,
 Тотъ понялъ въ чемъ величіе и слава.
 О, деньги! всюду сильно ваше право..

V.

Кто держетъ равновѣсіе земли?
 Кто на конгрессахъ голосъ поднимаетъ?
 Кто возставать съ оружіемъ издали
 Испанскихъ патріотовъ заставляетъ?
 Предъ кѣмъ весь свѣтъ чело свое склонилъ?
 Кто призракъ Бонапарта замѣнилъ?
 Кто, какъ не Ротшильдъ, ставшій богомъ міра,
 И Берингъ... Вотъ два новые кумира!

VI.

Вотъ — если мы Лафитта къ нимъ причтемъ —
 Кто всей Европой нынче управляетъ!
 Нѣтъ, не всегда безнравственъ былъ заемъ:
 Отъ нищеты онъ нации спасаетъ
 Иль разрушаетъ смѣло ветхій тронъ.
 О, золото! вездѣ, со всѣхъ сторонъ,
 Съ могуществомъ и силой неизмѣнной,
 Ты заявляешь власть надъ всей вселенной.

VII.

За что жь скупцовъ мы станемъ обвинять?
 Воздержанность и въ циникѣ почтенна;
 Мы за нее привыкли уважать
 Всѣхъ схимниковъ святыхъ обыкновенно.
 Когда ведетъ жизнь строгую скупецъ,
 И добровольно носить свой вѣнецъ,
 Себя лишая благъ земныхъ безстрастно,
 То, право, осуждать его напрасно.

VIII.

Одинъ поэтъ, по-моему, скупецъ:
 Онъ властелинъ сокровищъ въ мѣрѣ цѣломъ;
 Ихъ блескомъ наслаждается пѣвецъ:
 Онъ золото творитъ въ порывѣ смѣломъ,
 За нимъ въ рудникъ спускается не разъ,
 Предъ нимъ льетъ свѣтъ чарующій алмазъ
 И, наконецъ, каменьевъ цѣнныхъ груда
 Сверкаетъ подъ лучами изумруда.

IX.

Міръ — весь его, во всѣхъ концахъ земли:
 По синему простору океана
 Къ нему везуть богатство корабли
 Изъ Индіи, Китая и Цейлана.
 Его смиренный, скромный уголокъ
 Служить бы для царей пріютомъ могъ;
 И въ томъ пріютѣ, пасмурномъ и сиромъ,
 Онъ нравственно царитъ надъ цѣлымъ міромъ.

X.

Кто знаетъ планы скряги? Можетъ, быть,
 Онъ хочетъ школу, храмъ, или больницу
 Иль циркъ для лошадей соорудить,
 Чтобъ заслужить почетную гробницу
 Иль памятникъ съ статуею своею.
 Быть-можетъ, хочетъ онъ спасать людей
 Тѣмъ золотомъ, иль просто, можетъ статься,
 Имъ хочетъ самъ до смерти наслаждаться.

XI.

Какая страсть не двигала бъ скупцовъ,
 Она вездѣ считается недугомъ
 По приговору праздному глупцовъ.
 А чѣмъ они блистаютъ другъ предъ другомъ?
 У нихъ интриги, оргіи, война...
 За что жь молва падить всѣхъ ихъ должна?
 Наслѣдники всѣхъ мотовъ, ваше слово,
 Увѣренъ я, на сторонѣ скупого.

XII.

Какъ хороши вы, съ золотомъ мѣшки!
 Съ металломъ чистымъ самой высшей пробы,
 Какъ гордо вы смотрите, сундуки!
 Не уважать васъ каждому грѣшно бы...
 Насъ тѣшитъ видъ сверкающихъ монетъ
 Гдѣ отчеканенъ царскій силуэтъ...
 О, деньги! вы всѣхъ радостей причина,
 Вы тоже, что и лампа Аладдина.

XIII.

«Любовь царитъ вездѣ: по чердакамъ,
 Въ домахъ вельможъ, по лагернымъ палаткамъ
 И въ небѣ»... ¹ пѣлъ поэтъ, хотя его стихамъ
 Намъ можно и не вѣрить, какъ загадкамъ,
 Которымъ объясненья въ жизни нѣтъ.
 На чердакахъ любовь найдетъ поэтъ,
 Но во дворцахъ и лагеряхъ едва-ли
 Передъ любовью двери отворяли.

XIV.

Тамъ золото скорѣй имѣетъ власть.
 Войска, безъ денегъ стали бѣ расходиться,
 Безъ золота вельможа можетъ пасть...
 Намъ Мальтусъ не совѣтуетъ жениться...
 Намъ не любовь, а деньги портятъ кровь,
 Что жь до того, что «въ небесахъ любовь»,
 То небеса инымъ намъ служатъ знакомъ
 И ихъ назвать скорѣе можно — бракомъ.

XV.

Любовь лишь въ бракѣ намъ разрѣшена,
 Хоть иногда такіе были браки,
 Любовь которымъ вовсе не дана;
 Но есть любовь, живущая во мракѣ,
 Которой не знакомъ законный бракъ —
 И мы ее не признаемъ ни какъ:
 Есть приговоръ общественнаго мнѣнья,
 Что та любовь — развратъ и преступленье.

XVI.

И такъ — супруговъ вѣрныхъ не найдешь
 Ни въ лагерѣ, въ тѣни палатки тѣсной,
 Ни въ пышныхъ помѣщеніяхъ вельможъ,
 Ни за дверьми каморки безъизвѣстной,
 А потому зачѣмъ я буду лгать
 И въ томъ другихъ насильно увѣрять,
 Во что я самъ давно утратилъ вѣру.
 Пускай враги разсердятся чрезъ мѣру —

XVII.

Я за успѣхомъ гнаться пересталъ.
 Въ дни юности, когда насъ тѣшитъ слава,
 Я иногда успѣха достигалъ:
 Мнѣ счастье на него давало право.
 Чего хотѣлъ, того я и достигъ.
 Людская злость и похвалы языкъ
 Меня теперь ужь больше не тревожатъ,
 Отъ опыта и старости, быть-можетъ.

XVIII.

А судъ потомства?.. Этотъ судъ людей,
 Которые родиться не успѣли,
 Всѣ приговоры будущихъ судьей,
 Не знавшихъ, можетъ-статься, и купели,
 Меня ни сколько, право, не страшатъ;
 Я думаю: именъ извѣстныхъ рядъ
 Современемъ забудутъ всѣ потомки
 И наша слава будетъ имъ — потѣмки.

XIX.

Мы сами есть потомство, а межъ тѣмъ
 И ста именъ на память мы не знаемъ...
 Забвенье жизнь опредѣляетъ всѣмъ.
 Старикъ Плутархъ, всезнаніемъ сжигаемъ,
 И тотъ собралъ лишь небольшой итогъ
 Именъ людей извѣстныхъ, но не могъ;
 Хоть умъ его былъ прозорливъ и гибокъ,
 Избѣгнуть лжи случайной и ошибокъ.

XX.

Читатель мой, мой критикъ, дамъ обѣтъ
 Я съ этой пѣсни сдѣлаться серьезнымъ,
 Какъ будто Мальтусъ каждый мой куплетъ
 Цензировалъ въ своемъ величьи грозномъ,
 Какъ будто Вильберфорсъ мнѣ диктовалъ,
 Который негровъ пламенно желалъ
 Освободить, а Веллингтонъ въ тѣ годы
 И бѣлыхъ всѣхъ хотѣлъ лишить свободы.

XXI.

Теперь никто не помѣшаетъ мнѣ
 Явиться съ «новымъ словомъ» для народовъ.
 Межъ тѣмъ, какъ занимаются въ странѣ
 Устройствомъ всей страны и параходовъ
 (Что одинаково воздушно), въ свой чередъ
 Мудрецъ на браки наши возстаетъ,
 Чтобъ не было къ женидбѣ въ насъ охоты...
 О, чистые, гуманные разсчеты!..

XXII.

Что жь до меня, то «чадолюбье» (вотъ —
 Любимое и близкое мнѣ слово!
 Хоть здѣсь словечко лучшее идетъ
 И у меня сорваться ужь готово,
 Но скромнымъ быть я далъ теперь зарокъ)
 Нашъ моралистъ уважить въ людяхъ могъ
 И въ мудрецахъ, по моему, должно-бы
 Не возбуждать то слово лишней злобы.

XXIII.

И такъ, впередъ... О, милый Донъ-Жуанъ!
 Ты — въ Лондонѣ, гдѣ юности повсюду
 Несчастья разставляютъ свой капканъ
 И ловятъ за случайную причуду.
 Положимъ, въ жизни ты не новичекъ,
 Но потеряться все-таки ты могъ,
 Какъ иностранецъ, въ городѣ громадномъ —
 Въ его движенъи, въ вихрѣ маскарадномъ.

XXIV.

По мѣстности, по климату страны,
 По типамъ, сохраняя всё преданья,
 Я могъ бы сдѣлать (вѣрить вы должны)
 Всѣхъ европейскихъ обществъ описанье;
 Но въ Англіи тяжолъ подобный трудъ:
 Вездѣ есть франты, «львами» ихъ зовутъ,
 А Англія — британецъ это знаетъ —
 Звѣринецъ изъ себя изображаетъ.

XXV.

Но бросимте политику. «Споемъ
 О чемъ нибудь возвышенномъ». ² Жуану
 Безъ цѣли жизнь наскучила — потомъ
 Сошелся онъ съ прелестнымъ существомъ,
 Которое — я здѣсь правдивымъ стану —
 Въ любви обманъ считая не грѣхомъ,
 Въ пороки презираетъ все глубоко,
 Все, только кромѣ самого порока.

XXVI.

Такихъ существъ не мало въ свѣтѣ, но
 Печальною бываетъ ихъ карьера;
 Соблазнъ грѣха узнать имъ суждено,
 И гонить ихъ общественная сфера,
 Гдѣ каждый удивляется тогда:
 «Вотъ чудеса! еще такъ молода...
 «Кто могъ бы думать о такомъ скандалѣ!..»
 Такія рѣчи въ свѣтѣ мы слыхали.

XXVII.

Своей восточной, строгой красотой
 Леила крошка ангеломъ казалась.
 Вокругъ себя, въ странѣ блестящей той,
 Леила ничему не удивлялась,
 Чѣмъ были въ свой чередъ поражены
 Великолѣпной Англїи сыны.
 Леила стала темой общихъ споровъ,
 Догадокъ и салонныхъ разговоровъ.

XXVIII.

Повсюду раздѣлилось мнѣнье дамъ...
 Не думайте, прелестныя созданья,
 Что я упрекъ въ глаза бросаю вамъ:
 Питая къ вамъ, какъ прежде, обожанье,
 Я нравственный принципъ вездѣ храню
 И за болтливость только васъ виню;
 Но, впрочемъ, пренья ваши были милы
 О первомъ воспитанїи Леилы.

XXIX.

И лишь въ одномъ сходились только вы,
 Что это граціозное созданье,
 Изящное отъ ногъ до головы,
 Приличнѣй получила бѣ воспитанье,
 Когда бѣ вошла къ любой британки въ домъ
 Прекрасная Леила и потомъ
 Являлась въ свѣтъ съ женой иного пѣра,
 И новая открылась бы ей сфера.

XXX.

Всѣ дамы собирались на совѣтъ,
 Чтобъ разсуждать объ участи Леилы,
 И для того составить комитетъ:
 Шестнадцать вдовъ — печальны и унылы —
 И десять дѣвъ составили кружокъ...
 Ихъ жизнеописание я бы могъ,
 Чтобъ отнестись правдиво къ мудрымъ вдовамъ,
 Причислить здѣсь къ годамъ средневѣковымъ.

XXXI.

Еще о дамахъ трехъ упомяну,
 Бездѣтныхъ и покинутыхъ мужьями.
 Тѣ дамы возымѣли цѣль одну:
 Воспитывать сиротку — между нами —
 Что значило — готовить на балы,
 Гдѣ первый ропотъ общей похвалы
 Для дѣвушки такъ сладокъ и пріятенъ,
 А балный воздухъ тонко-ароматенъ.

XXXII.

Взгляните вы на этотъ рядъ гостей
 Убогихъ лордовъ, дэнди разоренныхъ,
 На бдительныхъ сестеръ и матерей,
 На этихъ мухъ, корыстью пробужденныхъ,
 Жужжащихъ и порхающихъ вокругъ
 Богатыхъ дѣвъ, попавшихъ въ балный кругъ,
 Гдѣ лестъ предъ ними тонко расточаютъ
 И музыкой и пляской соблазняютъ

XXXIII.

У каждой здѣсь разсчотъ особый есть —
 И у кузины милой и у тетки.
 Да что! — Я много дамъ могу начестъ,
 Которыя такъ были нѣжно-кротки,
 Что уступать любовниковъ могли
 Наслѣдницамъ богатымъ той земли.
 Ужъ таковы уставы въ высшемъ свѣтѣ:
 Въ немъ дамы добродѣтельны, какъ дѣти.

XXXIV.

Иныя скоро ловятъ жениховъ,
 Иныя на отказы не скупаются
 И возбуждаютъ толки всѣхъ родовъ,
 И сестры ихъ нерѣдко такъ браняться:
 «Чѣмъ виноватъ тутъ бѣдный Фредерикъ?
 «Какъ онъ кокетки этой не постигъ!..
 «Она читала жь письма Фредерика,
 «И вдругъ — отказъ!.. Вѣдь это просто дико!..

XXXV.

«Къ тому же Фредъ въ нее давно влюбленъ...
 Онъ самъ богатъ, не ищетъ состоянья...
 Ахъ! завтра на балу вѣдь будетъ онъ:
 Шепну ему словечко въ назиданье...
 Къ тому жь и Фредерикъ не пропадетъ:
 Онъ партію приличнѣе найдетъ...
 Чтобъ та гордячка послѣ не жалѣла!..
 Но это все — маркизы старой дѣло».

XXXVI.

Мундиръ въ пренебреженьи у невѣстъ.
 Когда всѣмъ имъ наскучить ожиданье
 И выборъ жениховъ имъ надоѣсть,
 Тогда полу-увядшее созданье
 Въ мужья себѣ военнаго беретъ
 Иль замужъ за писателя идетъ,
 А кругъ мушинъ при выборѣ подобномъ
 Встрѣчаетъ сватьбу эту съ видомъ злобнымъ.

XXXVII.

Иной же разъ вступаетъ дѣва въ бракъ
 Съ давнишнимъ обожателемъ стариннымъ,
 А иногда — случается и такъ —
 Идетъ къ вѣнцу съ вдовцомъ угрюмо-чиннымъ
 Лѣтъ за сорокъ, который никогда
 Любить не могъ и въ ранніе года,
 Теперь же кровь струится въ немъ, не грѣя...
 Да, всякій бракъ есть та же лоттерея.

XXXVIII.

Я самъ (вотъ свѣжій фактъ для васъ)
 Изъ двадцати поклонниковъ недавно
 Былъ дамой выбранъ, хотъ на этотъ разъ
 Я старше всѣхъ годами былъ... Забавно?
 Пусть такъ; но я не стану обличать
 Всѣхъ, кто рѣшался громко заявлять,
 Что выборъ дамы — выборъ безобразный.
 Я не сержусь на говоръ черни праздной.

XXXIX.

Прощенья я у всѣхъ просить хочу:
 Ходъ стройнаго разсказа мнѣ не вѣдомъ...
 О нравственной я цѣли хлопочу —
 Она моя молитва предъ обѣдомъ.
 Какъ опекунъ или докучный другъ,
 Я съ Музою хочу весь міръ вокругъ
 Преобразить, а потому дорогу
 Пегасъ мой совершаетъ по-немногу.

XL.

Безнравственнымъ теперь я становлюсь,
 За-тѣмъ, что жизнь описывать я стану,
 И все, что ложно въ ней — скрыть побоюсь.
 Вѣдь если вѣрить станемъ мы обману
 И не увидимъ истины прямой,
 То никогда не распростимся съ тьмой,
 И корни зла и общаго порока
 Сквозь нашу почву врѣжутся глубоко.

XLI.

Воротимся къ Лейлѣ мы сперва.
 Она была чиста и непорочна,
 Какъ первый снѣгъ. Та фраза не нова,
 Но мысль за-то ей выражена точно.
 Жуанъ былъ радъ ввести Лейлу въ домъ,
 Гдѣ бъ за сироткой лучше присмотрѣли...
 Свобода не безвредна — и, притомъ,
 Нерѣдко попадаетъ мимо цѣли...

XLII.

Онъ понялъ, что не могъ опекуномъ
 Такъ долго для Леилы оставаться;
 Когда жь Жуанъ увидилъ, что кругомъ
 Есть множество охотницъ позаняться
 Развитиёмъ дикарки молодой,
 То онъ остановился на одной,
 Которую всѣ въ свѣтѣ уважали:
 И эту даму Леди Пинчбекъ звали.

XLIII.

Она теперь была уже стара,
 Но въ юности была она прекрасна
 И нѣкогда толпа — была пора —
 На счетъ ея злословила ужасно;
 Но я себѣ въ ужасный грѣхъ вмѣню
 Выслушивать такую болтовню,
 Которая на лѣво и на право
 Разносится, какъ гнусная отравя.

XLIV.

У дамъ такихъ, которымъ опытъ данъ,
 Сознаніе ошибокъ, знанье свѣта,
 Которыя извѣдали обманъ,
 Просить мы можемъ добраго совѣта;
 Онѣ опасность могутъ угадать
 И отъ бѣды невѣдущихъ спасать;
 А тѣ помогутъ въ жизни намъ едва-ли
 Которыя страстей не испытали.

XLV.

Степенница иная вѣчно зла,
 Изъ зависти вредить она готова,
 Но женщина, которая была
 Знакома съ горемъ, вылечить больного,
 Въ несчастіи васъ лаской оживить
 И новичкамъ печально объяснить,
 Руководима жизнію своею,
 Земной любви и страсти эпопею.

XLVI.

И между ними встрѣтимъ мы скорѣй
 Узнавшихъ жизнь не по однимъ романамъ,
 Прекрасныхъ и полезныхъ матерей,
 И дѣти ихъ — казалось то всегда намъ —
 Воспитаннѣй дѣтей, которыхъ мать
 Изъ книгъ мораль привыкла имъ внушать,
 Которая страстей не испытала
 И въ школѣ ханжества ихъ обучала.

XLVII.

О Леди Пинчбекъ толки улеглись...
 (Всѣ въ юности злословье испытали)
 Теперь же всѣ на перебой рвались
 Хвалить ее — любезной называли,
 Ея остроты стали повторять,
 Рядъ добрыхъ дѣлъ ея припоминать.
 Какъ врагъ, такъ и сторонникъ лицемерный,
 Считали леди женщиной примѣрной.

XLVIII.

Въ чужомъ кругу она была горда,
 Въ своемъ — кротка и ласкова со всѣми
 И на добро готовая всегда;
 Когда же — возвращусь къ забытой тѣмъ —
 Съ дикаркой юной встрѣтилась она,
 То, нѣжнаго участія полна,
 Она за этой дѣвочкой слѣдила:
 Какъ матери, ей нравилась Леила.

XLIX.

Жуанъ ей тоже нравился, хотя
 Она въ немъ недостатки замѣчала,
 Что онъ на жизнь привыкъ смотрѣть шутя
 И ужь испорченъ ею былъ не мало,
 Однако не совсѣмъ же развращонъ...
 Все то, что испыталъ на свѣтѣ онъ,
 Дѣйствительно, другого бы сломило,
 А въ немъ еще достоинствъ много было.

L.

Судьбы уроки юность не страшать,
 Несчастіе — приносить размышленье:
 Оно даетъ намъ испытаній рядъ.
 Кто испыталъ невзгоды и сраженья,
 Кто сильныя крушенья испыталъ
 И силу гнѣва женскаго узналъ,
 Тотъ опытенъ и въ годы молодые
 И въ дни, когда всѣ волосы сѣдые.

LI.

Герой нашъ съ удовольствіемъ слѣдилъ,
 Какъ леди Пинчбекъ нравилась Леила,
 Какъ леди домъ сиротка полюбила:
 Онъ ей семью родную замѣнилъ,
 Въ старушкѣ мать сиротка находила,
 Та посвятила ей остатокъ силъ,
 И, вся предавшись дѣлу воспитанья,
 Ей отдала любовь свою и знанья.

LII.

Есть разные таланты у дѣвицъ:
 Тѣ болѣе пристрастны къ рисованью,
 Тѣ къ танцамъ, къ развлеченьямъ модныхъ львицъ,
 Иные же, по странному желанью,
 Пьютъ соки умозрительныхъ наукъ,
 Но всѣ онъ, весь ихъ блестящій кругъ —
 Незнаю, какъ тому ихъ обучаютъ —
 Къ припадкамъ нервнымъ склонность получаютъ.

LIII.

Пусть нервы, фортепьяно, туалетъ,
 Корсеты иль науки составляютъ
 Для всѣхъ невѣсть ихъ нравственный бюджетъ,
 Но каждый годъ вѣстальки ожидаютъ,
 Являясь на раутъ или балъ,
 Красивыхъ мадригаловъ и похвалъ,
 И служатъ всѣ приманкою удачной
 Для жаждущихъ неволи цѣпи брачной.

LIV.

Пора къ тебѣ вернуться, Донъ-Жуанъ!
 Я думаю, казалось многимъ странно,
 Что я еще не начиналъ романъ
 И отступалъ въ разсказѣ постоянно.
 Но это все прелюдія одна:
 Испытывалъ я Музу — и она
 Передъ тобой, читатель сильно хмурой,
 Появится съ блестящей увертюрой.

LV.

Отъ мысли объ удачѣ я далекъ.
 Одной я только мыслью задавался —
 Дать всѣмъ «великій, нравственный урокъ». ³
 Вначалѣ я пропѣть намѣревался
 Не болѣе какъ пѣсенъ двадцать пять,
 Но Аполлонъ сталъ сильно умолять,
 И я (не надорвусь ли? вотъ вопросъ-то!)
 Пожалуй, напишу хоть пѣсенъ до ста.

LVI.

Ходульный міръ подъ фирмой: «высшій свѣтъ»
 Предъ Донъ-Жуаномъ въ Лондонѣ открылся;
 Но какъ въ мечѣ героя силы нѣтъ,
 Когда съ рукой къ землѣ онъ опустился,
 Такъ нисшій свѣтъ въ зависимости былъ
 Отъ высшаго: онъ для него служилъ
 Всегда, въ быломъ, въ грядущемъ, въ настоящемъ,
 Свѣтиломъ лучезарнымъ и блестящимъ.

LVII.

Жуанъ имѣлъ друзей, но дружба та
 Ни пользы, ни вреда не приносила.
 Друзей плеяда тѣмъ лишь занята,
 Чтобъ развлекаться весело и мило,
 Въ чужой коляскѣ нынче проскакать,
 А завтра на банкетъ гостей созвать...
 О, праздники, балы и маскарады!
 Въ васъ скрыто много счастья и отрады.

LVIII.

Нестарый и богатый холостякъ
 Себя неловко чувствуетъ въ томъ свѣтѣ.
 Безцѣльно въ немъ прожить нельзя никакъ,
 Навѣрно планъ у всѣхъ есть на примѣтѣ:
 Въ невѣстахъ — страсть имѣть своихъ дѣтей
 У женщинъ — жениховъ отбить скорѣй,
 Чтобъ отъ труда родить дѣтей законныхъ
 Избавить всѣхъ невѣсть разогорченныхъ.

LIX.

Я не скажу, что было такъ всегда,
 Но знаю я подобные примѣры.
 Иная дѣва — царственно горда —
 Хранить принципъ великосвѣтской сферы,
 Иная же раскидываетъ сѣть
 И, какъ сирена, сладко будетъ пѣть:
 Съ одной изъ нихъ шесть разъ поговорите
 И — свадебное платье закажите.

LX.

Вамъ мать ея напишетъ писемъ рядъ
 О томъ, что дочь ей «все ужь рассказала»,
 Къ вамъ явится, пожалуй, грозный братъ
 Для заключенья міра иль скандала,
 И вамъ тогда придется, можетъ-быть,
 Просить руки и сердце предложить
 И, записавши имя въ книгѣ брачной,
 Жизнь заключить карьерой неудачной.

LXI.

Подобныхъ браковъ много я встрѣчалъ —
 Случайно, на живую нитку сшитыхъ:
 Я юношей когда-то тоже зналъ,
 Которые, на маменекъ сердитыхъ,
 На братьевъ длинноусыхъ не глядя,
 Къ вѣнцу не шли... Тѣхъ и другихъ судя,
 Я нахожу тѣхъ юношей умнѣе,
 Которые спаслись отъ Гименея.

LXII.

Но на балахъ грозить всѣмъ новичкамъ
 Бѣда, страшнѣй любви и даже брака...
 По разнымъ вечеринкамъ и баламъ
 Порокъ является; но онъ, однако,
 Является въ блестящей формѣ намъ.
 Я говорю про тѣхъ развратницъ-дамъ
 Холодныхъ, нарумяненныхъ и лживыхъ
 И какъ-то отвратительно красивыхъ.

LXIII.

И такова — кокетка... «Да» и «нѣтъ»
 Она сказать вамъ вѣ-время не хочетъ,
 Но, сдѣлавшись причиной вашихъ бѣдъ,
 Она надъ вами, злобствуя, хохочетъ.
 Тамъ Вертеръ не одинъ покинулъ мѣръ,
 Боготворя холодный свой кумиръ,
 Кумиръ нѣмой, безъ сердца и безъ чувства...
 О, милое, невинное искусство!..

LXIV.

Я сталъ болтливъ... Что жь, буду, какъ поэтъ,
 Болтать, пока мой стихъ не утомится.
 По-моему, бѣды ужаснѣй нѣтъ,
 Какъ если дама вздумаетъ влюбиться.
 Въ Европѣ это дамамъ не вредить,
 Но Англія за этотъ грѣхъ казнить
 И Евы грѣхъ предъ этою измѣной
 Тамъ кажется виной обыкновенной.

LXV.

Въ странѣ процессовъ, низостей, газетъ,
 Наглѣйшихъ сплетенъ, сказокъ и изданій
 Узнаетъ въ тотъ же день столичный «свѣтъ»
 Часъ вашихъ встрѣчъ, условленныхъ свиданій,
 Заучитъ ваши взгляды и слова —
 И безъ стыда стоустая молва,
 Перемышавъ ложь съ истиной безчестно,
 Разноситъ ваши тайны повсемѣстно.

LXVI.

Но грѣшницы столичныхъ, пышныхъ залъ
 Въ ту западню не попадаютъ часто.
 На каждый званый вечеръ или балъ
 Является прелестная ихъ каста:
 Расчитаны ихъ рѣчи, ихъ нарядъ
 И полонъ цѣломудрія ихъ взглядъ...
 Отъ промаховъ и отъ ошибки дѣтской
 Спасеть ихъ вкусъ и тактъ великосвѣтскій.

LXVII.

Отъ нихъ Жуана въ Англии спасло
 Одно: великосвѣтской жизни скука.
 Онъ ужъ вкусилъ любви добро и зло,
 А здѣсь любовь являлась, какъ наука.
 Вотъ все, къ чему клонилъ я только рѣчь
 Объ островѣ утесовъ, бѣлыхъ плечъ,
 Глазъ голубыхъ, сіяющихъ чертоговъ,
 Заимодавцевъ, сплетенъ и налоговъ

LXVIII.

Жилъ Донъ-Жуанъ въ той нравственной странѣ,
 Гдѣ даже страсть есть только дѣло моды,
 И размышлялъ нерѣдко въ тишинѣ,
 Что здѣсь въ любви нѣтъ пыла и свободы,
 И даже — о, стыдись, мой Донъ-Жуанъ! —
 Сперва не замѣчалъ межъ англичанъ
 Красивыхъ женщинъ... (Это верхъ скандала!)
 Но это, впрочемъ, было лишь сначала.

LXIX.

Потомъ онъ постепенно сознавалъ,
 Какъ въ этомъ ошибался онъ глубоко
 И юныхъ «миссъ», порой, предпочиталъ
 Красавицамъ далекаго Востока.
 Исторія такая не нова:
 Новинки поражаютъ насъ сперва
 И ужъ потомъ невольно, можетъ-статься,
 Мы начинаемъ ими увлекаться.

LXX.

Хоть странствовалъ не мало я, но мнѣ
 Не удавалось въ Африку пробраться
 И побывать въ Томбукту, въ той странѣ
 Въ которую проникнуть всѣ стремятся;
 Но еслибъ я въ Томбукту побывалъ,
 То, вѣроятно, тамъ бы услышалъ,
 Что то лицо красивѣе и чище,
 Которое черно, какъ голенище.

LXXI.

Я клятвенно не стану увѣрять,
 Но черное бываетъ часто бѣлымъ.
 На то слѣпой отвѣтъ вамъ можетъ дать.
 Вы смущены такимъ рѣшеньемъ смѣлымъ —
 Но все жъ я правъ: все бѣлое черно...
 И день и ночь — слѣпому все равно.
 А мы что видимъ? Искры только видимъ...
 И зрячіе — мы всѣ слѣпцами выйдемъ.

LXXII.

Впалъ вновь я въ метафизику. Тотъ путь
 Похожъ на всѣ лекарства отъ чахотки.
 Тотъ путь узналъ, едва я могъ взглянуть
 На васъ великосвѣтскія красоты,
 На прелести красавицъ городскихъ:
 Удобнѣе всего сравнить мнѣ ихъ,
 Весь ихъ букетъ, ареопагъ ихъ модный
 Съ весной полярной, ясной, но холодной.

LXXIII.

Рядъ этихъ добродѣтельныхъ сиренъ
 Проводятъ жизнь капризно, своевольно...
 Какъ на Руси — такихъ тамъ много сценъ —
 Изъ бани въ снѣгъ ложатся добровольно,
 Такъ у красавицъ этихъ и порокъ
 Назвать бы добродѣтельнымъ я могъ.
 Имъ чувственность приносить наслажденье,
 Но покаянье ждетъ ихъ въ заключенье.

LXXIV.

Наружность ихъ о томъ не говоритъ,
 Всѣ англичанки сдержанны и строги —
 Изъ сожалѣнья, можетъ-быть — на видѣ.
 Британка тихо, ровно, безъ тревоги
 И незамѣтно въ сердцѣ къ вамъ вползетъ,
 Невидимо опутаетъ, и тотъ,
 Кто возбудилъ въ ней пламя скрытой страсти,
 Преклонится предъ силой новой власти.

LXXV.

Походкой не напомнить вамъ она
 Изъ храма выходящую испанку,
 Иль аравійской степи скакуна;
 Не помрачить нарядомъ парижанку
 И не споетъ бравурной пѣсни — нѣтъ!
 (Хотя прожилъ цѣлыя семь лѣтъ
 Въ Италиі, но не привыкъ къ ихъ бурнымъ
 И полнымъ шума аріямъ бравурнымъ).

LXXVI.

Она не такъ пикантна и ловка,
 Чтобъ быть впередъ увѣренной въ побѣдѣ?
 Она вамъ улыбнется, но слегка,
 При первомъ же свиданьи, на обѣдѣ,
 Съ недвижностью холоднаго лица,
 Не доведетъ признанья до конца:
 Она любовь и время берегаетъ,
 Зато потомъ съ лихвой вознаграждаетъ.

LXXVII.

Когда она рѣшится полюбить,
 Ея любовь, ей-Богу, безконечна.
 Разъ девять по капризу, можетъ-быть,
 По прихоти, надменно, безсердечно
 Она введетъ поклонника въ обманъ,
 Но на десятый разъ, какъ ураганъ,
 Могучая въ ней страсть зашевелится —
 И женщина на все тогда рѣшится.

LXXVIII.

Причина очевидна: приговоръ
 Толпы ее караетъ безошадно.
 И высшій свѣтъ — онъ чище, чѣмъ фосфоръ —
 Бросается на жертвъ несчастныхъ жадно,
 Какъ Марію, ⁴ изгнаниемъ имъ грозитъ, —
 И Карфагенъ имъ замѣняетъ стыдъ,
 Чтобъ на его развалинахъ въ печали
 Изгнанницы погибшія рыдали.

LXXIX — LXXXI.

Но казуистомъ не былъ Донъ-Жуанъ
 И склонности не чувствовалъ къ морали,
 Къ тому жъ, какъ я сказалъ, межъ англичанъ
 Красавицы его не восторгали.
 Никто изъ нихъ не нравилась ему,
 Не отдавалъ онъ сердца никому:
 Не справясь съ впечатлѣніемъ недавнимъ,
 Чувствительность была притуплена въ немъ.

LXXXII.

Къ тому жъ онъ изучалъ британскій бытъ:
 Въ парламентъ онъ являлся на собранья
 И слушалъ, какъ ораторствовалъ бритъ
 На преніяхъ въ ночныя засѣданья.
 Тѣ голоса умолкли, но въ тѣ дни
 Извѣстны были каждому они...
 Онъ сзади трона часто помѣщался;
 Но — Чатамъ ⁵ умеръ, Грей ⁶ же не являлся.

LXXXIII.

Тѣмъ зрѣлищемъ не мало былъ смущонъ
 Жуанъ передъ закрытьемъ засѣданья:
 Видъ короля взшедшаго на тронъ —
 Тронъ самый славный въ мірѣ — безъ вниманья
 Жуанъ не могъ оставить; пораженъ
 Не столько былъ великолѣпьемъ онъ,
 Какъ истиннымъ довѣріемъ народа,
 Которому дана была свобода.

LXXXIV.

Онъ тамъ же принца ⁷ юнаго встрѣчалъ,
 Богатаго надеждами и славой;
 Онъ царское величіе читалъ
 Въ его лицѣ, въ походкѣ величавой
 И безъ труда притомъ замѣтить могъ,
 Что юный принцъ отъ головы до ногъ
 (А это между ними очень ново)
 Былъ джентельменъ въ полнѣйшемъ смыслѣ слова.

LXXXV.

Жуанъ, какъ мы сказали, былъ введенъ
 Въ кружки аристократіи столичной;
 Понятно, что подвергся скоро онъ
 Всѣмъ искушеньямъ въ сферѣ непривычной:
 Его таланты, умъ, красивый видъ —
 Все это сильно въ пользу говоритъ
 Соблазновъ разныхъ, сильныхъ искушеній,
 Хоть онъ боялся новыхъ приключеній.

LXXXVI.

Какія жь искушенья? съ кѣмъ? когда?
 Я на-скоро на это не отвѣчу,
 А такъ какъ смыслъ весь этого труда
 Есть нравственный, то въ скобкахъ здѣсь замѣчу,
 Что буду повѣсть строго развивать —
 И съ жаромъ всѣ начнутъ ее читать
 И самъ себѣ, наградою похвальной,
 Я памятникъ воздвигну колоссальный.

LXXXVII.

Пока свою поэму заключу
 Двѣнадцатою пѣснею «введенья»;
 А самую поэму я хочу
 Обдумать очень строго, чтобъ всѣ мнѣня
 О ней перемѣнились навсегда;
 А вы — вы потерпите, господа,
 И къ темнымъ слухамъ лучше будьте глухи...
 Кто гордъ, тотъ презираетъ эти слухи.

LXXXVIII.

А между тѣмъ — я бурю описалъ,
 Я описалъ ужасное сраженъе,
 Стихию, кровь на помощь призывалъ
 И наконецъ, водилъ васъ въ заключенье...
 Ну, словомъ, все въ моемъ романѣ есть,
 Но пѣсенъ тѣхъ достоинствъ мнѣ не счесть,
 Гдѣ я явлюсь предъ міромъ астрономомъ,
 Хозяиномъ и дѣльнымъ агрономомъ.

LXXXIX.

Такъ, пробираясь съ мужествомъ впередъ,
Извѣстность получаютъ въ этомъ свѣтѣ...

Благая цѣль — доучивать народъ!..

Мой планъ (но я держу его въ секретѣ)

Заставить восхищаться скоро всѣхъ.

А вы пока — совѣтъ вамъ дать не грѣхъ —

Примитесь за брошюры — и на долго —

О погашеньи въ государствѣ долга.

ПѢСНЯ ТРИНАДЦАТАЯ.

I.

Серьозенъ буду я теперь. Въ нашъ вѣкъ
Смѣхъ возбуждаетъ общее смятенье.
Посмѣйся надъ порокомъ человѣкъ —
И смѣхъ такой сочтутъ за преступленье.
Но, впрочемъ, мой романъ похожъ на храмъ
Разрушенный, разбитый здѣсь и тамъ,
Въ которомъ уцѣлѣла непреклонна
Всего одна гранитная колонна.

II.

Родъ леди Аделины — древнѣй родъ.
Ея отецъ, Амундевилль, считался,
Вельможей очень знатнымъ; въ свой чередъ,
Взглянувъ на Аделину, признавался
Любой островитянинъ, что она
Красавица, которою должна
Гордиться *даже* Англія: извѣстно,
Что въ ней красавицъ встрѣтишь повсемѣстно.

III.

Пусть будетъ такъ... У каждаго свой вкусъ
 О цвѣтѣ глазъ — иль голубыхъ, иль карихъ,
 И я объ этомъ спорить не берусь
 (Вѣдь не за цвѣтъ одинъ любили встарь ихъ?)
 «Прекрасный полъ» — прекраснымъ долженъ быть,
 И, право, каждый долженъ позабыть
 До зрѣлыхъ лѣтъ, что въ мѣрѣ — жаль сознаться —
 Не все жь однѣ красавицы рождаются.

IV.

А переживши этотъ періодъ,
 Живой и глупый нѣсколько къ тому же,
 Спокойнѣе глядимъ мы всѣ впередъ
 И знать хотимъ, что лучше и что хуже.
 Страстямъ не отдаваясь на обумъ,
 Мы слушаемъ, что намъ подскажетъ умъ,
 Сживаемся съ той мыслью понемногу,
 Что молодымъ должны мы дать дорогу.

V.

Иные, впрочемъ, долго не хотятъ
 По возрасту мѣнять свою карьеру,
 Но юность не вернется къ нимъ назадъ...
 Пусть пьютъ они бордо или мадеру,
 Чтобъ усладить суровость позднихъ лѣтъ,
 Пусть тѣшитъ ихъ парламентъ, толкъ газетъ,
 Народный долгъ, картина шумныхъ преній
 И... много есть различныхъ наслажденій!

VI.

Вотъ, напримѣръ: реформа, моръ, война,
 Финансовыя выдумки, налоги —
 Имъ ненависть подъ старость всѣмъ дана,
 Чтобъ кровь мутить и развлекать въ дорогъ...
 Любовь — галлюцинація, миражъ,
 А ненависть — то другъ безсмѣнный нашъ:
 Мы ею упиваемся, какъ мщеньемъ,
 Не торопясь, съ какимъ-то наслажденьемъ.

VII.

Нашъ моралистъ и грубіанъ Джонсонъ
 Высказывать рѣшался всѣмъ открыто,
 Что «только тѣхъ любить способенъ онъ,
 Чья ненависть открыто ядовита».
 Вотъ истина, прожившая вѣка!
 Ужель она — лишь прихоть старика?..
 А я смотрю на все — и въ этомъ каюсь —
 Какъ Гёте Мефистофель, улыбаясь.

VIII.

Нѣтъ, я въ любви излишества боюсь;
 Но я боюсь и ненависти тоже, —
 А если съ музой часто я смѣюсь,
 То потому, что смѣхъ люблю... О, Боже!
 Я бъ самъ хотѣлъ исправить весь народъ, —
 Но и романъ испанскій «Донъ-Кихотъ»
 Не могъ его, по волю Сервантеса,
 Вдругъ довести до быстрого прогресса.

IX.

Печальная исторія, хотя
 Она и заставляетъ улыбаться...
 Ея герой — безумецъ; какъ дитя,
 Онъ противъ зла любилъ вооружаться
 И съ нимъ вступалъ всегда въ неровный споръ.
 Печальныя событья! Съ давнихъ поръ
 Та эпопея съ горькою моралью
 Приноситъ намъ отчаянье съ печалью.

X.

За слабыхъ мстить, красавицъ защищать
 Съ толпой идти безъ страха въ состязанье...
 Ужель мечтой мы можемъ называть
 Подобныя поступки? Осмѣянья
 Ужель они достойны? Самъ Сократъ —
 Ужь если мы оглянемся назадъ —
 Былъ Донъ-Кихотомъ мудрости глубокой.
 Убитый вдругъ насмѣшкою жестокой,

XI.

Вѣкъ рыцарства въ Испаніи исчезъ.
 Поэта смѣхъ убилъ героевъ края...
 Пока подъ сводомъ пламенныхъ небесъ
 Жилъ романтизмъ, его благославляя,
 Своимъ блестящимъ рыцарствомъ горда
 Была толпа въ тѣ славныя года,
 Всѣхъ рыцарей вездѣ ждала награда
 И тѣшила испанцевъ ихъ плеяда.

XII.

Увлекся снова я и позабылъ,
 Что началъ рѣчь о леди Аделинѣ.
 Жуанъ смущенъ красавицею былъ;
 Хоть лжи, обмана не было въ поминѣ,
 Но онъ былъ пойманъ страстью и судьбой
 (Судьбу во всемъ винимъ мы межъ собой);
 Онъ и она — замѣчу безъ укора —
 Въ ту западню попались очень скоро.

XIII.

Я это слышалъ отъ другихъ... И такъ,
 Была прелестна леди Аделина;
 Плѣнялись ей равно и другъ и врагъ,
 При встрѣчѣ съ ней бѣжала съ лицъ кручина.
 Мущины ей курили оиміамъ,
 И зависть и ревнивый шопоть дамъ
 Протестомъ очень сильныхъ усмиряли,
 Чему примѣровъ мало мы встрѣчали.

XIV.

Она была безгрѣшна и скромна
 И не давала повода къ злословью;
 Она была отличная жена
 И къ мужу относилась съ любовью.
 Мужъ Аделины строгій, важный брить,
 Былъ величавъ и холоденъ на видъ,
 Собою и женой своей гордился...
 Къ нимъ «высшій свѣтъ» съ пріязнью относился.

XV.

Съ Жуаномъ лордъ сошелся, какъ съ посломъ;
 Межъ ними были частыя сношенья.
 Хоть леди Аделина страшнымъ зломъ
 Считала съ первой встрѣчи увлеченье,
 Но, увидавши стройнаго посла,
 Скрыть тайнаго волненья не могла
 И, не смотря на женское искусство,
 Едва смиряла новое ей чувство.

XVI.

Всегда себялюбивый, гордый лордъ
 Взглядъ на людей составить могъ не скоро,
 Но, разъ составивъ мнѣнье, онъ былъ твердъ
 И былъ настойчивъ строго, безъ задора;
 Не думая о мнѣніяхъ чужихъ
 Въ любви и въ антипатіяхъ своихъ,
 Прислушиваясь къ мнѣніямъ различнымъ,
 Смотрѣлъ на все онъ съ произволомъ личнымъ.

XVII.

Онъ былъ въ себѣ увѣренъ, какъ никто
 (Такіе люди вовсе не смиренны)
 И были мнѣнья всѣ его за-то,
 Какъ Мидіи законы, неизмѣнны.
 Онъ не любилъ мутить своей крови
 Внезапными припадками любви:
 Такія пароксизмы также сладки,
 Какъ корчи отъ трехдневной лихорадки.

XVIII.

Успѣхъ не въ нашей власти, но успѣть,
 Повѣрьте мнѣ, почти всегда возможно:
 Имѣй умѣнье вѣремя терпѣть,
 Лови удобный случай осторожно,
 Умѣй, гдѣ нужно, сдѣлать шагъ назадъ:
 Вѣдь совѣсть эластична, говорятъ,
 И къ тяжести она привыкнетъ скоро,
 Какъ мускулы давнишняго боксѣра.

XIX.

Спѣсивый лордъ любилъ первенствовать.
 Между людьми не ново свойство это:
 Роль сильнаго ихъ можетъ увлекать,
 Имъ жизнь свѣтлѣй отъ лести и привѣта.
 Для гордеца несчастья хуже нѣтъ
 Уединенной жизни, гдѣ весь свѣтъ
 О нихъ забытъ, гдѣ ихъ никто не знаетъ,
 Гдѣ лестью ихъ толпа не забавляетъ.

XX.

Лордъ Генрихъ былъ, какъ Донъ-Жуанъ, богатъ
 И съ нимъ—съ одной общественной ступени;
 Но былъ увѣренъ гордый дипломатъ —
 Въ томъ не было сомнѣнья даже тѣни —
 Что онъ, британецъ, житель той страны,
 Гдѣ всѣмъ права свободныя даны,
 Происхожденьемъ выше Донъ-Жуана,
 И эту мысль оспаривать могъ рьяно.

XXI.

Къ тому жь у лорда былъ одинъ конёкъ:
 Рассказывать любилъ онъ чрезвычайно
 (Онъ, какъ министръ, знать тайнъ не мало могъ)
 Интриги государственныя, тайны.
 Политика особенно ему
 Была съ руки... Ну, словомъ, по всему
 Онъ истиннымъ британцемъ могъ считаться
 И гордымъ патриотомъ называться.

XXII.

Прекраснаго испанца полюбилъ
 Лордъ Генрихъ за умънье обращаться.
 Жуанъ всегда уступчивъ въ спорѣ былъ,
 Отъ рѣзкости умъя удержаться,
 Онъ съ кротостью выслушивалъ совѣтъ —
 И лордъ, которому знакомъ былъ свѣтъ,
 Ту сдержанность всегда цѣнилъ высоко.
 О берегахъ далекаго востока

XXIII.

Они вели бесѣду, и о тѣхъ
 Далекихъ и извѣстныхъ мало странахъ,
 Гдѣ цѣпи рабства сдерживаютъ всѣхъ.
 Къ тому жь — та страсть замѣтна въ англичанахъ —
 О лошадяхъ лордъ часто толковалъ,
 О скачкахъ, гдѣ нерѣдко онъ бывалъ,
 А Донъ-Жуанъ, какъ андалузецъ кровный,
 Наѣздникъ былъ лихой и хладнокровный.

XXIV.

Такъ укрѣплялась дружба и росла
 Межь лордомъ и прекраснымъ Донъ-Жуаномъ.
 Вездѣ встрѣчали юнаго посла
 На раутахъ и по обѣдамъ званымъ
 Съ почтеннымъ лордомъ. Лордъ цѣнилъ вполне
 Его таланты, храбрость на войнѣ,
 И съ юношей богатымъ, пышнымъ, знатымъ
 Знакомство находилъ весьма пріятнымъ.

XXV.

На площади трехъ звѣздочекъ... Хочу
 Здѣсь соблюсти изъ скромности приличье:
 Какъ улица звалась та — умолчу.
 Злословятъ люди всюду безъ различья
 И злой намекъ пускаютъ тотчасъ въ ходъ;
 Привычки эти зная наперѣдъ,
 Я не скажу той улицы названье,
 Гдѣ помѣщался лордъ въ огромномъ зданьи.

XXVI.

Названье улицъ нужно намъ скрывать:
 Вѣдь каждой годъ случаются несчастья
 Въ твоихъ кружкахъ, блистательная знать,
 То не хочу случайно даже впасть я
 Въ соблазнъ—раскрыть чужой семейный грѣхъ,
 Въ рассказъ указавъ одну изъ тѣхъ
 Извѣстныхъ улицъ, гдѣ, какъ бы нарочно,
 Исторія была такая жь точно.

XXVII.

Я могъ бы Пиккáдилли ¹ помянуть:
 Съ скандалами то мѣсто не знакомо;
 Но нѣтъ, туда я не направлю путь
 И не скажу ни улицы, ни дома,
 Пока такой не встрѣчу уголокъ,
 Который осквернить никто не могъ,
 Какъ Весты храмъ, гдѣ царствуетъ невинность
 И строгая порядочность и чинность.

XXVIII.

И такъ, въ отелѣ площади трехъ звѣздъ
 Жуанъ у лорда гостемъ былъ желаннымъ.
 Онъ слылъ приманкой славной для невѣсть;
 Передъ красивымъ гостемъ иностраннымъ
 Гостиныя открылись у вельможъ...
 Богатъ, благовоспитанъ и хорошъ,
 Съ талантами и видомъ благороднымъ,
 Онъ сдѣлался вполнѣ героемъ моднымъ.

XXIX.

Давно сказалъ премудрый Соломонъ:
 «Чѣмъ болѣе совѣтниковъ имѣемъ,
 Тѣмъ лучше». Справедливо думалъ онъ.
 Судя по нашимъ преньямъ и затѣямъ,
 Парламентскимъ собраньямъ, видимъ мы,
 Гдѣ совокупно дѣйствуютъ умы,
 Что въ нихъ однихъ вся наша честь и слава
 И на величье будущее право.

XXX.

Для дамъ полезенъ точно также «свѣтъ»
 За ними наблюдающій упорно.
 Его надзоръ отъ многихъ сильныхъ бѣдъ
 Спасаетъ ихъ, — и женщины безспорно,
 Злословья безпощаднаго боясь,
 Не падаютъ такъ скоро прямо въ грязь,
 И подъ надзоромъ бывши ежечасно,
 Ихъ добродѣтель въ свѣтѣ безопасна.

XXXI.

Но леди Аделинѣ тотъ надзоръ
 Не нуженъ былъ для нравственной опоры:
 Ея спасала гордость съ давнихъ поръ
 Отъ всякаго проступка. Приговоры
 Толпы не страшны ей. Всегда скромна,
 Кокетничать не думала она,
 И похвалы и лесть на шумномъ балѣ
 Въ ней радости большой не возбуждали.

XXXII.

Спокойна, деликатна, холодна,
 Она инымъ вниманіе дарила,
 Но, сдержанна, какъ строгая жена,
 Достоинство блестящее хранила.
 Она талантъ умѣла поощрить
 И горе кроткой лаской усладить;
 Мы знаемъ, что въ житейскомъ нашемъ морѣ
 Извѣстность пораждаеть часто горе.

XXXIII.

Подчасъ тяжолъ извѣстности удѣлъ,
 Хоть и бываютъ, впрочемъ, исключенья...
 Маріонетки славы! я скорбѣлъ
 За ваше счастье, полное мученья.
 Вамъ достаются лавры на землѣ,
 Но подъ вѣнкомъ лавровымъ на челѣ,
 Подъ яркой позолотой, въ назиданье,
 Находимъ мы глубокое страданье.

XXXIV.

Была аристократкой повсему
 Холодной, ровной леди Аделина;
 Она не удивлялась ни чему,
 Чужда была ей радость и кручина.
 Безстрастно такъ глядитъ на все кругомъ
 Китайскій мандаринъ, и мы найдемъ,
 Что многіе британскіе вельможи
 На мандариновъ нѣсколько похожи.

XXXV.

Но и Горацій счастья вѣдь искалъ
 Съ классическимъ своимъ «*nil admirari*»...
 Что жъ, въ обществѣ, явившись въ свѣтлый залъ,
 Иль засѣдая въ пышномъ будуарѣ,
 Намъ сдержанность не дѣлаетъ вреда,
 А въ «свѣтѣ», въ высшемъ обществѣ, всегда
 Энтузіазмъ въ любви или въ печали
 За нравственное пьянство признавали.

XXXVI.

Но Аделина — это былъ волканъ,
 Подъ снѣгомъ лаву огненную скрывшій...
 Метафору избитую въ романъ
 Вставляю я... О ты, не разъ чадившій
 Волканъ! — тебя уже не въ первый разъ
 Поэты разжигали на показъ,
 И дымъ волкана часто ѣлъ глаза намъ...
 Нѣтъ, не сравню красавицы съ волканомъ!

XXXVII.

Сравненье есть другое у меня!
 Я вспомнилъ о бутылкѣ редерера:
 Вино обледенѣвшее храня,
 Она таитъ — нѣтъ лучшаго примѣра —
 Благословенный жидкости стаканъ,
 Которая бурлива, какъ волканъ;
 И этотъ сокъ и крѣпокъ, и пріятенъ,
 И сладостно-шипучъ и ароматенъ.

XXXVIII.

Такъ подъ личиной хладной красоты,
 Скрывается порою нектаръ страсти...
 О, юноша! какъ много счастливъ ты,
 Когда умѣлъ постигнуть тайну власти,
 Ту ледяную маску раздробить...
 Подобныхъ женщинъ много, можетъ-быть,
 Но мнѣ одна такая повстрѣчалась
 И памятна на долго мнѣ осталась.

XXXIX.

Но власть не всѣмъ, къ несчастію, дана
 Сквозь этотъ ледъ и видимую стужу
 Проникнуть въ душу — сдѣлать, чтобъ она
 Вдругъ вырвалась изъ подъ коры наружу.
 Ужъ не одинъ неопытный смѣльчакъ,
 Какъ бурю застигнутый морякъ,
 Не разъ терпѣлъ постыдное крушенье
 И погибалъ, не видя сожалѣнья.

XL.

Страсть — океанъ, и могутъ новички,
 Крейсровать спокойно въ этомъ морѣ,
 Чтобъ гавани достигнуть безъ тоски,
 Не дожидаясь скуки или горя,
 Пока Сатурнъ не развернулъ свой флагъ
 И свѣтлый путь вновь не закуталъ мракъ,
 И отъ любви, въ насъ обманувъ желанья,
 Останутся одни воспоминанья.

XLI.

Свѣтъ... пусть о немъ повсюду говорятъ,
 Что «къ лучшему все дѣлается въ свѣтъ»...
 Ученье персовъ — это тотъ же ядъ —
 И два его начала ловятъ въ сѣти,
 Сомнѣнія и вѣру губятъ въ насъ,
 И душу возмущали въ насъ не разъ
 Допущенные ими два начала...
 Такихъ ученій вредныхъ очень мало.

XLII.

Конецъ зимы... У англичанъ она
 Кончается въ іюлѣ, чтобъ начаться
 Вновь въ августѣ... Въ тѣ дни, не зная сна
 Вкругъ почтальоны рыскаютъ и мчатся —
 Почтовыхъ клячъ вѣдь не кому жалѣть!...
 Къ себѣ мы жалость можемъ лишь имѣть
 И къ сыновьямъ, когда они не моты:
 Платить долги дѣтей въ насъ нѣтъ охоты.

XLIII.

Конецъ зимы, какъ я уже сказалъ,
 Встрѣчаетъ Лондонъ только что въ іюлѣ.
 Хотя въ ошибки часто я впадалъ,
 Но обмануться въ этомъ я могу-ли?
 Я съ музою теперь не погрѣшилъ:
 Парламентъ ей барометромъ служилъ —
 Его бесѣды, пренья, шумъ обычный
 Есть тотъ же альманахъ для насъ отличный.

XLIV.

Когда его финансы плохи, то
 Приходить все въ замѣтное движенье:
 Кареты быстро мчатся; ждѣть никто
 Не хочетъ; почта въ сильномъ затрудненьи;
 Весь городъ разбрелся во всѣ концы
 И съ счотами длиннѣйшими купцы
 Съ печалью непритворною вздыхаютъ,
 Смотря какъ почтальоны вкругъ мелькаютъ.

XLV.

Приходится со счотами имъ вновь
 Ждать засѣданій будущихъ тоскливо...
 Безденежье имъ сильно портитъ кровь...
 Одна надежда можетъ лишь игриво
 Ихъ утѣшать, что пополамъ съ грѣхомъ
 Они сберутъ долги свои... потомъ,
 Иль на разсрочку кротко согласятся.
 Ну, какъ же имъ веселыми казаться?

XLVI.

Милордъ съ миледи мчатся; изъ окна
 Кареты головою онъ киваетъ:
 «Эй, лошадей!» — Смѣнили ихъ; жена
 Такъ быстро послѣ брака измѣняетъ.
 Трактирщикъ сдачу подалъ; почтальонъ
 Радъ, что на чай монету добылъ онъ,
 И, прежде чѣмъ умчался въ даль вельможа,
 Себѣ на чай извощикъ просить тоже.

XLVII.

Слуга-джентльменъ усѣлся сзади; съ нимъ
 Нарядная служанка сѣла. Дики
 Обычай вельможъ, — все можно имъ
 Творить... *Così viaggiano i Ricchi!*²
 Простите, что порою я готовъ
 Выписывать не мало чуждыхъ словъ;
 Туристъ въ душѣ, я ими щеголяю:
 Другихъ въ поѣздкахъ цѣлей я незнаю.

XLVIII.

Когда природа лучшей свой нарядъ,
 Изъ всѣхъ нарядовъ года надѣваетъ,
 Жизнь въ городѣ — несносна; каждый радъ
 Бѣжать въ поля: британецъ каждый знаетъ,
 Что скоро межъ раскидистыхъ вѣтвей
 Не станетъ пѣть безсонный соловей
 И скучныя парламентскія пренья
 Ему-ль замѣнять птички этой пѣнье?

XLIX.

На всѣ концы разбрелся «высшій свѣтъ»,
 Чтобъ поискать въ дали уединенья,
 Съ собою взявъ слугъ тридцать, и въ обѣдъ
 Гостей собирая столько же... Сомнѣнья
 Въ томъ фактѣ никогда не можетъ быть —
 Я это смѣло долженъ заявить:
 Гостепріимство въ Англіи развито.
 Вѣрны привычкѣ лондонскаго брита,

L.

Лордъ Генрихъ съ Аделиной унеслись
 Изъ Лондона въ роскошное помѣстье,
 Гдѣ каждая колонна и карнизъ
 О древности твердили. Перечестъ я
 Портретовъ всѣхъ героевъ ихъ не могъ,
 Поставленныхъ въ наслѣдственный чертогъ.
 Все вѣяло преданьемъ древней были,
 Повѣствовалъ дубъ каждый о могилѣ.

LI.

Отъездъ ихъ публикованъ былъ. Таковъ
 Образчикъ нашей славы современной.
 Къ несчастью, мимолетнѣй облаковъ
 Такая слава... «Morning-Post» безсонный
 Такъ заявилъ (его извѣстенъ стиль):
 «На этихъ дняхъ лордъ Г. Амундевилль
 «И леди А. уѣхали въ помѣстье.
 «Богатый лордъ — имѣемъ мы извѣстье —

LII.

«Всю осень въ домъ свой будетъ принимать
 «Знакомыхъ многочисленныхъ. Изъ званыхъ,
 «Тамъ герцогъ Д. намѣренъ побывать
 «И множество туристовъ иностранныхъ;
 «Межъ прочими въ домъ лорда приглашонъ
 «Одинъ испанецъ, очень знатный. Онъ
 «Пріѣхалъ изъ Россіи съ порученьемъ,
 «Намъ неизвѣстнымъ». Можно ли съ сомнѣньемъ,

LIII.

О, «Morning-Post», читать твои столбцы?
 Мы вѣримъ въ нихъ, какъ въ догматы англиканскій.
 И такъ, межъ васъ, вельможи-гордецы,
 Блистать обязанъ юноша испанскій
 И на обѣдахъ пышныхъ засѣдать...
 На странный фактъ могу я указать:
 Въ газетахъ пишутъ больше объ обѣдахъ,
 Чѣмъ въ дни войны о мертвыхъ, о побѣдахъ.

LIV.

Такъ пишется: «Въ прошедшій четвертокъ
 Былъ данъ обѣдъ народный, гдѣ сидѣли...»
 Здѣсь рядъ именъ одинъ на пять-шесть строкъ,
 А далѣе читаешь: «Бывшій въ дѣлѣ,
 Такой-то полкъ недавно былъ у насъ.
 Онъ потерпѣлъ въ войнѣ. На этотъ разъ
 Ваканцій нѣтъ. О перемѣнѣ этой
 Сообщено военною газетою».

LV.

Въ Норман-Аббеу уѣхалъ лордъ съ женой.
 То нѣкогда былъ монастырь старинный,
 Преображенный въ замокъ. Стариной
 Вкругъ вѣялъ замокъ сумрачный и чинный,
 Гдѣ поселилась англійская сѣбсь...
 Была великолѣпная въ немъ смѣсь
 Готическихъ и всевозможныхъ стилей.
 Вокругъ его шумѣлъ на много милей

LVI.

Дубовый лѣсъ. Едва начнется день,
 Какой-то гуль несется издали...
 Изъ чащи гордо выступить олень,
 Рога свои закинувши за плечи,
 И изъ лѣсу выводитъ за собой
 Оленье стадо онъ на водопой...
 И ручейковъ чуть слышное журчанье
 Папоминаетъ птичекъ щебетанье.

LVII.

Предъ замкомъ — озеро прозначное. Рѣка
 Его струи волнами освѣжаетъ.
 У берега, въ кустахъ, гнѣздо нырка
 Зыбь озера едва-едва качаетъ.
 Лѣсъ покрываетъ скать береговой —
 И словно онъ любитъ себя собой,
 Въ зеленую одежду облечѣнный
 И въ озерѣ недвижномъ отраженный.

LVIII.

При выходѣ изъ озера рѣка
 Въ глубь бездны низвергается каскадомъ,
 И слышенъ гулъ ея издалика;
 А далѣе — слѣдя за рѣчкой взглядомъ —
 Она бѣжитъ, какъ тихій ручейкъ
 Изгибами — и розовый востокъ,
 И тучку, если мимо пролетаетъ,
 Она въ прозрачныхъ струйкахъ отражаетъ.

LIX.

Близъ замка храмъ разрушенный стоитъ.
 Развалины тѣ служатъ украшеньемъ.
 По сводамъ, по остаткамъ сѣрыхъ плитъ,
 Замѣтить мы должны съ благоговѣньемъ,
 Что это былъ огромный, гордый храмъ.
 Разбросаны колонны здѣсь и тамъ,
 А въ нишахъ стѣнъ, пришедшихъ въ разрушенье,
 Двѣнадцати святыхъ изображенья

LX.

Лежать полуразбиты... Въ дни войны,
 Когда Стюарта Карла низложили,
 Всѣ замки той воинственной страны
 На крѣпости повсюду походили.
 Такъ хроники старинныя гласятъ
 О дняхъ, когда аристократовъ рядъ
 Коронѣ слабой вѣренъ оставался...
 Въ одной изъ нишъ лишь только возвышался —

LXI.

Съ Пречистой Дѣвой цѣльный пьедесталь.
 Она была въ коронѣ и держала
 Прекраснаго ребенка. Онъ сіялъ,
 Какъ и она... Судьба ихъ сохраняла —
 Какимъ-то чудомъ случай ихъ сберегъ...
 Едва ль безъ благочестія кто могъ
 Предъ статуей Мадоны преклониться
 И надъ рѣзцомъ художника глумиться.

LXII.

Въ одной изъ стѣнъ находится окно,
 Гдѣ стекла всѣ повывиты. Бывало,
 Лучи сквозь нихъ сверкали; но давно
 Ихъ только паутина покрывала,
 Да вѣтеръ вылъ на сотни голосовъ,
 Да по ночамъ слеталась стая совъ —
 И по-среди недвижимыхъ развалинъ
 Ихъ хоръ ночной былъ страшенъ и печаленъ.

LXIII.

Когда жь всплываетъ полная луна
 И свищетъ вѣтеръ въ храмъ безъ препоны,
 Тамъ по ночамъ несутся изъ окна
 Какіе-то таинственные стоны.
 Про этотъ вопль иные говорятъ,
 Что это отдаленный водопадъ
 Звучить въ дали и, эхомъ отраженный,
 Подъ храмомъ слышенъ, вѣтромъ занесенный;

LXIV.

Другіе же — подобный ходитъ слухъ —
 Со страхомъ объясняютъ всѣмъ, что это
 Не водопадъ, а безпокойный духъ.
 Такъ статуя Менмона, разогрѣта
 Лучами солнца, стонетъ и поетъ.
 Еще никто до нынѣ не пойметъ
 Причину стоновъ тѣхъ, но стоны эти
 Я слышалъ самъ въ Египтѣ на разсвѣтѣ.

LXV.

Среди двора струился водометъ,
 А вокругъ его стояли по причудѣ
 Престранные статуи; не пойметъ
 Ни кто, что это: звѣри или люди?
 Изъ ртовъ чудовищъ падала вода
 И въ брызги разлеталась... Иногда
 Такъ точно разлетаешься ты, слава,
 Ты, наша мимолетная забава!

LXVI.

Обширный замокъ видъ монастыря
 Еще имѣлъ: всѣ кельи сохранились,
 Съ капеллой, съ возвышеньемъ алтаря,
 Какъ-будто разрушать ихъ устыдились.
 Зато все остальное ужъ давно
 Разрушено кругомъ, обновлено:
 Гдѣ нѣкогда монахи обитали,
 Баронскимъ бы жилищемъ мы признали.

LXVII.

Рядъ галлерей, просторъ огромныхъ залъ
 Изящною постройкой не дивили,
 Но видъ ихъ впечатлѣнье оставлялъ,
 Ихъ своды всѣмъ о прошломъ говорили.
 Дивитъ же великанъ огромный насъ,
 Хотя могли считать бы мы не разъ
 Гиганта съ этимъ ростомъ колоссальнымъ
 Между людьми явленьемъ не нормальнымъ.

LXVIII.

Желѣзные бароны на стѣнахъ
 Глядятъ изъ рамъ—темны портретовъ краски—
 Тамъ видны графы въ пышныхъ сѣдинахъ,
 Украшенные орденомъ подвязки;
 Тамъ были леди въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
 Красавицъ замѣчательный букетъ;
 Тамъ были также зрѣлыя графини,
 Семнадцатаго вѣка героини.

LXIX:

И съ полотна смотрѣли судьи тамъ
 Въ своихъ плащахъ, обшитыхъ горностаемъ.
 По ихъ сухимъ, недвижимымъ чертамъ
 Ихъ приговоръ какъ будто мы читаемъ:
 Пощады ждать нельзя отъ тѣхъ судей...
 Тамъ видѣлись творцы проповѣдей,
 Епископы, съ ихъ мрачнымъ, хмурымъ видомъ,
 Готовые и къ мести и къ обидамъ.

LXX.

Закованы отъ головы до ногъ,
 Тамъ рыцари могучіе глядѣли;
 Дворяне въ парикахъ; поднявши рогъ,
 Немроды на коняхъ своихъ летѣли,
 И съ полотна смотрѣли тамъ и сямъ
 Фигурами угрюмыми изъ рамъ
 Свирѣпые, нѣмые патріоты,
 Безсильные для дѣла и работы.

LXXI.

Среди картинъ наслѣдныхъ, иногда,
 Какъ свѣтлый лучъ мелькнувшій изъ тумана,
 Образчикомъ великаго труда
 Являются картины Тиціана,
 Сальватора... Тамъ плещетъ океанъ,
 Здѣсь видимъ группу пляшущихъ альбанъ,
 Тамъ мучениковъ вѣры истязанья
 Всѣхъ зрителей приводятъ въ содроганье.

LXXII.

Съ пейзажемъ здѣсь являлся Клодъ Лорренъ
 И Рембрандтъ самъ съ причудливой картиной;
 Тамъ сладострастныхъ много было сценъ
 Теньера... Видъ картинъ его единый
 Во мнѣ не рѣдко жажду возбуждалъ...
 Эй, поскорѣй подайте мнѣ бокалъ,
 Стаканъ Рейнвейна свѣтлаго подайте!
 Читатели, читайте и — вникайте!

LXXIII.

Читателемъ мы не того зовемъ,
 Кто въ книгѣ буквы складываетъ въ слоги,
 Чтобъ вычитать изъ нихъ слова потомъ:
 Къ читателямъ мы болѣе всѣ строги.
 Во-первыхъ, надо съ толкомъ все читать
 И въ чтеньи ничего не пропускать,
 А если чтенье начали съ конца вы,
 То кончите началомъ — и вы правы.

LXXIV.

Но мой читатель слишкомъ терпѣливъ.
 Описывая улицы и зданья
 Я, какъ оцѣнщикъ, скучень и лѣнивъ.
 Ужъ таковы пѣвцы всѣ съ мірозданья.
 И самъ Гомеръ подробности любилъ,
 Но я — я безъ того васъ утомилъ,
 А потому описывать не буду
 Я мебель и столовую посуду.

LXXV.

Настала осень. Съѣхались толпой
 Всѣ гости къ лорду. Хлѣбъ давно ужь сжали;
 Лѣсъ полонъ дичью. Узкою тропой
 Ужь по лѣсу охотники блуждали;
 Собаки мчались вдоль и поперегъ;
 Охотникъ смотритъ зорко — и курокъ
 Уже взведенъ... Фазаны, куропатки...
 О, птицы дорогія, какъ вы сладки!

LXXVI.

Хоть въ Англіи нѣтъ виноградныхъ лозъ,
 Какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ блещетъ солнце юга,
 Гдѣ не извѣстны холодъ и морозъ,
 Но съ кошелькомъ, набитымъ очень туго,
 За-то умѣлъ британскій гражданинъ
 Приобрѣсти запасъ хорошихъ винъ,
 Какъ, на примѣръ, бордо или мадера.
 У англичанъ одна осталась вѣра.

LXXVII.

И если осень наша не красна,
 Привыкну къ этой мысли не легко я;
 За-то на дачахъ англійскихъ видна
 Жизнь, полная комфорта и покоя,
 Хоть зелени во кругъ жилищъ тѣхъ нѣтъ;
 Намъ зелень замѣняетъ желтый цвѣтъ —
 И наши дачи дачь другихъ не хуже
 И не бѣднѣй внутри, какъ и снаружи.

LXXVIII.

Еъ тому жь у насъ — какъ это намъ забыть? —
Рогатой дичи множество найдете...

Примкнулъ бы самъ отшельникъ, можетъ-быть,
Еъ веселой нашей англійской охотѣ.

Завидовать намъ можетъ и Немвродъ:

Въ лѣсахъ у насъ онъ венря не найдетъ,

За-то ручныхъ животныхъ очень много...

И вотъ среди богатаго чертога

LXXIX.

Собралась вся блистательная знать,

Красавицы изъ англійской столицы:

Фицъ-Фолькъ, графиня Крабби (сосчитать
Ихъ всѣхъ нельзя), плѣнительныя львицы,

Банкировъ жоны, группы нѣжныхъ миссъ
(Вкругъ ихъ головокъ локоны видись);

Тамъ были жрицы избранныхъ салоновъ --

Семейства графовъ, герцоговъ, бароновъ.

LXXX.

Тамъ нѣсколько великосвѣтскихъ дамъ,

Бѣжавши отъ тумана городского,

Явились; — по легкимъ ихъ слѣдамъ

Злословья не ходило никакого.

До прошлой жизни ихъ намъ дѣла нѣтъ:

Извѣстно всѣмъ, что модный высшій свѣтъ

На дамъ глядитъ глазами снисхожденья,

Хоть правилъ, впрочемъ, нѣтъ безъ исключенья.

LXXXI.

Приличіе — главнѣйшій нашъ законъ,
 И высшій кругъ гордится имъ не мало.
 Есть у Медеи всякой свой Язонъ,
 Она должна бояться лишь скандала;
 Не даромъ же Горацій говоритъ:
 «Пусть человекъ для счастья помирить
 Пріятное съ полезнымъ». Трудъ подобный
 Для исполненья, право, не удобный.

LXXXII.

Я видѣлъ превосходную изъ жонъ,
 Которую однако погубили;
 Я зналъ весьма двусмысленныхъ матронъ,
 Которыя дорогу проложили
 Посредствомъ разныхъ козней въ высшій кругъ,
 Составили себѣ карьеру вдругъ —
 И только три-четыре эпиграммы
 Умѣли вызвать въ свѣтѣ эти дамы.

LXXXIII.

Я знаю больше, чѣмъ я говорю.
 Но ужъ пора вернуться намъ на дачу,
 Куда явились гости къ сентябрю.
 Ихъ имена въ разсказѣ не означу.
 Ихъ было счетомъ ровно тридцать три.
 Салоновъ, банковъ лондонскихъ цари
 Туда сошлись,—ихъ осень приманила...
 Абсентеистовъ нѣсколько тамъ было.

LXXXIV.

Тамъ былъ Паролль, одинъ изъ забіякъ,
 Любившій больше спорить, чѣмъ сражаться;
 Тамъ былъ поэтъ, который кое-какъ
 Писалъ стихи и мѣсяцъ могъ считаться
 Звѣздой между поэтами; потомъ,
 Былъ лордъ одинъ съ возвышеннымъ умомъ;
 Тамъ былъ сэръ Джонъ, извѣстнѣйшій кутила,
 Былъ герцогъ Д.... мнѣ память измѣнила...

LXXXV.

Ну, словомъ, герцогъ съ ногъ до головы.
 Тамъ были пэры. Въ нихъ бы, безъ сомнѣнья,
 Сейчасъ узнали пэровъ нашихъ вы.
 Тамъ были — всѣхъ гостиныхъ украшенье —
 Три пары юныхъ, бѣлокурыхъ миссъ;
 Хоть глазки ихъ всегда склонялись внизъ,
 Но видимо хотѣлось имъ однако
 Дожить скорѣй до выгоднаго брака.

LXXXVI.

Тамъ нѣсколько почетныхъ было лицъ
 (Лишь въ смыслѣ политическомъ — почетныхъ);
 Тамъ былъ французъ, разскащикъ небылицъ,
 Одинъ изъ франтовъ бойкихъ, беззаботныхъ,
 Который всѣхъ остротами смѣшилъ,
 Но клубный мiръ однако находилъ,
 Что въ клубѣ онъ игралъ не очень честно,
 Хоть и острилъ въ игрѣ всегда прелестно.

LXXXVII.

Тамъ былъ одинъ философъ, другъ пировъ,
 Какой-то самозванецъ-математикъ,
 Одинъ ѣздокъ, скакавшій черезъ ровъ,
 Одинъ всегда умѣренный аббатикъ
 И наконецъ — британской славы цвѣтъ,
 Лордъ Августъ Фицъ-Плантагенетъ,
 За всякій трудъ берущійся безстрастно
 И на пари готовый ежечасно.

LXXXVIII.

Тамъ былъ одинъ гвардеецъ-великанъ,
 Былъ генераль, въ сраженіяхъ бывавшій
 И съ гордостью носившій важный санъ;
 Тамъ былъ судья, ³ законы всѣ познавшій:
 Произнося иному приговоръ,
 Судья былъ такъ находчивъ и остеръ,
 Что иногда, шутя съ подсудимымъ,
 Онъ юморомъ дивилъ неумолимымъ.

LXXXIX.

Свѣтъ очень сходенъ съ шахматной доской:
 Въ немъ есть и короли и королевы,
 Епископы и пѣшки. Жизнь — игрой
 Считать мы можемъ. Этотъ свѣтъ безъ гнѣва
 Могу полишинелемъ я назвать...
 О, Муза! ты привыкла лишь порхать,
 Какъ бабочка, и у тебя нѣтъ жала,
 А жалить иногда бы не мѣшало.

ХС.

Я позабылъ... а это просто грѣхъ...
 Тамъ былъ еще ораторъ начинавшій,
 Еще пока извѣстный не для всѣхъ,
 Въ Парламентѣ недавно прочитавшій
 Довольно замѣчательную рѣчь.
 Изъ этой рѣчи вздумали извлечь
 Хорошія отрывки всѣмъ изданья,
 Какъ образецъ ораторства и знанья.

ХСІ.

Гордился онъ рекламами газетъ,
 Вниманіемъ, котораго добился —
 Какъ Цицеронъ позднѣйшихъ этихъ лѣтъ,
 Ораторскимъ искусствомъ онъ гордился.
 Хоть въ знаніяхъ большой былъ недочетъ,
 Его спасалъ порою анекдотъ
 Иль шутка остроумная спасала —
 И наглость постоянно выручала.

ХСІІ.

Два адвоката также были тамъ:
 Одинъ былъ изъ Ирландіи — Лонгбоу,
 Другой, ему ровѣстникъ по лѣтамъ,
 Былъ родомъ изъ Шотландіи — Стронгбоу.⁴
 Стронгбоу — былъ учтивый говорунъ;
 Другой — живой, какъ кровный нашъ скакунъ,
 Хотя, лишенный всякой подготовки,
 Споткнуться могъ при первой остановкѣ.

ХСІІІ.

Одинъ — напоминалъ собой рояль,
 Въ другомъ съ Эола арфой было сходство,
 Гдѣ въ дикихъ звукахъ слышимъ мы печаль
 Иль дикій вопль... Въ комъ больше превосходства?
 Свѣтъ этого еще не могъ рѣшить,
 Могу лишь мнѣнье свѣта повторить,
 Что оба молодые адвоката
 Одарены природою богато.

ХСІV.

Быть-можетъ, всѣ читатели найдутъ,
 Что общества для дачи слишкомъ много,
 Но многолюдье нынче предпочтутъ
 Уединенію... На жизнь смотря не строго,
 Все общество сравнялося давжо;
 Намъ различать теперь не суждено
 Людей по убѣжденіямъ, по взглядамъ:
 Сравнялись всѣ по мыслямъ и нарядамъ.

ХСV.

Смысль этой рѣчи вовсе не таковъ —
 Меня пойметъ читатель, я увѣренъ —
 Что нынче въ свѣтѣ мало дураковъ:
 Ихъ счетъ и въ наши дни еще потерянь,
 Но глупость потеряла прежній цвѣтъ...
 Похожъ сталъ на орду весь божій свѣтъ —
 На скучныхъ и скучающихъ созданий.
 Я не нашолъ для нихъ другихъ названій.

ХСVI.

На нивѣ жизни стали мы собирать
 Колосья ужь помятые... читатель,
 На нивѣ той вы можете стоять
 Воозомъ, — я же, жатвы собиратель,
 Быть Руфью цѣломудренной могу...
 Я аллегорій много берегу,
 Но, опасаясь строгихъ обвиненій,
 Не выскажу я всѣхъ своихъ сравненій.

ХСVII.

Исторію я буду продолжать.
 Ба! одного забылъ говоруна я:
 Онъ вечеромъ собираясь рѣчь сказать,
 Съ утра еще, слова всѣ подбирая,
 Нанизывалъ ихъ въ книжкѣ записной.
 «Тѣнь бѣдная! о, слушай!»⁵ Насъ такой
 Обычай очень тѣшить... Боги, боги!
 Легко-ль твердить свои намъ монологи?

ХСVIII.

Тяжелый трудъ! Чтобъ вставить монологъ,
 Обязаны мы рѣчь вести такъ ловко,
 Чтобъ хитрости никто понять не могъ;
 Притомъ нужна особая сноровка —
 Разсчитывать съ умѣньемъ каждый шагъ,
 Иначе вдругъ какойнибудь острякъ
 Словами насъ въ минуту закидаетъ —
 И на себя вниманье привлекаетъ.

ХСІХ.

Лордъ Генрихъ съ Аделиной для гостей
 Обѣды сочиняли и банкеты,
 Которые могли бѣ плѣнить тѣней,
 Поднявшихся изъ Стикса. Я въ куплеты
 Не вставлю описанья разныхъ блюдъ,
 Хотя обѣдъ — читатели поймутъ —
 Играетъ роль большую въ счастіѣ нашемъ:
 Мы для обѣда служимъ, землю пашемъ,

С.

За деньги продаемъ нашъ долгій трудъ.
 Дни юности безслѣдно увядаютъ,
 Намъ ничего въ наслѣдство не даютъ,
 Намъ женщины, льстецы надоѣдаютъ,
 Лишь ты одинъ, сверкающій металлъ,
 Своей цѣны для міра не терялъ
 Ты, золото, обрадовать не въ силахъ,
 Лишь мертвецовъ, лежащихъ въ ихъ могилахъ.

СІ.

Желающихъ охота утромъ ждетъ
 Иль травля. Молодежь идетъ безопасно,
 А зрѣлый мужъ охотиться идетъ,
 Чтобъ убѣжать отъ скуки безконечной.
 Какъ велика британская тоска —
 У насъ нѣтъ слова точнаго пока;
 Но если нѣтъ для выраженья звука,
 За-то намъ всеѣмъ знакома эта скука.

СII.

Въ библіотекѣ рылись старики,
 Критиковали старыя картины
 Иль пробирались смѣло въ парники,
 Въ саду сминная грядки и куртины,
 Иль занимались чтеніемъ газетъ,
 Иные же, забывъ преклонность лѣтъ,
 Почувствовавъ запросы аппетита,
 Обѣда дожидались сердито.

СIII.

Но тамъ никто стѣсненія не зналъ.
 Всѣ по звонку къ обѣду собирались,
 А по утрамъ гость каждый выбиралъ
 Занятіе по волѣ. Не стѣснялись
 Когда вставать, начать свой туалетъ...
 Могъ подниматься каждый хоть чуть свѣтъ,
 Уединяться, завтракать свободно
 И проводить все утро какъ угодно.

СIV.

Для милыхъ и собой красивыхъ дамъ
 День проходилъ въ прогулкахъ, въ кавалькадахъ,
 А скромницы сидѣли по угламъ
 За чтеніемъ, толкуя о нарядахъ,
 Иль принимались съ жаромъ всѣ писать
 Посланія страничекъ въ двадцать пять,
 Имѣя очень сильное желанье
 Отвѣты получить на тѣ посланья —

CV.

Отъ близкихъ, отъ любовниковъ своихъ...
 Ни на землѣ, ни въ небѣ, можетъ-статься,
 Ничто съ письмомъ любовнымъ дамъ иныхъ
 По глубинѣ не можетъ поравняться...
 Таинственный ихъ смыслъ неуловимъ,
 Какъ догматъ вѣры... Если мы хотимъ
 Писать отвѣтъ на письма эти — право,
 Должны писать мы сдержанно-лукаво.

CVI.

Тамъ развлеченій множество нашлось:
 Былъ биллиардъ и карты тоже были,
 Катанье въ лодкѣ иль коньки въ морозъ...
 Забавой только кости не служили:
 Привыкъ себя британецъ уважать
 И въ эти кости можетъ онъ играть
 Лишь въ дни, когда онъ клубы посѣщаетъ,
 А дома эти игры забываетъ.

CVII.

Несутъ вино, лишь кончится обѣдъ,
 Пѣвицы принимаются за пѣнье...
 Лишь вспомню про одинъ такой дуэтъ —
 Приходитъ голова моя въ круженье.
 Плѣнительныя леди то поютъ,
 То арфу сладкозвучную берутъ,
 И звукамъ придаютъ очарованье
 Ихъ бѣлыхъ плечъ и рукъ ихъ очертанье.

CVIII.

Плѣняли въ танцахъ тальи тѣхъ сильфидъ,
 Но танцовали рѣдко въ дни охоты,
 Когда устанетъ сильно каждый брить.
 Затѣмъ всё толковали безъ заботы,
 И тамъ и здѣсь красавицъ слухъ ласкалъ
 Изящный и пріятный мадригалъ;
 Охотники о травлѣ препирались,
 Но къ десяти часамъ всё удалялись.

CIX.

Политики сидѣли въ уголкѣ
 И о матеряхъ важныхъ разсуждали...
 Иные, съ остротой на языкѣ,
 Удобный часъ хитро подстерегали,
 Чтобы словечко вставить въ разговоръ...
 Тотъ кто находчивъ очень и остеръ
 Съумѣетъ разсмѣшить насъ острымъ словомъ,
 Хоть, можетъ-быть, давно уже готовымъ.

CX.

Такъ сдержанно и чинно такъ вела
 Себя аристократовъ этихъ раса;
 Чиста и холодна она была
 Подобно изваянью Фидіаса.
 Разнузданность и грязь былыхъ временъ
 Смѣнилъ теперь благопристойный тонъ —
 И франты настоящіе одѣты,
 Подобно дамамъ, въ узкіе корсеты.

СХІ.

Всѣ расходились рано. Глазки дамъ
Смежались раньше луннаго заката...
Пусть мирный сонъ баюкаетъ ихъ тамъ!..
Надежды не лишаетъ безъ возврата
Такой покой и, можетъ-быть, опять
Красавицъ щечки станутъ расцвѣтать
Безъ притираній, скрытыхъ въ туалетѣ,
Чтобъ вновь потомъ увянуть въ высшемъ свѣтѣ.

ПѢСНЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

I.

Когда бъ рядъ истинъ вѣчныхъ мы могли
Извлечь иль изъ себя иль изъ природы,
Тогда бъ путь вѣрный къ знанью мы нашли
И навсегда погибли бы въ тѣ годы
Системы философскія... Ребятъ
Съѣдалъ Сатурнъ такъ точно, говорятъ,
Когда жъ супруга камни предлагала,
Онъ ѣлъ и ихъ, раздумывая мало.

II.

Питаюсь иногда творцомъ своимъ,
Въ обратномъ смыслѣ каждая система
Имѣетъ сходство съ завтракомъ такимъ...
Не правда-ли, что все для насъ проблема?
Въ прошедшее заглянешь — тамъ туманъ,
И если намъ разсудокъ здравый данъ,
То мы должны повсюду убѣждаться,
Что на себя намъ трудно полагаться.

III.

Я — ничего не знаю. Отрицать
 Я не могу, на все не дамъ отвѣта...
 А вы что вѣрно можете сказать?
 Что смертны вы? Но даже мысль и эта
 Быть можетъ ложью. Въ будущемъ—какъ знать—
 Ничто людей не будетъ удивлять...
 Смерть для иныхъ встрѣчать на свѣтѣ трудно,
 А спять они треть жизни непробудно.

IV.

Окончивъ день труда, мы ищемъ сна,
 Глубокаго, безъ грѣзъ, безъ сновидѣнья,
 Такъ отчего же смерть для насъ страшна,
 Смерть—мертвый сонъ? И даже—нѣтъ сомнѣнья—
 Сводя самоубійствомъ съ жизнью счетъ
 Однимъ ударомъ быстрымъ, даже тотъ
 Не жизнь свою земную презираетъ —
 Лишь изъ боязни смерти умираетъ.

V.

Повсюду смерть кругомъ ему грозитъ
 Невѣдомою силой страшной казни,
 И человѣкъ на встрѣчу къ ней спѣшитъ
 Съ отчаяньемъ таинственной боязни.
 Такъ на скалѣ, откуда видимъ мы
 Лишь пропасти, зіявшія изъ тьмы,
 Намъ приходило страшное желанье
 Бросаться въ бездну прямо, безъ сознанья.

VI.

Вы этого не дѣлали, но вы
 Отъ ужаса блѣднѣли и бѣжали
 Съ дрожаніемъ, съ круженьемъ головы,
 И только лишь потомъ припоминали,
 Что васъ желанье жгучее влекло,
 Чтобъ испытать таинственное зло —
 Куда? зачѣмъ? Никто не дастъ отвѣга:
 Вы помните одно желанье это.

VII.

Но мой рассказъ? Вы можете спросить:
 Какая жь цѣль всѣхъ этихъ разсужденій?
 Цѣль — о матерьяхъ разныхъ говорить:
 Таковъ характеръ всѣхъ моихъ твореній.
 Капризно мой рассказъ всегда течетъ:
 Пишу о томъ, что въ голову придетъ,
 И повѣсть обиденную — не скрою —
 На призрачномъ фундаментѣ я строю.

VIII.

Великій Бэконъ такъ сказалъ: «когда
 Соломенку на воздухъ мы бросаемъ,
 То направленье вѣтра безъ труда
 Мы узнаемъ». Мы тоже повторяемъ:
 Поэзія — соломенка; нашъ умъ
 Ее влечетъ въ слѣдъ за теченьемъ думъ —
 Тотъ смѣлый умъ, какъ будто змѣй бумажный,
 Съ земли на небо рвущійся отважно.

IX.

Жизнь — сзади, предо мной и впереди...
 Я знаю свѣтъ достаточно, чтобъ прямо
 О немъ писать... Я пережилъ въ груди
 Весь ядъ страстей и слышалъ, какъ упрямо
 Мои друзья корили въ томъ меня...
 Мою извѣстность нѣсколько цѣня,
 Ихъ циклъ меня въ то время очень слушалъ,
 Но я стихами вѣру въ нихъ разрушилъ.

X.

Чернь съ духовенствомъ думали громить
 Меня посредствомъ пасквилей суровыхъ,
 Но я пишу, какъ прежде — можетъ-быть,
 Не находя читателей ужъ новыхъ,
 А старыхъ утомляя каждый разъ...
 Въ дни юности я брался за рассказъ
 И — мной руководило вдохновенье,
 Теперь же я пишу — для развлечения.

XI.

Такъ для чего жь печатать, если нѣтъ
 Отъ этого намъ пользы? Всѣ скучаютъ...
 А я спрошу: такъ дайте мнѣ отвѣтъ —
 Зачѣмъ играютъ въ карты, пьютъ, читаютъ?
 Лишь для того, чтобъ время убивать...
 Вношу я мысли разныя въ тетрадь
 И въ рѣку — бухъ... Не горько мнѣ, не сладко:
 Утонетъ или выплыветъ тетрадка.

XII.

Но съ музою я вымысловъ бѣжалъ
 И, осторожно, тонко выбирая,
 Живыхъ людей всегда изображалъ...
 Вотъ почему, нерѣдко раздражая,
 Я слышалъ брань за многіе стихи...
 Намъ не легко узнать свои грѣхи...
 Такъ съ зломъ воюя, трудно очень, право,
 Достичь того, что носить имя: «слава».

XIII.

Любовь, война и буря — вотъ сюжетъ
 Достойный всѣхъ серьезныхъ пѣснопѣній!
 При этомъ всѣ сословья, высшій свѣтъ
 Послужатъ вамъ приправой размышлений.
 Подобный трудъ хоть пищу дастъ уму,
 А если суждено попасть ему
 Въ вашъ чемоданъ — тому не прекословлю —
 Такъ все же имъ мы поощримъ торговлю.

XIV.

Тотъ высшій свѣтъ, въ который я введу
 Васъ въ этой пѣснѣ, всѣмъ извѣстенъ мало.
 Тому причину тотчасъ и найду:
 Та сфера пищи вовсе не давала,
 Однообразьемъ, скукою томя...
 Хотя богатство, роскошь вокругъ меня,
 Но монотонность съ ними не разлучна,
 А это для поэта очень скучно.

XV.

Тамъ не типична даже красота,
 Искусственность и чопорность — во всякомъ,
 Тамъ въ преступленьи — общія мѣста
 И самъ порокъ прикрытъ блестящимъ лакомъ...
 Бездушный умъ, безъ соли острота...
 Жеманствомъ замѣнилась красота...
 Ни жеста откровеннаго, ни звука...
 Блестящее уныніе и скука.

XVI.

Лишь временно тамъ каждый очень радъ
 Свои оковы сбросить. Такъ, порою,
 Забывъ про дисциплину, нашъ солдатъ
 Съ веселой пѣсней вырвется изъ строю,
 Но барабанъ раздался — и опять
 Сомкнулась въ строй разрозненная рать...
 Таковъ же точно «свѣтъ» нашъ благовонный —
 Эдемъ тоски и скуки золочёной.

XVII.

Когда любовь смѣнилъ законный бракъ,
 Когда мы потолкались въ этомъ свѣтѣ,
 Познавъ невѣсть, попавшихся въ просакъ,
 И жениховъ, попавшихъ къ дѣвамъ въ сѣти,
 Тогда намъ остается лишь скучать...
 Такъ старый левъ не хочетъ оставлять
 Тѣхъ балльныхъ залъ, гдѣ былъ онъ прежде въ силѣ
 И гдѣ давно о немъ уже забыли.

XVIII.

У насъ за то писателей винять,
 Что высшій свѣтъ они не описали
 Въ чертахъ правдивыхъ... Даже, говорятъ,
 Что авторы отъ дворниковъ собирали
 Всѣ свѣдѣнья о жизни высшихъ расъ
 И слушали отъ горничной не разъ
 О томъ, что на балу иль на обѣдѣ
 Изволила произнести миледи.

XIX.

Но это все не правда. Въ наши дни
 Писателей встрѣчаютъ въ высшемъ свѣтѣ,
 Гдѣ нынче очень цѣнятся они —
 А потому не вѣрны слухи эти:
 Писатель очень тонко наблюдалъ
 Аристократовъ многихъ идеаль,
 Но въ томъ его ль, скажите мнѣ, бѣда-то,
 Что слишкомъ блѣденъ типъ аристократа?..

XX.

«*Naud ignara loquor quam pars
 Parva fui*», и я безъ затрудненья
 Могъ описать тебя, побѣдный Марсъ.
 Гарема видѣ иль корабля крушенье,
 Чѣмъ высшій свѣтъ.. Къ тому жъ я, можетъ-быть,
 Подобный трудъ желаю отстранить...
 «*Vetabo Cereris sacrum qui vulgarit*» — ¹
 Иначе чернь въ набать о насъ ударить.

XXI.

И такъ, пусть это дѣло рѣшено:
 Романъ мой идеаленъ; нѣтъ въ немъ тона
 Обычныхъ пѣсенъ; все въ немъ такъ темно,
 Какъ въ странномъ путешествіи Язона.
 Великихъ тайнъ мы не должны всѣ знать,
 Таинственно я такъ хочу писать,
 Касаяся къ такимъ діапозонамъ,
 Чтобъ быть понятнымъ только посвященнымъ.

XXII.

Увы! съ тѣхъ поръ какъ нѣкогда была
 Изъ рай изгнана старушка Ева,
 Она перемѣниться не могла,
 Окружена на право и на лѣво
 Соблазнами... Обычаевъ раба,
 Насилье терпитъ женщина всегда,
 Мученіемъ родовъ должна казниться,
 А намъ дано одно мученье — бриться.

XXIII.

Бритьё для насъ несносно, какъ роды...
 Но кто проникнетъ въ женскія страданья,
 Въ ихъ тайныя мученья и бѣды?
 Мы дѣлаемъ изъ нихъ безъ состраданья
 Лишь только экономокъ, а потомъ
 Ихъ заставляемъ думать мы о томъ,
 Чтобы семья плодилась ежегодно
 И дѣлать то, что намъ однимъ угодно.

XXIV.

Роль женщины — Богъ знаетъ, какъ тяжка...
 Что вытерпѣть она со дня рожденья?
 Цѣпь золотая съ дѣтства не легка...
 Спросите вы у первой встрѣчной миѣньи,
 Которой тридцати еще нѣтъ лѣтъ.
 Какой бы поль, вступая въ этотъ свѣтъ,
 Мужской иль женской выбрала бы дѣва?
 Что лучше: ученикъ иль королева?

XXV.

«Вліянье юбки — самый злой упрекъ,
 Котораго боятся всѣ тѣ люди,
 Попавшіе подъ женскій башмачекъ...
 Но я не покоряюсь той причудѣ:
 Баюкали насъ въ юбкѣ съ дѣтскихъ лѣтъ,
 И для меня милѣе въ жизни нѣтъ
 Таинственной одежды этой женской
 Изъ ткани дорогой иль деревенской.

XXVI.

Отъ юности привыкъ я обожать
 Покровъ тотъ цѣломудренно-священный:
 Онъ, какъ сундукъ скупца, привыкъ скрывать
 Отъ насъ всю прелесть тайны сокровенной.
 Что скрыто, то сильнѣе насъ манить...
 Да, тотъ, кто передъ женщиной стоитъ
 Прекрасной, какъ иное изваянье,
 Тотъ не имѣетъ право на страданье.

XXVII.

Пусть мраченъ день, пусть небеса темны
 И словно чернымъ трауромъ покрыты,
 Пусть изъ морской, подводной глубины
 Лишь слышенъ ревъ, пусть мрачны и сердиты
 Бѣгутъ валы, и солнца нѣтъ средь тьмы,
 Но если мимоходомъ встрѣтимъ мы
 Красивую крестьянку, то мгновенно
 Улыбка оживитъ насъ непременно.

XXVIII.

Героевъ мы покинули въ странѣ,
 Гдѣ климатъ былъ въ зависимости малой
 Отъ знаковъ зодіака, хоть онъ мнѣ
 И помѣшаетъ кончить путь усталый:
 Тамъ часто сводъ небесъ на насъ глядитъ.
 Заимодавцемъ пасмурнымъ на видъ...
 Нашъ край извѣстенъ климатомъ проклятымъ,
 И пасмурны нерѣдко небеса тамъ.

XXIX.

Въ семействѣ жизнь — поэзіей бѣдна,
 Виѣ дома — встрѣтятъ ливни плъ морозы,
 Но все же муза каждая должна
 Лавировать среди подобной прозы,
 Препятствія въ разсказѣ одолѣть
 И до конца вести его умѣть,
 Привыкнувъ относиться къ каждой сферѣ
 Хоть безъ гримасы злой, по-крайней-мѣрѣ.

XXX.

Сословныхъ всѣхъ различій Донъ-Жуанъ
 Не признавалъ, далекъ морали строгой.
 Онъ веселъ былъ, попавъ въ военный станъ,
 И при дворѣ и въ хижинѣ убогой.
 Характеромъ счастливымъ одаренъ,
 Дѣлить могъ жизнь и трудъ со всѣми онъ.
 Онъ не былъ волокитой, но не рѣдко
 Предъ нимъ смущалась самая кокетка.

XXXI.

Охота на лисицъ всегда трудна
 Для новичка. Онъ долженъ опасаться,
 Чтобъ не упасть въ канаву съ скакуна
 И слышать, какъ кругомъ начнутъ смѣяться.
 Но Донъ-Жуанъ, какъ бедуинъ, былъ смѣлъ,
 И если разъ на скакуна онъ сѣлъ —
 Два-три шага — руки одно движенье —
 И конь подъ нимъ смирялся въ то жь мгновенье.

XXXII.

Теперь въ среду охотниковъ попавъ,
 Жуанъ далъ волю рыцарской отвагѣ:
 Не видя ни рѣшотокъ, ни канавъ,
 Несясь черезъ заборы и овраги,
 Терпѣнья на охотѣ не храня,
 Онъ иногда, пришпоривши коня,
 Врывался вдругъ въ разгаръ охоты самой,
 Въ толпу собакъ, съ горячностью упрямой,

XXXIII.

И ловкостью дивилъ шальныхъ псарей.
 Охотники ему рукоплескали,
 И поселяне, стоя у дверей,
 Наѣздника лихого поощряли.
 Родныхъ лѣсовъ испытанный Немвродъ
 Глядѣлъ во слѣдъ, раскрывъ широко ротъ,
 И юности огонь въ немъ загорался,
 Когда онъ Донъ-Жуаномъ любовался.

XXXIV.

И вотъ его трофеи... Не щиты,
 Не копья, а рѣшотки и заборы,
 Различные барьеры и кусты...
 Но онъ въ душѣ сознался очень скоро,
 Что Честерфильдъ дѣйствительно былъ правъ,
 Въ концѣ охоты нѣкогда сказавъ:
 «Уже ль два раза кто нибудь рѣшался
 Охотиться? Ему бъ я удивлялся!...»

XXXV.

Еще въ немъ было качество одно,
 Которое въ охотникахъ такъ ново,
 (Они встаютъ когда еще темно)
 То качество для юноши любого
 Даетъ во мнѣньи женщинъ перевѣсъ,
 Которыя и старцевъ и повѣсъ
 Готовы оживлять своей бесѣдой:
 Нашъ Донъ-Жуанъ не спалъ послѣ обѣда,

XXXVI.

Но принималъ въ плеядѣ милыхъ дамъ
 Блестящее участие въ разговорѣ,
 Поддерживалъ ихъ мнѣнья здѣсь и тамъ,
 Игривый и изящный въ легкомъ спорѣ;
 То былъ серьезень нѣсколько, то вдругъ
 Весельемъ оживлялъ толпу подругъ
 И, словно, ложь, ошибку или промахъ
 Не замѣчалъ въ красавицахъ знакомыхъ.

XXXVII.

Еъ тому жь онъ танцевалъ. Суровый бритъ
 Въ искусствѣ томъ отсталъ отъ иностранцевъ...
 Онъ танцевалъ — преданье такъ гласитъ —
 Прекрасно и — какъ слѣдуетъ для танцевъ —
 Умно; безъ всякихъ вычурныхъ манеръ,
 Какъ истинный джентльменъ и кавалеръ,
 Не прибѣгая къ позамъ неприличнымъ,
 Подобно балетмейстерамъ сценичнымъ.

XXXVIII.

Онъ скромень такъ, изященъ былъ и милъ,
 Что всѣ глаза вездѣ за нимъ слѣдили...
 Едва касаясь пола, онъ скользилъ,
 Подобно легкой, дѣвственной Камиллѣ.²
 Еъ тому жь, имѣлъ онъ вѣрный слухъ — и видъ,
 Который о величьи говоритъ.
 Всѣхъ онъ плѣнялъ, имѣя свойства эти,
 Какъ болеро³ блистая въ высшемъ свѣтѣ,

XXXIX.

Иль какъ часы, бѣгущіе толпой
 Передъ Авророй, въ чудномъ фрескѣ Гвидо, ⁴
 Способномъ въ Римѣ одинъ привлечь — душой
 Любящаго искусства... Лучше вида
 Я не встрѣчалъ. И тотъ же идеаль
 Въ себѣ Жуана образъ отражалъ
 И для его живого описанья
 Ни красокъ нѣтъ, ни словъ, ни очертанья.

XL.

А потому мудренаго въ томъ нѣтъ,
 Что не было блестящаго салона,
 Гдѣ бъ не хвалилъ Жуана модный свѣтъ,
 Въ немъ находя земного Купидона.
 Могъ цѣломудренныхъ онъ женщинъ увлекать
 И даже тѣхъ... Зачѣмъ ихъ называть...
 И съ нимъ супруга герцога Фицъ-Фолька
 Болтала, не стѣсняясь нисколько...

XLI.

Она была блондинка — среднихъ лѣтъ,
 И ужъ не зиму первую являлась
 Замѣтною звѣздою въ высшій свѣтъ...
 Хотя молва о ней распространялась
 Не лестная — мнѣ право дѣла нѣтъ.
 Лордъ Августъ Фицъ-Плантагенетъ
 Ея послѣдней прихотью явился —
 И съ ней на жизнь и на смерть подружился.

XLII.

Кокетство съ Донъ-Жуаномъ строгій лордъ
 Не одобрялъ... но какъ принять тутъ мѣры?...
 Любовникъ долженъ, холоденъ и гордъ,
 Смотрѣть слегка на женскія химеры.
 Изъ всѣхъ ревнивцевъ какъ несчастенъ тотъ.
 Кто укорять капризницу начнетъ,
 И хоть бы рѣчь его была почтенна,
 Онъ ускоритъ развязку непременно.

XLIII.

Въ гостиныхъ начали шептаться, толковать,
 Явилось двѣ-три колкихъ эпиграммы,
 При дочери ворчала злобно мать,
 Негодовать пустились громко дамы,
 Иныя же не вѣрили въ тотъ слухъ
 И многіе изъ барынь и старухъ,
 Всѣ сплетни собирающія гдѣ-то,
 Жалѣли лорда Фицъ-Плантагенета.

XLIV.

Но вотъ что странно: герцога притомъ
 Никто не вспомнилъ даже полусловомъ.
 Онъ былъ въ дали, и слухъ ходилъ о томъ,
 Что герцогъ съ равнодушьемъ образцовымъ
 Смотрѣлъ на поведеніе жены...
 Ихъ бракъ вполнѣ счастливымъ звать должны.
 Они разлуки оба не боялись,
 Затѣмъ, что никогда и не сближались.

LXV.

Какъ истина безгрѣшна и скромна,
 Строга, какъ ты, Эфесская Діана,
 Могла-ли Аделина, какъ жена,
 Не осуждать вокетку Донъ-Жуана.
 Узнавъ въ подругѣ вѣтренность, она
 Съ ней стала далека и холодна,
 Жалѣя о несчастной герцогинѣ...
 О, жалкій свѣтъ! въ твоей глухой пустынѣ —

XLVI.

Безъ дружбы жизнь была бы всѣмъ тяжка.
 Она одна — нашъ отдыхъ и отрада;
 Поддерживаетъ насъ ея рука...
 Была бъ земля для насъ тошнѣе ада,
 Когда друзей бы не было на ней?
 Кто не слыхалъ отъ нихъ такихъ рѣчей:
 «Ахъ, для чего рѣшились вы на это,
 «И не спросили добраго совѣта?»

XLVII.

У Іова два друга... но вполне
 Достаточно и одного намъ друга...
 Пожалуста, не жалуйтесь при мнѣ,
 Что другъ вашъ уѣзжаетъ... Безъ испуга,
 Когда у васъ поправятся дѣла,
 Чтобъ отдохнуть отъ прожитого зла,
 Ступайте вы хоть въ ресторанъ столичный:
 Навѣрно тамъ найдется другъ отличный.

XLVIII.

Я этихъ правилъ самъ не исполнялъ,
 За что страданья встрѣтилъ отовсюду...
 Что жь за бѣда!.. Вблизи приморскихъ скалъ
 Я черепахой прятаться не буду
 Отъ волнъ и бурь... Я въ жизненной борьбѣ
 Желаю испытать все на себѣ,
 Все, что случайно или по причудѣ
 Способны знать и испытать все люди.

XLIX.

Страшны порывы горести людской,
 Печалень вѣтръ, совы несносны крики,
 Но, право, нѣтъ ужаснѣй фразы той:
 «Вѣдь я вамъ говорилъ тогда!» Какъ дики
 Совѣты запоздалые друзей...
 Чѣмъ изъ бѣды бы вывести скорѣй,
 Они твердятъ съ своимъ участиемъ пошлымъ,
 Что ту бѣду предчувствовали въ прошломъ.

L.

Но леди Аделина не была
 Строга къ одной своей подругѣ; тоже
 И обвинять Жуана начала,
 Но тутъ, когда узнаемъ дѣло строже,
 Скорѣй въ ней состраданіе найдемъ.
 Она съ участиемъ думала о немъ,
 За тѣмъ, что старшинство надъ нимъ имѣла
 На шесть недѣль... За тѣмъ-то смѣло —

LI.

То старшинство на сорокъ ровно дней
 Давало право ей на попеченье,
 На воспитанье юноши, хоть ей,
 Въ чемъ не было малѣйшаго сомнѣнья,
 Былъ не знакомъ тотъ ненавистный срокъ,
 Годъ роковой, который въ жизни могъ
 Соединять всѣ возрасты собою —
 Срокъ, посланный суровою судьбою.

LII.

Тотъ возрастъ начинается всегда
 Лѣтъ въ тридцать или даже въ двадцать восемь...
 Навѣрно скроетъ женщина года,
 На склонѣ лѣтъ, когда о гѣдахъ спросимъ....
 О, время! стой!.. Косой тебѣ давно
 Косить безъ сожалѣнія грѣшно...
 Остановись же ты косецъ сердитый
 Съ своей косою, ржавчиной покрытой!

LIII.

Но этотъ возрастъ зрѣлый былъ далекъ
 Отъ леди Аделины. Жизни опытъ
 Отъ многихъ бѣдъ ее предостерегъ
 И въ обществѣ не страшень былъ ей ропотъ.
 Ея года мы можемъ прямо счесть:
 Отъ двадцати семи отбросивъ шесть,
 Ея года узнаете вы точно.
 Въ рассказѣ не скрываю ихъ нарочно.

LIV.

Въ шестнадцать лѣтъ она явилась въ свѣтъ,
 Плѣняя красотою и манерой;
 Казалась всѣмъ она въ семнадцать лѣтъ
 Изъ пѣны волнъ явившейся Венерой.
 А восемнадцати пренебрегла
 Толпой влюбленныхъ франтовъ и нашла
 Счастливаго Адама. Свѣтъ ревнивый
 Рѣшилъ, что мужъ ея — супругъ счастливый.

LV.

Потомъ она въ теченіи трехъ зимъ
 Блестала съ видомъ гордымъ и безстрастнымъ,
 И самый злобный, ѣдкій нелюдимъ
 Въ томъ мраморѣ блестящемъ и прекрасномъ
 Не могъ найти единаго пятна...
 За тѣмъ явилась матерью она,
 Но раньше срока какъ-то разрѣшилась
 Отъ бремени. . Порхала и кружилась

LVI.

За ней влюбленныхъ рыцарей толпа;
 Но жало клеветы ее щадило.
 Быть-можетъ, потому было скупа
 Она на: страсть, что вокругъ не находила
 Достойнаго себя, — фактъ самый дорогъ намъ:
 Она была одной изъ строгихъ дамъ,
 Благодаря уму или гордынѣ
 Иль по другой какой-нибудь причинѣ.

LVII.

Я не люблю отыскивать причинъ,
 Какъ не люблю въ минуту жажды винной
 Своихъ гостей непьющихъ разныхъ винъ
 И занятыхъ одной бесѣдой чинной.
 Я не терплю поднявшихъ пыль быковъ,
 И длинныхъ разсужденій и стиховъ
 Во вкусѣ одѣ, терзающихъ терпѣнье,
 И пѣра раболѣннаго на пренѣ.

LVIII.

Мнѣ милъ лѣсовъ зеленый исполинъ,
 Но я въ его корняхъ не стану рыться:
 Познанія причины всѣхъ причинъ,
 Увы, не такъ-то радостно добиться!
 Я этимъ заниматься не люблю,
 И, если нужно, васъ я отошлю
 Къ мудренымъ изысканьямъ Оксенштерна:
 На вашъ вопросъ отвѣтитъ онъ навѣрно. ⁵

LIX.

Какъ только Аделина поняла,
 Что Донъ-Жуанъ попасть рискуетъ въ сѣти,
 (Не вѣдая, за что ихъ ждетъ хула,
 Всѣ иностранцы въ Англии, какъ дѣти,
 Не знаютъ, какъ судъ общества тамъ строгъ)
 Задумала она въ короткій срокъ
 Спасти отъ неприличнаго романа
 Обоихъ — и подругу и Жуана.

LX.

Чтобъ между-ними пагубная страсть
 Не развилась — принять ей нужно мѣры...
 Въ невинности особая есть власть:
 Невинность, за безумныя химеры,
 Не побоится даже и костра...
 Не зная всѣхъ уловокъ, не хитра,
 Она своихъ движеній не скрываетъ —
 И цѣли очень рѣдко достигаетъ.

LXI.

Ее страшилъ не герцогъ, не разводъ —
 Тотъ герцогъ былъ супругомъ беззаботнымъ —
 Но множество иныхъ нашлось заботъ:
 Во-первыхъ, красота подруги... (вотъ намъ
 И первый шагъ до всевозможныхъ бѣдъ),
 Помогъ, самъ Августъ Фицъ-Плантагенеть:
 Боясь въ располхъ быть пойманнымъ обманомъ,
 Онъ ссору могъ затѣять съ Донъ-Жуаномъ.

LXII.

Къ тому же герцогиня прослыла
 За интригантку въ сферѣ увлеченій.
 Она, какъ бичъ, любовника могла
 Терзать, изобрѣтая рядъ мученій.
 То очаруетъ, ласки не тая,
 То уязвить, какъ хищная змѣя,
 И — хуже гнета нѣтъ въ подобномъ родѣ —
 Любовника стѣснить въ его свободѣ.

LXIII.

Вскружить умѣла голову она,
 Чтобъ въ Вертера поклонникъ превратился...
 Что жъ страннаго, что, этимъ смущена,
 Боялась Аделина? Кто рѣшился
 Сто разъ жениться или умереть,
 Тотъ все-таки счастливѣй, чѣмъ имѣть
 Любовницу, которая безъ страсти
 Ежеминутно сердце рветъ на части.

LXIV.

Въ невинности души своей, сперва
 Упрашивала мужа Аделина,
 Чтобъ онъ давалъ — о, милыя слова! —
 Совѣты Донъ-Жуану. Ихъ причина:
 Чтобъ тотъ къ сиренѣ въ сѣти не попалъ...
 Но гордый лордъ съ улыбкой ей внималъ,
 И, словно лепетъ слушая ребенка,
 Какъ дипломатъ увертывался тонко:

LXV.

«Во-первыхъ, онъ мѣшаться не хотѣлъ
 Въ дѣла не государственныя. Права
 На это онъ нисколько не имѣлъ,
 А во-вторыхъ, Жуанъ самъ мыслить здраво
 И могъ понять, что хорошо, что нѣтъ,
 И наконецъ, любой людской совѣтъ,
 Хотя бъ его вамъ мудрость подсказала,
 Приносить ближнимъ пользы очень мало».

LXVI.

Чтобъ подтвердить послѣднія слова,
 Совѣтывалъ все дѣло предоставить
 На волю ихъ самихъ, что не нова
 Исторія такая, что исправить
 Все можетъ время самое, что связь
 Растетъ, противорѣчій не боясь,
 Что молодежь, себя удачей тѣши....
 Но здѣсь гонецъ привезъ ему депеши.

LXVII.

Лордъ Генрихъ удалился въ кабинетъ,
 И тамъ средь дѣлъ казался онъ счастливѣй,
 Свѣряя государственный бюджетъ...
 Пускай расскажетъ будущій Титъ Ливій,
 Какъ много государству онъ помогъ...
 Что онъ прочелъ въ депешахъ, я не могъ
 Узнать, а потому ихъ содержанье
 И не войдетъ въ мое повѣтствованье.

LXVIII.

Но прежде чѣмъ ушолъ онъ въ кабинетъ,
 Проговорилъ словъ нѣсколько въ гостиной,
 Потомъ раскрылъ передъ собой пакетъ
 И удалился съ очень важной миной,
 Но, уходя, жену поцаловалъ...
 Тотъ подалуй я братскимъ бы назвалъ
 И могъ подумать этою порою,
 Что онъ прощался съ младшею сестрою.

LXIX.

То былъ холодный, честный, гордый лордъ,
 Который всѣмъ, что до него касалось,
 Какъ англичанинъ истинный, былъ гордъ.
 Его фигура точно назначалась
 Для выходовъ придворныхъ, напиримѣръ...
 То былъ отличный, статный камергеръ...
 Когда сидѣть я на престолѣ буду,
 Ему ключъ камергера я добуду.

LXX.

Ему не доставало одного,
 Чего нельзя назвать виной большою:
 Не доставало именно того,
 Что женщины привыкли звать — душою.
 За то на видъ красивъ онъ былъ собой...
 Спѣша иль на свиданье иль на бой,
 Нейтралитетъ строжайшій сохраняя,
 Онъ могъ блистать, достоинствъ не теряя.

LXXI.

Ему не доставало, я сказалъ,
 Того, что объяснять едва-ли надо,
 Того, что каждый духомъ постигалъ
 Въ твореніи Гомера «Иліада»,
 Что, наконецъ, Елену навело
 Троянцемъ замѣнить спартанца. Зло
 Измѣны той и намъ знакомо тоже:
 Насъ женщины бросали оттого же.

LXXII.

Есть «нѣчто», насъ способное смущать
 Двуличіемъ своимъ неувимымъ...
 Кто точно намъ съумѣетъ разсказать,
Какъ онъ желаетъ въ жизни быть любимымъ?
 На краткій срокъ намъ чувственность мила,
 Сантиментальность полная — скучна,
 Но если же онѣ соединятся,
 То въ грознаго центавра обратятся.

LXXIII.

Прекрасный полъ не устаетъ искать
 Того, что сердце просить очень жадно,
 Но здѣсь и можно слабость дамъ узнать.
 Какъ мореходъ, въ часъ ночи непроглядной,
 Безъ картъ и безъ компаса, по волнамъ
 Они скользятъ... пучина здѣсь и тамъ...
 Вотъ берегъ, берегъ!... Конченъ подвигъ трудный!
 Но берегъ тотъ — одинъ утесъ безлюдный...

LXXIV.

Ростетъ цвѣтокъ, какъ указалъ Шекспиръ,
 И онъ «любовью къ праздности» зовется...
 Прости меня, Британіи кумиръ,
 Когда моя рука порой коснется
 До цвѣтника, гдѣ все твои цвѣты...
 Но я теперь воскликну, какъ и ты,
 Мудрецъ Руссо подъ яркой сѣдиною:
 «Смотрите — вотъ барвинокъ предо мною!»⁶

LXXV.

Да! эврика! ⁷ Я не хочу сказать,
 Что ты, любовь, есть праздность; но скорѣе
 Мы смѣло праздность можемъ называть
 Сопутницей любви. Одна Медея
 На кораблѣ прикащикомъ была
 И доказать она одна могла,
 Что можно быть и человѣкомъ дѣльнымъ
 И увлекаться чувствомъ безпредѣльнымъ.

LXXVI.

Гораціемъ былъ стихъ такой пропѣтъ:
 «Beatus ille procul negotiis»; ⁸
 Но ошибаться можетъ и поэтъ.
 Слова другія — «Noscitur a sociis» —
 Скорѣе подойдутъ теперь сюда,
 Хоть, можетъ-быть, и строги иногда,
 Но я одно могу замѣтить смѣло:
 Счастливей тотъ, кто не бѣжитъ отъ дѣла.

LXXVII.

Свой рай на плугъ перемѣнилъ Адамъ,
 Изъ листьевъ фиги Ева сшила платье...
 Съ тѣхъ поръ совсѣмъ понятно стало намъ,
 Что оттого узнали мы несчастья,
 Особенно прекрасный, слабый полъ,
 Что онъ себѣ занятъ не нашолъ
 И просидѣть не можетъ за работой
 Хоть два часа съ обыкновенною охотой.

LXXVIII.

А потому жизнь свѣтскихъ дамъ полна
 Ничтожества, достойнаго презрѣнья,
 И въ пустотѣ ея она должна
 Изобрѣтать больныя наслажденья.
 Пускай поэтъ «довольство» воспоетъ:
 Довольство — пресыщеніе. И вотъ
 Оно родить романы съ ихъ творцами
 И насъ терзаетъ «синими чулками».

LXXIX.

О, сколько я романовъ не читалъ,
 Но всѣ они не могутъ поровняться
 Съ романами, которыя я зналъ
 Изъ жизни свѣта моднаго. Признаться,
 Не многія повѣрятъ въ мой рассказъ.
 Но я молчать хочу на этотъ разъ:
 Есть истины — не по однимъ причудамъ
 Мы ихъ всегда должны держать подъ спудомъ.

LXXX.

«И устрицы въ любви несчастны» — такъ
 У Шередина сказано.⁹ Понятна
 Такая мысль: любя свой вѣчный мракъ,
 Она всю жизнь вздыхаетъ, вѣроятно,
 Изъ раковины выглянуть боясь...
 Такъ въ кельѣ, вонъ отъ міра удалясь,
 Сживается монахъ съ своею лѣнью,
 И склонность лишь имѣетъ къ вождельбью.

LXXXI.

О, Вильберфорсъ! — ты новый Вашингтонъ,
 Низвергнувшій громаднаго Колосса!
 Твой *чорный* трудъ пока не оцѣненъ,
 Но ты намъ не рѣшилъ еще вопроса.
 Ты съ племя чорныхъ рабство свергнулъ, но
 Иное дѣло ждетъ тебя давно:
 Ты въ чорной расѣ понялъ гражданъ смѣлыхъ,
 Такъ заключи же въ цѣпи племя бѣлыхъ.

LXXXII.

Пусть предъ тобой поникнетъ Александръ,
 Прихлопнутый однимъ твоимъ ударомъ;
 Запри ты всѣхъ военныхъ саламандръ,
 Которыя огонь глотають даромъ,
 (Затѣмъ-что ихъ не балуетъ казна);
 Запри всѣхъ тѣхъ, кѣмъ давится страна...
 Не короля — запри лишь павильоны, ¹⁰
 Не то опять заплатимъ милліоны.

LXXXIII.

Міръ остальной запри ты на запоръ,
 Освободи всѣхъ жителей Бедлама —
 И все пойдетъ, какъ шло до этихъ поръ,
 Какъ въ старину, упорно и упрямо.
 Я бѣ это несомнѣнно доказалъ,
 Когда бы въ людяхъ умъ я отыскалъ;
 Теперь же оставляю я всѣ споры,
 Какъ Архимедъ, не видѣвшій опоры. ¹¹

LXXXIV.

Незанятымъ, но чуднымъ уголкомъ
 Могло назваться сердце Аделины.
 Никто ёще не поселялся въ немъ,
 Ещё къ соблазну не было причины...
 Для робкихъ душъ — паденіе слабѣй,
 Но чья душа исполнена страстей,
 Тѣхъ страшно потрясаетъ ихъ паденіе,
 Какъ роковой обвалъ землетрясенья.

LXXXV.

Она любила мужа, а вѣрнѣй
 Себя лишь въ этомъ только увѣрила,
 И въ чемъ успѣть такъ трудно было ей:
 Точь въ точь Сизифа камень подымала.
 Но не было семейныхъ дразгъ и ссоръ
 Въ союзѣ ихъ, былъ не знакомъ укоръ.
 Ихъ бракъ назвать мы можемъ благороднымъ,
 Приличнымъ, образцовымъ, но холоднымъ.

LXXXVI.

Не разница въ годахъ у нихъ была,
 Но разница въ характерахъ и мнѣньяхъ.
 Жизнь cadaго русломъ особымъ шла
 И не мѣшала каждому въ движеньяхъ.
 Такъ волны Роны въ Леманѣ скользятъ
 И, кажется, ихъ взгляды отличать,
 Когда рѣка по озеру струится
 И озеро смѣшаться съ ней боится.

LXXXVII.

Ей стоило задуматься 'слегка,
 Чтобъ душу охватило впечатлѣнье:
 Такъ при разбѣгѣ каждая рѣка
 Становится все шире при теченьи.
 Въ ней сердце тронуть было не легко,
 Но, разъ увлекшись, можно далеко
 Зайдти съ такою пылкою головкой,
 Не справившись съ моральной подготовкой.

LXXXVIII.

Тогда она тотчасъ узнаетъ власть —
 Власть двойственного демона. Зовется
 Порою стойкой храбростью та страсть,
 Когда она у воина проснется;
 Но иногда — упрямство имя ей
 Въ тотъ возрастъ дамъ иль вообще людей,
 Когда звѣзда ихъ меркнуть начинаетъ:
 Межъ двухъ страстей границъ никто не знаетъ.

LXXXIX.

Когда бы побѣдилъ при Ватерло
 Наполеонъ, тогда бъ онъ былъ героемъ;
 Онъ побѣжденъ — мы назовемъ то зло —
 Упрямствомъ... Но едва ли мы откроемъ
 Грань между истиной и ложью... Мнѣ,
 Оставивъ пренье это въ сторонѣ,
 Пора теперь вернуться къ героинѣ
 Въ особомъ родѣ, къ леди Аделинѣ.

ХС.

Она сама себя не знала. Что жь
 Могу сказать о ней я безъ обмана?
 О ней боюсь я высказать ту ложь,
 Что леди полюбила Донъ-Жуана.
 Она бь ту страсть въ себѣ убила вдругъ...
 Для Аделины онъ былъ просто — другъ
 Ея супруга, жившій на чужбинѣ,
 Которому грозитъ опасность нынѣ.

ХСІ.

Она была однако далека
 Отъ платонизма страннаго, который
 Въ нашъ край былъ завезенъ издалека,
 Гдѣ иногда съ уступкой очень скорой
 Звучать лобзанья *чистыя*... Она
 Лишь только въ томъ была убѣждена,
 Что дружба можетъ долго продолжаться...
 Вѣдь, межъ собой мушины-же дружатся!...

ХСІІ.

Въ подобной дружбѣ — въ томъ сомнѣнья нѣтъ —
 Двухъ половъ непонятное влеченье
 Достоинство имѣеть, а не вредъ...
 Когда при дружбѣ страсти нѣтъ влеченья,
 Когда и та и эта сторона
 Лишь только чувствомъ дружескимъ полна,
 (Въ такой союзъ не вѣрять почему жь бы?)
 То на землѣ прочнѣй не съищешь дружбы.

ХСІІІ.

Въ любви всегда лежитъ зародышъ зла,
 Или — вѣрнѣй — измѣны, что понятно.
 Нельзя желать, чтобъ молнія была
 На небѣ постоянно. Невозвратно,
 Когда начнетъ струиться тише кровь,
 Уходитъ наша пылкая любовь.
 Все то, что слишкомъ дѣвственно и нѣжно,
 Должно исчезнуть быстро, неизбежно.

ХСІV.

Любовникъ рѣдкій любитъ до конца.
 Любовь давно — еще во время оно —
 Умѣла сдѣлать полнаго глупца
 Изъ мудраго царя, изъ Соломона.
 Я видѣлъ жонъ, которыя могли
 Быть украшеньемъ жизни и земли
 И мучили въ своей домашней сферѣ
 Не одного, а двухъ, по-крайней-мѣрѣ.

ХСV.

Я зналъ подругъ (фактъ рѣдкій, можетъ-быть),
 Которыя въ чужбинѣ и въ отчизнѣ
 Ни разу не рѣшились измѣнить.
 Когда меня преслѣдовали въ жизни,
 Топтали въ грязь, клеймили клеветой,
 Онѣ упорно, съ честной прямою,
 Боролись за меня и говорили
 И гидру лжи позорной раздавили.

ХСVI.

Я послѣ постараюсь разсмотрѣть
 Исторію всей дружбы Аделины
 И юноши, и радъ теперь имѣть
 Предлогъ — оставить ихъ въ дали картины,
 Чѣмъ нетерпѣнье въ многихъ раздражу
 (Особенно на женщинъ укажу)
 И возбужу догадокъ очень много...
 Нельзя придумать лучшаго предлога.

ХСVII.

Какъ проводили время эти дни,
 Катались ли, пѣшкомъ ли все блуждали,
 Читали «Донъ-Кихота» вслухъ они,
 Или языкъ испанскій изучали
 Иль предавались просто болтовнѣ —
 Объ этомъ предоставьте лучше мнѣ
 Поговорить въ той пѣснѣ, гдѣ навѣрно
 Меня хвалить вы будете безмѣрно.

ХСVIII.

Я васъ прошу не забѣгать впередъ
 Къ развязкѣ дивной этого романа;
 Прошу не клеветать теперь на счетъ
 Прекрасной Аделины и Жуана.
 Серьезнѣй поведу я разговоръ,
 Чѣмъ говорилъ публично до сихъ поръ...
 Я вѣрю въ васъ, Жуанъ и Аделина,
 Хоть можетъ быть случайная причина...

XCIX.

Изъ пустяковъ бываетъ много бѣдъ.
 Я сильно былъ влюбленъ въ былыя лѣта,
 Но отгадать не можете вы — нѣтъ —
 Случайности, раздувшей чувство это.
 Не отгадать — я объ закладъ побьюсь...
 А между тѣмъ, теперь я самъ смѣюсь:
 На билліардѣ партія рѣшила
 Мою судьбу — и сердце полюбило.

C.

Все это странно только потому,
 Что истина всѣхъ вымысловъ страннѣе...
 Когда бъ на свѣтъ мы вывели всю тьму,
 Романы выходили бы живѣе,
 Взявъ тѣмы изъ различныхъ катакомбъ.
 О, если бы моральныхъ сферъ Коломбъ
 Предъ новымъ свѣтомъ выставилъ въ грядущемъ
 Всѣхъ антиподовъ съ словомъ вопіющимъ!

CI.

О, сколько бы узнали съ этихъ поръ
 Въ душѣ людей «пещеръ, пустынь бесплодныхъ»!¹²
 О, сколько бы нашли мы лдяныхъ горъ
 Въ сердцахъ вельможъ, деспотовъ благородныхъ...
 Узнали бъ тѣхъ, кто націи гнететь...
 И даже Цезарь гордый, даже тотъ
 Своей бы громкой славы устыдился
 И властвовать бы больше не рѣшился.

ПѢСНЯ ПЯТНАДЦАТАЯ.

I.

Клянусь, я не могу теперь сказать,
Что будетъ дальше... Впрочемъ, вѣроятно
Разсказъ мой станетъ нервы щекотать
Богатыми картинами пріятно...
Вся жизнь изъ междомѣтій состоитъ:
«О!» или «ахъ!» иль «ба!» весь міръ твердитъ;
Но въ людяхъ больше склонности найдете
Вы къ «фи!» иль — просто на просто — къ зѣвотѣ.

II.

Рыданія, безумства и тоска,
Жестокія страданія и горе —
Все это гибло многіе вѣка
Въ житейскомъ, постоянно-темномъ морѣ.
Волненія и скорби никогда
Надъ нами не проходятъ безъ слѣда,
Но даже въ нихъ такія есть мгновенья,
Въ которыхъ мы находимъ наслажденья.

III.

Я искренно привыкъ цѣнить тебя,
 Нескрытое сердечное волненье,
 Искусственные чувства не любя.
 Скрывая всѣ душевныя движенья,
 Въ притворствѣ уважаетъ большинство
 Какое-то нѣмое божество.
 Вотъ почему, когда разсмотримъ строго,
 Лжи на землѣ встрѣчается такъ много.

IV.

Кто могъ бы передать когда-нибудь
 О горькихъ заблужденьяхъ прежней страсти?
 Едва онъ просыпается — и грудь
 Отъ боли разрывается на части.
 Забвенія напрасно ищетъ онъ:
 Видѣніями злыми окружонъ,
 Дрожитъ отъ одного воспоминанья,
 Испытывая страхъ и содраганья.

V.

Что жъ до любви касается — она...
 Но возвратимся къ леди Аделинѣ.
 Не правда-ли, такія имена
 Звучать такъ гармонически? Въ долину
 Есть музыка въ журчаньи ручейка
 И въ тихомъ колебаньи тростника...
 Гармонія повсюду есть для слуха,
 Для тѣхъ, кто не лишонъ бываетъ уха.

VI.

Съ прискорбіемъ, но долженъ я сказать,
 Что леди непріятность угрожала —
 Лишиться репутаціи... Мѣнять
 Свой взглядъ на жизнь всѣмъ женщинамъ пристало.
 Поддѣлываемъ вина мы давно,
 А женщины, какъ самое вино,
 Поддѣльными бываютъ очень часто:
 Ужь такова ихъ вѣтреная каста.

VII.

Но лучшею эссенціей всѣхъ лозъ,
 Алмазомъ въ драгоцѣннѣйшей оправѣ
 И розой самой пышною изъ розъ
 Назвать мы Аделину будемъ вправѣ.
 Она — страницей чистою была,
 Къ которой прикоснуться не могла
 Печать сѣдого времени надмѣнно,
 Хотя къ другимъ касалась неизмѣнно.

VIII.

О, смерть, замодавецъ страшный нашъ!
 Ты ежедневно въ дѣри къ намъ стучишься,
 Сперва, какъ робкій лавочникъ иль стражъ,
 Когда же, наконецъ, ты утомишься,
 Отказами людей раздражена,
 Ты входишь въ домъ — ужасна и страшна —
 Неумолимо такъ сверкають взгляды,
 Что должнику напрасно ждать пощады.

IX.

О, смерть! пускай разить твоя рука
 Все, кромѣ красоты одной прекрасной...
 Вѣдь красота на свѣтѣ такъ рѣдка,
 Вѣдь путь ея и безъ тебя—опасный.
 Остановись, обжорливый скелетъ!
 Ты губишь міръ ужъ много, много лѣтъ...
 Ты гибелью героевъ упивайся,
 Но къ красотѣ земной не прикасайся.

X.

Легко не увлекаясь и горда,
 Соблазна Аделина не боялась,
 И въ увлечьи вѣрно никогда
 Передъ собой бы даже не призналась,
 (Оставимъ этотъ пунктъ мы въ сторонѣ)
 Но чувству отдавалась вполне,
 Въ его невинность вѣря несомнѣнно...
 Та логика межъ дамъ—обыкновенна.

XI.

До Аделины сплетни всѣ дошли
 О прежней жизни юнаго Жуана,
 Но съ снисхожденьемъ женщины могли
 Знать шалости героя ихъ романа;
 Къ тому жъ теперь подъ небомъ англичанъ
 Солиднѣе гораздо былъ Жуанъ.
 Алкивиадъ второй, онъ примѣнялся
 Къ привычкамъ странъ, гдѣ самъ онъ поселялся.

XII.

Онъ именно тѣмъ нравиться умѣлъ,
 Что озабоченъ вовсе не былъ этимъ;
 Заученныхъ движеній не имѣлъ;
 Въ немъ Купидона паглаго не встрѣтимъ,
 Который видомъ самымъ говоритъ:
 «Ну, кто передо мною устоитъ?»
 Въ движеніяхъ подобнаго нахала
 Есть — ловкій франтъ, но человекъ — мало.

XIII.

Умѣнья въ этихъ дэнди вовсе нѣтъ, —
 Чтобъ былъ успѣхъ, не такъ ведется дѣло...
 Правдивъ во всемъ, Жуанъ, явившись въ свѣтъ,
 Бралъ перевѣсъ надъ всѣми ими смѣло.
 Что онъ чистосердеченъ — каждый могъ
 Въ томъ убѣдиться въ очень краткій срокъ;
 Къ тому жъ владѣлъ чарующею тайной
 Жуана голосъ нѣжно-музыкальный.

XIV.

Онъ каждымъ словомъ, взглядомъ устранялъ
 Сомнѣнье иль простое подозрѣнье.
 Безъ робости, онъ скромностью плѣнялъ,
 И сдерживать умѣлъ свои движенья.
 А скромность есть нашъ нравственный кредитъ,
 И въ ней самой награда ужъ лежитъ.
 Та истина извѣстна многимъ людямъ,
 И говорить объ этомъ мы не будемъ.

XV.

Безъ буйства весель, мило оживлень,
 Со всѣми одинаковый безъ лести,
 Былъ съ гордымъ гордъ, и въ тоже время онъ
 Съ достоинствомъ былъ очень вѣжливъ вмѣстѣ.
 Жуанъ за всѣми зорко наблюдалъ,
 Но наблюдений вслухъ не выражалъ,
 И, полный красоты и благородства,
 Не добивался въ людяхъ превосходства.

XVI.

А женщины... Онъ силой той владѣлъ,
 Чарующей ихъ всѣхъ въ одно мгновенье;
 Онъ безъ желанья нравиться умѣлъ
 И дѣйствовать на ихъ воображенье.
 Какъ? почему? Онъ не объяснять:
 Пришолся по душе и... *verbum sat*.
 Воображенью волю давъ, всѣ дамы
 Въ фантазіяхъ капризны и упрямы.

XVII.

Умѣла Аделина украшать
 Достоинствами разными предметы,
 Которые ей нравились... Такъ лгать
 Передъ собой умѣли и поэты
 И мудрецы... Изъ философій всѣхъ
 Мудрѣйшая есть — опытъ... Какъ на грѣхъ,
 Тѣ мудрецы, что по-свѣту блуждали,
 О дуракахъ живущихъ забывали.

XVIII.

Це правъ-ли я, скажи, великій Локкъ?
 И ты, Сократъ, и ты, великій Бэконъ?
 И ты земли Божественный Пророкъ?...
 Страдалъ за міръ, какъ бого-человѣкъ онъ,
 На зло ханжамъ послалъ онъ людямъ свѣтъ,
 Но гдѣ жъ за трудъ его награда?... Нѣтъ,
 Когда бъ пошли рассказывать про то мы,
 То вышли бы громаднѣйшіе томы.

XIX.

Мой постъ скромнѣй. Я съ скромнаго холма
 Всѣ тѣ явленья жизни созерцаю,
 Которыя раждаетъ жизнь сама,
 Я о триумфахъ славы не мечтаю
 И, продолжая длинный этотъ трудъ,
 Мои стихи свободные бѣгутъ
 Безъ всякаго усилія и сплина,
 Какъ болтовня близъ теплаго камина.

XX.

Я знаю, что такая болтовня
 Не требуетъ большого дарованья,
 Хоть обойтись нельзя ей безъ огня
 Бѣзъ легкости въ манерѣ созиданья;
 Но въ этихъ пѣсняхъ, долженъ я сказать,
 Подобострастья вамъ не отыскать.
 Я отдаюсь, съ стѣсненіемъ не сродный,
 Одной импровизаціи свободной.

XXI.

«Ораторомъ желаетъ Мато быть...
 Отлично и посредственно и худо
 По-временамъ ты можешь говорить...»¹
 Отлично говорить, межъ нами — чудо,
 Посредственно — доступно лишь инымъ,
 А худо — всѣ мы вмѣстѣ говоримъ.
 Все это разомъ здѣсь, три рода эти,
 Я подношу въ своемъ вамъ винигретѣ.

XXII.

Желанье это скромно, но оно
 Мнѣ служить силой въ жизни постоянно...
 Разказъ мой затянулся — все равно —
 Не думалъ я писать его пространно,
 Теперь же, гдѣ конецъ его — Богъ вѣсть.
 Мнѣ все равно: писаю журнальныхъ лестъ
 Сношу легко, какъ ихъ безцеремонность...
 Имѣю къ оппозиціи я склонность..

XXIII.

Но, впрочемъ, я всегда на сторонѣ
 Всѣхъ слабыхъ, беззащитныхъ, угнетенныхъ;
 И если бь даже сильныхъ міра мнѣ
 Пришлось увидѣть въ прахъ, оскорбленныхъ.
 Сперва я наслаждался бь ихъ стыдомъ,
 Но вѣрно измѣнился бы потомъ;
 Затѣмъ-что деспотизмъ и демократа
 Мнѣ ненавистенъ... Думалъ я, когда-то,

XXIV.

Что если бъ я зналъ меньше бѣлый свѣтъ,
 То могъ супругомъ сдѣлаться отличнымъ,
 Что далъ бы я монашескій обѣтъ,
 Не будь привычки къ склонностямъ различнымъ,
 Что бросилъ бы поэтовъ жалкій цехъ,
 Грамматику и музъ парнасскихъ всѣхъ,
 Когда бъ совѣтъ мнѣ не дали некстати,
 Чтобъ больше я не выходилъ въ печати.

XXV.

«Дорогу мнѣ!» Я рыцарей и дамъ
 Пою теперь такими, какъ являлись
 Въ житейской обстановкѣ всюду намъ.
 Тутъ нужны наблюденье и анализъ,
 Чтобы имѣлъ правдивый колоритъ
 Ихъ образъ и искусственный ихъ видъ
 При этомъ, и о томъ еще радѣя,
 Чтобы общая была во всемъ идея.

XXVI.

Сошлюсь на патентованныхъ судей:
 Когда-то люди нравы создавали,
 Теперь же нравы дѣлаютъ людей...
 И въ этомъ ошибаюсь я едва-ли.
 А потому теряется поэтъ
 И намъ поетъ иль жизнь минувшихъ лѣтъ,
 Иль новый вѣкъ, его героевъ праздныхъ,
 Безцвѣтныхъ и вездѣ однообразныхъ.

XXVII.

Но чѣмъ-нибудь украсить нужно путь.
 Впередъ же, муза! Если не умѣешь
 Взлетѣть стрѣдой, то ты должна вспорхнуть...
 А если совершенства не имѣешь,
 Суровой стань, какъ важный дипломатъ...
 Являясь въ мѣръ, какъ въ шумный маскарадъ,
 Мы для себя найдемъ же въ немъ награду...
 И такъ, впередъ!... Ужь дней не мало сряду,

XXVIII.

Достоинства Жуана оцѣня,
 Имъ занималась леди Аделина, —
 Росло ее участие день отъ дня.
 Спасти его, во-первыхъ, есть причина,
 А во-вторыхъ, ихъ дружба такъ чиста...
 Души его спасеньемъ занята,
 Рѣшилась Аделина не безъ цѣли
 Подать ему совѣтъ въ подобномъ дѣлѣ.

XXIX.

Казалось ей, что польза будетъ въ томъ,
 Хотя совѣтъ — товаръ не очень цѣнный.
 Раздумавши серьезно обо всемъ,
 Она пришла къ той мысли несравненной,
 Что Донъ-Жуана бракъ одинъ спасетъ
 Отъ безъисходной гибели, — и вотъ,
 Чтобъ Донъ-Жуанъ не могъ перемѣниться,
 Его просила тотчасъ же жениться.

XXX.

Уступчиво ей отвѣчалъ Жуанъ,
 Что онъ не прочь нисколько отъ женитьбы;
 Когда бъ ему на бракъ былъ выборъ данъ,
 То могъ тотчасъ онъ дѣло порѣшить бы,
 Но этого пока нельзя никакъ...
 Ну, словомъ, онъ готовъ вступить былъ въ бракъ,
 Когда бъ его подруга — вотъ то слово —
 Ужь не была давно женой другого.

XXXI.

Устроивши судьбу свою, дѣтей,
 Сестеръ, кузинъ, воспитанницъ, всѣ дамы
 Всю жизнь свою, до самыхъ позднихъ дней,
 Привыкли — неизмѣнно и упрямо —
 Въ устройства браковъ путаться всегда.
 Конечно, это вовсе не бѣда;
 Имъ всѣмъ одна мораль извѣстна съ дѣтства:
 Бракъ есть предохранительное средство.

XXXII.

У нихъ всегда есть драма въ головѣ,
 Гдѣ счастье супружеское полно,
 Гдѣ нѣтъ клеветъ и пищи нѣтъ молвъ,
 Гдѣ жизнь идетъ невозмутимо ровно,
 Хотя бываетъ грустный результатъ,
 Финаль, который часто, говорятъ,
 Даетъ весьма плачевныя картины
 Для мелодрамы или пантомимы.

XXXIII.

Въ запасѣ есть всегда у этихъ жонъ
 Единый сынъ съ громаднымъ состояньемъ,
 Серьбозный Джоржъ или веселый Джонъ,
 И только-можно бракосочетаньемъ
 Вновь поддержать ихъ славный, древній родъ...
 Затѣмъ у нихъ ведется вѣрный счетъ
 Невѣстамъ всѣхъ сортовъ и очертаній,
 Всѣхъ возрастовъ, цвѣтовъ и состояній.

XXXIV.

И вотъ, къ тому наслѣдницу ведутъ,
 Красавицу — тому, тому — пѣвицу,
 Другому въ жонѣ ангела даютъ,
 Тѣмъ предлагаютъ модницу и львицу,
 Съ огромными связями при дворѣ,
 Тѣмъ предлагаютъ дѣву въ той порѣ,
 Которую зовутъ у насъ цвѣтущей,
 Чтобъ мужъ съ ней кончилъ жизнь подъ мирной кущей.

XXXV.

Законовъ гармоническихъ² знатокъ,
 Раппъ изъ своей колоніи согласной
 Законный бракъ изгнать когда-то могъ,
 (Замѣчу — фактъ совсѣмъ для насъ неясный —
 Что до-сихъ-поръ колонія цвѣтетъ)
 Но для чего, стѣснивши такъ народъ,
 «Согласіемъ» именовалъ, однако,
 Онъ общество, живущее безъ брака?

XXXVI.

Приходится объ этомъ думать такъ:
 Устроилъ онъ такой разводъ межъ ними,
 Чтобъ осмѣять гармонию и бракъ;
 Но эта секта съ братьями своими
 Была богата, набожна, чиста...
 Мнѣ нравится той секты простота;
 Подобныхъ ей межъ нашихъ сектъ не знаю.
 Я лишь одно названье охуждаю.

XXXVII.

Но Раппъ противникъ ревностныхъ матронъ.
 Онѣ, къ досадѣ Мальтуса, желаютъ,
 Чтобъ росъ и множился со всѣхъ сторонъ
 Людской нашъ родъ, и сильно поощряютъ
 Всѣ средства размноженія людей...
 И вотъ, по силѣ женскихъ тѣхъ идей,
 Повсюду нынче люди такъ плодятся,
 Что нужно имъ теперь переселяться.

XXXVIII.

Читала-ль леди Мальтуса? Она
 Ту книгу вѣрно съ пользой прочитала.
 Въ ней мудрая намъ заповѣдь дана:
 «Жениться не посмѣй»... безъ капитала.
 Хоть противъ этой книги возставать
 Я не хочу, но все жь могу сказать,
 Что учить аскетизму книга эта,
 А мнѣ всегда противенъ типъ аскета.

XXXIX.

Но Аделина думала, что былъ
 Жуанъ богатъ и, въ случаѣ развода,
 Нисколько бы о средствахъ не тужилъ...
 Могла вѣдь быть бѣда такого рода,
 Что въ бракъ вступивъ, его бы струсилъ онъ
 (Иныя свадьбы въ родѣ похоронъ)
 И развелся съ женой своей... келейно...
 Сюжетъ достойный творчества Гольбейна.³

XL.

И такъ, Жуанъ обязанъ въ бракъ вступить —
 Такъ леди Аделина порѣшила —
 Но вотъ вопросъ: на комъ его женить?
 Она на многихъ взглядъ остановила:
 Миссъ Шовманъ и миссъ Новманъ — хороши,
 Миссъ Ровъ, миссъ Фловъ — какъ много въ нихъ души!
 Превыгодная партія — миссъ Редингъ,
 А также двѣ наслѣдницы Гильтбеддингъ.

XLI.

Была еще невѣста — миссъ Милльпондъ;
 Соперницъ ей не встрѣтитъ въ мірѣ цѣломъ:
 Спокойная, какъ лѣтній горизонтъ,
 Съ характеромъ, подобнымъ сливкамъ бѣлымъ;
 Когда жъ онъ возмущался иногда,
 Являлось молоко въ немъ и... вода;
 Но въ бракахъ — я хвалю удобство это —
 Нужна, порой, молочная діета.

XLII.

Была еще тамъ чопорная миссъ,
 Мечтавшая о герцогахъ... Напрасно!
 Всѣ герцоги теперь перевелись,
 Къ тому жь, какъ не была она прекрасна,
 Но знатныхъ жениховъ все нѣтъ, какъ нѣтъ,
 А потому плѣнилъ ее кадетъ
 Турецкій или русскій... Впрочемъ, это
 Почти одно и тоже въ мнѣньи свѣта.

XLIII.

Я, кажется, не кончу никогда...
 Была тамъ, наконецъ, Аврора Рэби,
 Волшебная красавица, звѣзда,
 Блиставшая въ великосвѣтскомъ небѣ,
 Сошедшее на землю божество,
 Прелестное, какъ ангелъ, существо,
 Цвѣтокъ, начавшій только распускаться...
 Казалось, къ ней легко такъ привязаться.

XLIV.

Богата, благородна и знатна,
 Она была давно уже сиротка
 И въ домъ родныхъ хорошихъ отдана...
 Ея глаза смотрѣли какъ-то кротко...
 Когда мы одиноки на землѣ,
 Задумчивость ложится на челѣ —
 И, схоронивъ все близкое въ могилу,
 Мы улыбаться можемъ черезъ силу.

XLV.

Она — дитя по виду и лѣтамъ.
 Печальная улыбка серафима
 Давала строгость дѣвственнымъ чертамъ,
 Какъ будто жизнь надъ ней бѣжала мимо,
 Какъ будто бы у входа въ рай, она
 Скорбитъ о тѣхъ, которымъ не дана
 Возможность въ этотъ мѣръ явиться снова
 Изъ царства неизвѣстнаго, иного.

XLVI.

Но рьяной католичкою всегда
 Была и оставалася Аврора,
 Быть-можетъ, потому, что въ тѣ года
 Католицизмъ всѣ покидали скоро...
 Авроры предки, гордости полны,
 Не измѣнили вѣрѣ старины —
 И, бывъ послѣдней въ родѣ, захотѣла
 За предками идти Аврора смѣло.

XLVII.

Блестящій свѣтъ Аврору не привлекъ,
 Гдѣ все такъ исковеркано и лживо...
 Она росла, какъ полевой цвѣтокъ,
 Уединенно, скромно, молчаливо,
 И всѣ благоговѣли передъ ней,
 Какъ предъ богиней царственной своей,
 Смотрѣвшею на смертныхъ съ пьедестала,
 Хотя она о томъ не хлопотала.

XLVIII.

Случилось такъ — какъ это быть могло? —
 Что въ длинный списокъ леди Аделины
 Авроры имя вовсе не вошло,
 Хоть къ пропуску нѣтъ никакой причины.
 Изъ всѣхъ невѣсть Авроры лучше нѣтъ.
 О красотѣ ея твердилъ весь свѣтъ.
 Для жениховъ отличная приманка —
 Красавица жена и христіанка.

XLIX.

Какъ въ шествиіи Тиверіа забыть
 Бюсть, Брута былъ когда-то,⁴ такъ и эта
 Забывчивость навѣрно всѣхъ дивить.
 Жуанъ, смѣясь, отъ леди ждалъ отвѣта.
 Съ презрительной улыбкою она
 Замѣтила, что имъ удивлена:
 «Что онъ нашолъ въ дѣвченкѣ этой вздорной,
 Холодной, молчаливой и притворной?»

L.

«Католики мы оба», отвѣчалъ
 Жуанъ: «мнѣ эта партія — прилична,
 Иначе бѣ мать свою я напугалъ;
 Къ тому жь и папа можетъ...» Тутъ нервично
 Рѣчь эту Аделина прервала
 И повторять упорно начала
 Все то, что ужъ и прежде говорила...
 Въ томъ повтореньи, право, скрыта сила.

LI.

Причинъ справедливой не вредятъ,
 Я думаю, нисколько повторенья,
 Когда жь во лжи увѣрить насъ хотятъ, —
 Настойчивость полезна въ ложномъ мнѣннѣ:
 Сто разъ одну и ту же ложь скажи
 И цѣлый міръ — глядишь — ужь вѣритъ лжи.
 Какіе бь средства въ спорѣ не имѣли,
 Все дѣло въ томъ, чтобъ намъ достигнуть цѣли.

LII.

Откуда жь въ Аделинѣ родилось
 Къ невѣстѣ молодой предубѣжденье?
 Откуда — щекотливѣйшій вопросъ —
 Составилось о ней такое мнѣнье?
 Была великодушною она,
 А между тѣмъ... природа всѣмъ дана
 Капризная — и всѣ капризы эти
 Едва-ли перечислишь въ нашемъ свѣтѣ.

LIII.

Быть-можетъ, не любила потому
 Она Аврору Рэби, что глядѣла
 Аврора, не дивясь со всѣмъ тому,
 Что въ свѣтѣ смыслъ особенный имѣло
 И не цѣнила вовсе мелочей,
 Которыя всегда казались ей
 Ненужными для жизни... Можетъ-статься,
 Тѣмъ самымъ леди стала обижаться.

LIV.

Но зависти въ ней не было... О, нѣтъ!..
 Она къ ней не питала и презрѣнья:
 Ребенокъ, вновь вошедшій только въ свѣтъ,
 Не возбуждалъ презрительнаго мнѣнья.
 И ревности въ ней не было... Увы!
 Труднѣй рѣшить для всякой головы,
 Что это, наконецъ, такое было?
 Исторія пока не разрѣшила.

LV.

Предположить Аврора не могла,
 Что ею занимались такъ много.
 Скромна, благоуханна и свѣтла,
 Кругомъ она смотрѣла грустно-строго,
 И если бы узнала, что объ ней
 Такъ много было толковъ и рѣчей,
 Что жизнь ея предметомъ служить спора —
 Спокойно улыбнулась бы Аврора.

LVI.

Смотрѣла Аделина съ висока,
 Аврорѣ не внушая уваженья.
 Она глядѣла такъ на червяка,
 Блиставшаго на вѣткѣ — и въ мгновенье
 На звѣзды обращала дѣтскій взглядъ,
 Которыя божественнѣй блестятъ...
 А Донъ-Жуанъ ей былъ извѣстенъ мало:
 Она его еще не разгадала,

LVII.

Извѣстностью его не смущена...
 У многихъ дѣвъ есть идеалъ мужчины:
 Какой-то соблазнитель, сатана,
 Пороковъ ослѣпительныхъ картины
 Являются имъ въ грѣзахъ; но она
 Была умна и столько холодна,
 Что сновъ такихъ еще не испытала
 И призраковъ героевъ не искала.

LVIII.

Жуанъ понять Авроры не сумѣлъ...
 Она на Гайде вовсе не похожа,
 Хоть у дикарки взоръ былъ также смѣлъ
 Не меньше хороша, но больше строже
 Была Аврора... Жизнь ихъ создала
 Совсѣмъ иначе. Разница была
 Межъ ними — объясню теперь я разомъ —
 Какъ межъ цвѣткомъ и дорогимъ алмазомъ.

LIX.

Къ сравненіямъ подобнымъ я привыкъ.
 Теперь впередъ, покуда есть охота...
 «Могу начать воинственный свой кликъ»,
 По выраженью друга Вальтеръ-Скотта.
 О, Скоттъ! — ты пѣлъ про рыцарей, рабовъ...
 Тебя бѣ всѣхъ выше ставить я готовъ,
 Когда бѣ еще во мнѣ не билась вѣра
 Въ великаго Шекспира и Вольтера.

LX.

И такъ я съ музой вѣтренной хочу
 Надъ обществомъ, какъ прежде, забавляться.
 Описывая свѣтъ, я не хочу
 Его вниманья, славы добиваться...
 Вокругъ меня толпа враговъ растеть...
 Объ этомъ, впрочемъ, зналъ я напередъ;
 Теперь я знаю ихъ — и все жь при этомъ
 Останусь не со всѣмъ плохимъ поэтомъ.

LXI.

Бесѣда не совсѣмъ была сладка
 У леди Аделины съ Донъ-Жуаномъ:
 И горечь примѣшалась къ ней слегка.
 Упорствуя въ своемъ желаньи рьяномъ,
 Она не уступала... Въ этотъ срокъ
 Прервалъ ихъ совѣщаніе звонокъ,
 Гласившій всѣмъ о близости обѣда...
 И этимъ ихъ окончилась бесѣда.

LXII.

Великія событія у насъ
 За пиршествомъ свершаются повсюду,
 Но если музы, бросивъ свой Парнасъ,
 Увидятъ вкуса нашего причуду,
 Все что умѣлъ придумать гастрономъ,
 Какъ будутъ говорить они о томъ,
 Чѣмъ мы себя питаемъ за обѣдомъ:
 Рецептъ обѣдовъ тѣхъ для нихъ не вѣдомъ.

LXIII.

Тамъ былъ прекрасный «Soupe à la bonne femme»,
 Богъ знаетъ онъ откуда появился;
 Подъ соусомъ была индѣйка тамъ;
 Тамъ былъ... О, старый грѣшникъ! — я пустился,
 Въ обѣденные стансы... Каково?
 Тамъ былъ поставленъ «Soupe à la Beauveau»,
 Приправленный и рыбой и свиной...
 Однако нужно общую картиной

LXIV.

Обрисовать всѣ прелести стола,
 Чтобъ муза въ крайность слишкомъ не вдавалась,
 Хотя она забавною была,
 И многимъ очень часто увлекалась,
 Но все-таки ни сколько не грѣшить
 Неуваженьемъ къ слову: «аппетитъ»...
 Какъ видите, для разныхъ поясненій
 Я не могу избѣгнуть отступленій.

LXV.

Была тамъ семга, дичь «à la Condé»,
 «Женевскій соусъ», четверть вепря, вина,
 Какихъ не сыщемъ мы теперь ни гдѣ,
 Былъ окорокъ вестфальскій, словно льдина —
 Холодный. Появилось потомъ
 Шампанское живое за столомъ
 Играя пѣной, бѣлою и чистой,
 Какъ Клеопатры жемчугъ серебристый.

LXVI.

Богъ вѣсть еще что было — «à l'allemande»,
 «A l'espagnole», и «salpicon», «timballe», и...
 Необходимъ особенный талантъ
 Все описать, что за столомъ встрѣчали
 И истребляли гости безъ труда,
 Мечтая о минутѣ той, когда
 Ъсть съ трюфелями будутъ куропатокъ...⁵
 О, слава! гдѣ твой жалкій отпечатокъ?

LXVII.

Что значить лавръ героя предъ одной
 Зажаренной искусно куропаткой?
 Лишь пыль и прахъ. Гдѣ добытый войной
 Триумфъ, почетъ душѣ героя сладкій?
 Куда жь они дѣвались? Ихъ ужь нѣтъ,
 Какъ нѣтъ обѣдовъ прошлыхъ и побѣдъ...
 Герои! вотъ рѣшеніе загадки:
 Вашъ блескъ короче славы куропатки.

LXVIII.

Но трюфели съ «petits puits d'amour»
 Въ искусствѣ поваренномъ — тоже чудо...
 По-моему, тотъ счастливъ черезчуръ,
 Кто можетъ часто есть такое блюдо.
 Забывши всѣ пристрастія свои,
 Должны мы признавать «petits puits»
 Изящнымъ блюдомъ, самымъ утонченнымъ
 И дорогимъ всѣмъ людямъ посвященнымъ.

LXIX.

О, умъ людской! — тебѣ предѣловъ нѣтъ.
 Какъ этому никто не подивился:
 Адама везатѣйливый обѣдъ
 Въ особую науку обратился,
 Искусствомъ вышпимъ сдѣлался потомъ,
 Заботясь, чтобы строгій гастрономъ,
 Какъ неразборчивый бѣднякъ иль нищій,
 Себѣ желудка 'не разстроилъ пищей.

LXX.

Звѣнять стаканы, челюсти жуютъ,
 Всѣ пресерьозно заняты обѣдомъ,
 Но съ меньшею охотой этотъ трудъ
 Свершаютъ въ залѣ дамы: имъ не вѣдомъ
 Весь блескъ гастрономическихъ затѣй,
 А также молодежь въ средѣ гостей
 Не столько занималася ѣдою,
 Какъ болтовней съ сосѣдкой молодою.

LXXI.

Въ молчаніи я долженъ пропустить
 Рагу изъ дичи жареной и супы...
 Я не могу въ поэмѣ говорить
 О ростбифѣ... Стихи бы вышли глупы,
 Когда бы я капусту вставилъ въ стихъ...
 По-этому, я становлюся тихъ
 И скромнаго бекаса описанье
 Не допущу въ свое повѣствованье.

LXXII.

Тебя плоды съ десертомъ ждуть, о вкусъ.
 Иль лучше, о подагра! Но была-ли
 Она у васъ? — рѣшить я не берусь,
 Но въ ней меня еще не упрекали,
 Хотя — какъ поручиться мнѣ впередъ? —
 Быть-можетъ и ко мнѣ она придетъ
 И вы, читатель, съ нею подружитесьъ,
 А потому, покамѣстъ — берегитесь!..

LXXIII.

А васъ, оливки, спутницы вина,
 Я пропущу, чтобъ не навѣять скуки,
 Межъ тѣмъ какъ васъ любилъ я издавна
 Въ Испаніи и въ Греціи и въ Луккѣ.
 Какъ Діогенъ, на берегу не разъ
 Я истреблялъ, оливки, съ хлѣбомъ васъ.
 Душистый дернъ, съ его росой перловой,
 Тогда служилъ мнѣ скатертью столовой.

LXXIV.

Среди смѣшенья разныхъ винъ и блюдъ,
 Въ порядкѣ установленномъ и чинномъ
 Сидѣли гости. Донъ-Жуанъ былъ тутъ,
 Усѣвшись передъ этимъ блюдомъ дивнымъ —
 «А l'espagnole» — о немъ я говорилъ.
 Я съ дамой это блюдо бы сравнилъ:
 Великолѣпно, какъ иная леди,
 И также аппетитно на обѣдѣ.

LXXV.

Благодаря случайности, онъ сѣлъ
 Межъ леди Аделиной и Авророй.
 Въ подобномъ положеньи, кто бѣ имѣлъ
 И аппетитъ — обѣдъ бы бросилъ скоро.
 Къ тому же совѣщаніе... потомъ,
 Слѣдя за милымъ юношей тайкомъ,
 Съ нимъ леди говорила очень мало,
 Но каждое движеніе замѣчала.

LXXVI.

У глазъ есть уши... Право, иногда
 Я думалъ такъ. То — женская наука.
 Прелестныя созданья безъ труда
 Умѣютъ понимать слова внѣ звука.
 Какъ ангеламъ доступенъ дивный хоръ
 Небесъ, такъ очень длинный разговоръ
 Понять иная женщина готова,
 Хоть изъ него не слышала ни слова.

LXXVII.

Аврора оставалась холодна,
 Къ словамъ Жуана очень равнодушна.
 Изъ всѣхъ обидъ особенно страшна —
 Небрежность въ разговорѣ. Это скучно
 И этимъ былъ уколотъ Донъ-Жуанъ.
 Такъ льдами Ледовитый океанъ
 Корабль несчастный грозно затираетъ...
 Жуанъ напрасно умъ свой напрягаетъ - -

LXXVIII.

На всѣ его шутливыя слова
 Красавица едва-лишь отвѣчала
 И въ сторону, гдѣ онъ сидѣлъ, едва
 Разсѣянные взоры обращала.
 Что это — гордость, скромность?.. Это мнѣ
 Не вѣдомо, къ несчастью... Въ сторонѣ
 Слѣдила Аделина за бесѣдой
 И свѣтлый взглядъ ея сверкала побѣдой.

LXXIX.

Онъ для Жуана смыслъ имѣлъ такой:
 «Не я-ли вамъ объ этомъ говорила!»
 Я думаю, что возмутить покой
 Такой упрекъ... Она его дразнила, —
 Ея триумфъ въ глазахъ легко прочесть, —
 А это можетъ заживо задѣть
 И шутку обратить случайно въ дѣло...
 Раздраженный Жуанъ пустился смѣло

LXXX.

Прекрасную сосѣдку занимать,
 Приискивалъ мотивъ для разговора,
 Изысканно старался развлекать,
 Тамъ что рѣшилась даже миссъ Аврора
 Задумчивость на время перервать
 И стала безъ небрежности внимать
 Тогда его бесѣдѣ оживленной,
 Съ улыбкою довольно благосклонной.

LXXXI.

Сначала отвѣчала, а потомъ
 И перешла къ вопросамъ не замѣтно,
 Что дѣлала не часто и съ трудомъ;
 На то смотрѣла очень не привѣтно
 Ревнивая миледи: что, какъ ледъ
 Растаетъ вдругъ и разомъ попадетъ
 Жуанъ подъ обаяніе кокетки?..
 Случайности подобныя не рѣдки.

LXXXII.

Но миссъ такой кокеткой не была...
 А Донъ-Жуанъ былъ такъ разнообразенъ:
 Врожденная способность въ немъ жила —
 Онъ кстати молчаливъ былъ и развязенъ,
 Онъ обладалъ искусствомъ вызывать
 Людей на откровенность, показать
 Умѣлъ благоговѣнье иль вниманье
 Безъ всякаго фразерства и кривлянья.

LXXXIII.

Сперва его Аврора приняла
 За болтуна, какихъ кругомъ не мало,
 И за льстеца... Но скоро начала
 Смотрѣть не такъ: Жуана лестъ плѣняла
 Своею скромной, гордой простотой,
 Манерой обаятельною той,
 Которая изящно-деликатна,
 Въ самомъ противорѣчїи прїятна.

LXXXIV.

Къ тому же, такъ хорошъ собою онъ,
 А этотъ пунктъ давно уже признали
 Всѣ женщины рѣшительно нем. соп., ⁶
 Что ихъ ведетъ (скажу не безъ печали)
 Къ grm. соп. ⁷ Но пусть о томъ въ родной странѣ
 Присяжные толкуютъ, а по мнѣ
 Красивая наружность лучше, право,
 Любой изъ книгъ, гдѣ до конца все здраво.

LXXXV.

Аврора жизнь по книгамъ поняла
 (Всѣ дѣвушки въ познаньи жизни слабы);
 Она читать на лицахъ не могла;
 Она Минервѣ грацій предпочла-бы,
 Но красота — всеильна... Говорять,
 Въ той тайнѣ признавался самъ Сократъ,
 Что въ красотѣ какая-то есть сила,
 Которую въ немъ мысль не подавила.

LXXXVI.

По этому всегда въ шестнадцать лѣтъ
 Всѣ дѣвушки похожи на Сократа
 И, какъ Сократъ, невинны. Старъ и сѣдъ,
 По моему, мудрецъ тотъ могъ когда-то
 Фантазіи Платона раздѣлять,
 Какъ и любая дѣвушка, читать,
 Могла теперь — Платона «Разговоры»,
 Склонивши цѣломудренные взоры.

LXXXVII.

Замѣтите: если мною иногда
 Приводятся два мнѣнія различныхъ,
 То мнѣніе послѣднее всегда
 Бываетъ лучше. Правиль тѣхъ обычныхъ
 Держусь я постоянно на пути,
 И даже мнѣнье третье привести
 Могу, когда... найдется третье мнѣнье...
 Всѣ люди уважаютъ очень пренья,

LXXXVIII.

Противорѣча часто. Отчего жь
 И я противорѣчить имъ не стану?
 Но, впрочемъ, признаюсь вамъ, это — лѣжь.
 Я къ этому не склоненъ, какъ къ обману.
 Тотъ ничего не можетъ отрицать,
 Кто сомнѣвается во всемъ... Какъ знать,
 Мы истину найдемъ-ли въ мѣрѣ скоро,
 А потому намъ вымыселъ — опора.

LXXXIX.

Сонены, басни, оды, апологъ —
 Все это ложь, но можетъ быть и вѣрно
 Для тѣхъ людей, кто въ нихъ съ талантомъ могъ
 Мысль выразить для всѣхъ не лицемѣрно
 И сѣмя въ почву сильную бросалъ.
 А что такое — басня? — мадригалъ
 Тому, что признается общимъ мнѣньемъ
 Счастливымъ, очень рѣдкимъ исключеньемъ

ХС.

Во многомъ міръ людей несправедливъ,
 Но, можетъ-быть, откроется въ грядущемъ,
 Что онъ былъ правъ. Законъ судьбы игривъ.
 А все-таки предъ обществомъ живущимъ
 Пускай опять появится пророкъ...
 Для насъ прошолъ ужъ слишкомъ долгій срокъ,
 За поколѣньемъ жило поколѣнье
 И въ тряпки истрепалися всѣ мнѣнья.

ХСІ.

Опять!... Я метафизики бѣгу,
 Отъ всевозможныхъ споровъ удаляюсь,
 То иногда забудусь на бѣгу
 Капризныхъ строфъ и тотчасъ увлекаюсь,
 Толкуя часто — толковъ всѣхъ не счесть —
 О томъ, что было, будетъ или есть,
 Хоть вѣры у меня не очень много
 Въ ученья мудреца или теолога.

ХСІІ.

Оставлю богословье въ сторонѣ
 Съ неясной метафизикой... Однако
 Въ политикѣ желательнo бы мнѣ
 Совѣтъ дать Джону Булю, чтобъ изъ мрака
 На нашъ подлунный міръ онъ поглядѣлъ...
 Негодованьемъ часто я кипѣлъ,
 Смотри на то, какъ жалкіе деспоты
 Законы попираютъ безъ заботы.

ХСІІІ.

Политика и набожность... О нихъ,
 Порой, пишу совсѣмъ не для веселья
 Своихъ друзей, читателей своихъ...
 Всегда имѣю нравственную цѣль я:
 Исправить развратившійся нашъ свѣтъ,
 Гдѣ правду замѣняетъ жалкій бредъ.
 Теперь же глухъ ко всякимъ обвиненьямъ,
 Займусь я сверхъестественнымъ явленьемъ.

ХСІV.

Отъ этой цѣли я не отрекусь,
 Всѣ доводы оставивъ безъ вниманья...
 По истинѣ, понять я не берусь
 Иныхъ людей напрасное старанье
 Въ моихъ стихахъ найти какой-то ядъ.
 Они невинны также, какъ и рядъ
 Стиховъ другихъ поэтовъ современныхъ,
 Тоскливыхъ, величаво-монотонныхъ.

ХСV.

Нахмуренный читатель! неужель
 Вы въ жизни не видали привидѣній?
 Постойте — у меня теперь есть цѣль
 Въ васъ вызвать трепетъ сильныхъ ощущеній.
 Не думайте, что я трунить хочу...
 Ей-богу, нѣтъ! Я вовсе не шучу
 Надъ тѣмъ, что и таинственно и странно...
 Я въ привидѣнья вѣрилъ постоянно.⁸

XCVI.

Смѣтаете вы? Отлично... Убѣжденъ
 Я былъ всегда, что есть мѣста на свѣтѣ,
 Гдѣ бродятъ привидѣнья, бросивъ сонъ...
 Но гдѣ жь мѣста невѣдомыя эти?..
 «О, тѣни могутъ страхомъ охватить
 Ричарда душу...»⁹ Что же, можетъ-быть,
 И у меня есть также предрасудки.
 Я говорю теперь совсѣмъ безъ шутки.

XCVII.

Ночь... (чаще ночью я пишу) темна.
 Сова кричитъ, умолкнетъ, крикнетъ снова...
 Портреты предковъ древнихъ съ пологна
 Глядятъ изъ полу-мрака такъ сурово...
 Зачѣмъ у нихъ такой ужасный взглядъ?
 Каминъ потухъ и угли чуть горять.
 Мракъ... тишина... Кругомъ я осмотрѣлся
 И думаю, что долго засидѣлся.

XCVIII.

Вотъ почему, теперь не расскажу
 Таинственного, страннаго разсказа.
 Отъ обаянья ночи я дрожу
 И съ языка не сходитъ смѣло фраза.
 Я до утра сказанье отложу,
 Но утромъ очень ясно докажу
 На сколько суевѣренъ я, давъ право
 За это обвинить меня лукаво.

ХСІХ.

Жизнь — есть звѣзда; межъ ночью и зарей
Она плыветъ... О, что извѣстно людямъ —
Кто мы съ своею жалкою судьбой,
И чѣмъ потомъ на этомъ свѣтѣ будетъ?
Потокъ вѣковъ, какъ мыльныхъ пузырей
Сметааетъ властелиновъ и царей,
Лишь тамъ и сямъ виднѣются могилы
Погибшихъ царствъ и въ прахъ разбитой силы.

ПѢСНЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

I.

Дѣтей учили персы тремъ вещамъ:
Вздѣ верхомъ, стрѣлянiю изъ лука
И языку правдивому... Какъ тамъ,
Межь нами таже принята наука;
Но лукъ у насъ съ двойною тетивой,
У насъ наѣздникъ скачетъ, какъ шальной,
И хоть нерѣдко лжемъ мы почему-то,
За то сгибаемъ шею очень круто.

II.

Откуда появился тотъ порокъ —
Не знаю я, — читатель, не взыщи ты!...
Но хочется сказать мнѣ пару строкъ,
Похвальныхъ строкъ для собственной защиты:
Изъ всѣхъ теперь живущихъ въ мiрѣ музъ,
Всѣхъ искреннѣй — моя... Я въ томъ клянусь:
Она болтаетъ много, но не лжива,
И въ вымыслахъ своихъ всегда правдива.

III.

Перебирая многое слегка,
 Она стоять за правду всюду рада,
 И если рѣчь ея, порой, горька,
 То все-таки не столько, сколько надо.
 Скорѣе въ томъ виновнѣе она,
 Что горечь въ ней еще не такъ сильна:
 Мы объ одномъ съ ней говорить старались —
 О «rebus cunctis et quibusdam aliis».

IV.

Изъ многихъ истинъ лучшей будетъ та,
 Которую расскажетъ муза дальше...
 Она теперь вопросомъ занята —
 О привидѣнны. Этотъ фактъ, безъ фальши,
 Серьезно я доказывать готовъ...
 Пора жь молчать заставить простаковъ,
 Подобныхъ прежнимъ скептикамъ, которымъ
 И самъ Колумбъ казался сущимъ вздоромъ.

V.

Изъ хроникъ Турпина или Жоффри
 Извѣстна многимъ новая картина
 Чудесныхъ происшествій, или — зри:
 «Сказанія Святаго Августина».
 Онъ вѣру въ невозможное постигъ
 И всѣ вопросы спорные привыкъ
 Всегда рѣшать единымъ словомъ смѣло,
 И — «quia impossibile» гремѣдо.

VI.

А потому вы, смертные, должны
 Повѣрить въ очень многое, повѣрить
 Въ загадки непонятныя, какъ сны:
 Вамъ собственнымъ умомъ ихъ не измѣрить,
 И если что особенно темно,
 Вы вѣрьте въ это тоже — все равно...
 Я на-слово во многое самъ вѣрю
 И — вѣрьте — въ этотъ мигъ не лицемѣрю.

VII.

Нашъ цѣлый міръ почти шесть тысячъ лѣтъ
 Былъ убѣжденъ, что могъ изъ-за могилы,
 Порой, являться духъ на этотъ свѣтъ...
 Напрасно умъ собиралъ подѣ часъ всѣ силы,
 Чтобъ вѣру ту убить въ толпѣ людей,
 Но, не смотря на силу всѣхъ идей,
 Еще живетъ могущество той вѣры...
 Такъ пусть кричатъ, что это все химеры!...

VIII.

Обѣдъ и ужинъ кончены. Гурьбой
 Всѣ гости постепенно удалились.
 Какъ таетъ въ небѣ облако, порой,
 Последнія красавицы сокрылись.
 Молчанье воцарилось вездѣ,
 Лишь свѣчи догараютъ кое-гдѣ,
 Да въ окна залы мѣсяцъ восходящій
 Бросалъ свой свѣтъ унылый и дрожащій.

IX:

Минута та, когда оконченъ балъ,
 Похожа на шампанское безъ пѣны,
 Которое на днѣ хранить бокаль;
 Она похожа также (вотъ для смѣны
 Сравненіе другое) на волну,
 Когда не будить вѣтеръ тишину,
 И послѣ непогоды грозной, бурной
 Спокоенъ и недвиженъ сводъ лазурный.

X.

На опиумъ похожа... Таково
 И наше сердце: нѣтъ ему сравненья,
 Нѣтъ параллели вѣрной для него...
 Такъ тирскій пурпуръ возбуждалъ сомнѣнья —
 Какою краской выкрашенъ былъ онъ...
 Но пусть въ лохмотья будетъ истребленъ
 До доскутка — съ полы и до кармана —
 Нарядъ великолѣпнаго тирана.

XI.

Мученіе — примѣривать нарядъ,
 Но раздѣваться тоже есть мученье
 И иногда насъ тяготитъ нарядъ,
 Какъ платье Несса. ¹ Не безъ утомленья
 Титъ говоритъ: «мой день — потерянь!»... Намъ,
 Сведя итогъ всѣмъ днямъ и вечерамъ,
 Приходится придти къ той грустной вѣрѣ,
 Что каждый день прошелъ не безъ потери.

XII.

Жуанъ — одинъ. Всѣмъ вечеромъ смущонъ,
 Съ волненіемъ онъ думалъ объ Аврорѣ
 И находилъ, позабывая сонъ,
 Особый блескъ въ ея печальномъ взорѣ.
 При этомъ настроеніи души,
 Онъ лучше бѣ философствовалъ въ тиши,
 Себя анализировать старался, —
 Но Донъ-Жуанъ лишь вздохамъ предавался.

XIII.

Да, онъ вздыхалъ... А прямо изъ окна
 Луна смотрѣла дѣвственно и ясно.
 Извѣстно, что полночная луна
 Мечтательнымъ любовникамъ опасна.
 Жуанъ, отдавшись прихоти мечты,
 Способенъ былъ воскликнуть ей: «О, ты!»
 Давъ волю чувству, нѣсколько больному,
 «Ты» говорилъ онъ спутнику земному.

XIV.

Любовникъ, земледѣлецъ и поэтъ
 Вкушали ядъ мечтательности сладкой,
 Любуясь на блѣдный, лунный свѣтъ,
 (Мечты смѣнялись часто лихорадкой)
 Ей тайны повѣряли... О, луна!
 Магическимъ вліяньемъ ты полна;
 Тебѣ мы повѣряемъ радость, горе;
 Тебѣ послушны волны въ темномъ морѣ.

XV.

Жуанъ сидѣлъ задумчиво, безъ сна
 И въ собственныя думы углубился,
 А въ общей тишинѣ изъ-за окна
 Всплескъ озера до слуха доносился;
 Да листьями шептался темный садъ,
 Да серебрился въ зелени каскадъ,
 Порою пропадая средь тумана...
 Мысль далеко умчала Донъ-Жуана.

XVI.

Блистая ярко лампа на столѣ
 (А, можетъ-статься, и на туалетѣ).
 Со взорами склоненными къ землѣ,
 Жуанъ стоялъ у ниши; въ полу-свѣтѣ
 Виднѣлась тамъ старинная рѣзьба,
 Которую капризная судьба
 Не тронула косою разрушенья,
 Какъ прежняго богатства отраженье.

XVII.

Прекрасной, свѣтлой ночью увлечёнъ,
 Дверь за собою тихо затворяя,
 Пошелъ по галлерей темной онъ.
 Простѣнки галлерей украшая,
 Глядѣли предки изъ портретныхъ рамъ —
 Изображенья рыцарей и дамъ.
 Портреты ихъ при блѣдномъ освѣщеньи
 Смотрѣли, какъ нѣмая привидѣнья.

XVIII.

Идете вы — и, кажется, тогда
 За вами оживаютъ всѣ портреты,
 Висѣвшіе тамъ многіе года,
 Таинственною дымкою одѣты.
 Вы слышите какъ будто ихъ упрекъ:
 Зачѣмъ вы перешли чрезъ ихъ порогъ
 И это царство мертвыхъ разбудили,
 Уснувшее давно здѣсь, какъ въ могилѣ.

XIX.

Хоть нѣтъ давно слѣдовъ ихъ красоты,
 Озарены полными звѣздами,
 Какъ будто оживаютъ ихъ черты,
 Ихъ кудри разсыпаются волнами,
 Въ гробу своемъ истлѣвшія давно...
 Глаза блестятъ, но въ тѣхъ глазахъ темно.
 На ихъ глаза смерть наложила рѣзко
 Печать меланхолическаго блеска.

XX.

О мимолетномъ счастьѣ на землѣ
 Задумался Жуанъ, но въ то мгновенье,
 Какъ будто что-то странное во мглѣ
 Зашевелилось, точно привидѣнье.
 Но, можетъ-статься, это мышъ скребла?
 Она людей подъ часъ пугать могла...
 И мышъ шорохъ тихій и движенье
 Пугало по ночамъ воображенье.

XXI.

Жуанъ глядитъ... О, чудо! то монахъ
 Въ немъ возбудиль испугъ, волненья эти...
 Подъ вапишономъ, съ четками въ рукахъ,
 Онъ иногда мелькаль при лунномъ свѣтѣ.
 Вотъ ближе... ближе... мимо проскользнулъ
 И, бросивъ взглядъ сверкающій, взглянулъ
 На Донъ-Жуана мрачно мимоходомъ
 И вдругъ исчезъ вдали подъ темнымъ сводомъ

XXII.

Жуанъ окаменѣль... Его молва
 О привидѣнны замка забавляла.
 Онъ принималъ подобныя слова
 За суевѣрье!.. Чья же тѣнь блуждала
 Теперь предъ нимъ, вотъ въ этотъ самый часъ?..
 Что это — сонъ? обманъ случайный глазъ?
 Жуанъ глядѣль и снова удивилсѣ:
 Предъ нимъ монахъ таинственный явился.

XXIII.

Кто онъ? созданье неба иль земли?..
 Не говоря, безъ слова и безъ жеста,
 Слѣдилъ за нимъ испанецъ изъ дали,
 Подняться былъ не въ состоянны съ мѣста.
 Онъ чувствовалъ, какъ на его вискахъ
 Прилипли кудри .. «Кто же ты, монахъ?»
 Жуанъ хотѣль спросить — и не рѣшалсѣ:
 Языкъ служить Жуану отказалсѣ.

XXIV.

Три раза тѣнь прошла и наконецъ
 Изчезла. Но куда же могъ укрыться,
 Гдѣ могъ пройти таинственный чернецъ?
 Но выходовъ есть много: отвориться
 Могла любая дверь его рукой...
 Но Донъ-Жуанъ испытывалъ такой
 Невольный страхъ, что дать не могъ отвѣта:
 Гдѣ проскользнуть могло видѣнье это?

XXV.

Какъ статуя, онъ съ мѣста не сходилъ,
 Окаменѣвъ отъ ужаса и страха,
 И отъ угла онъ глазъ не отводилъ,
 Гдѣ видѣлъ привидѣніе монаха...
 Вотъ онъ очнулся будто бы отъ сна...
 Душа его видѣньемъ смущена:
 Ему тотъ призракъ точно не приснился...
 Жуанъ въ покой свой тихо удалился.

XXVI.

Въ немъ все было, какъ прежде... Яркій свѣтъ
 На туалетѣ лампа разливала...
 Тайственности тѣни даже нѣтъ.
 Жуанъ взялъ книжку стараго журнала,
 Желая испытать себя слегка:
 Ему попалась смѣлая строка,
 Гдѣ въ короля бросаютъ эпиграмму —
 Потомъ нашелъ о ваксѣ онъ рекламу.

XXVII.

Жуанъ постигъ, что это былъ не сонъ.
 А между тѣмъ рука его дрожала,
 Дверь заперевъ и сильно утомленъ,
 Онъ бросился въ постель подъ одѣяло.
 Раздумывалъ минуты три о томъ
 Явленьи непонятномъ, но потомъ,
 Позабывая образъ привидѣнья,
 Жуанъ уснулъ, уснулъ въ одно мгновенье.

XXVIII.

Жуанъ проснулся рано. Какъ тутъ быть?
 Рассказывать о случаѣ той ночи,
 Иль умолчать? Какъ это разрѣшить?...
 Вѣдь умолчать гораздо бы короче...
 Жуанъ смущенъ... Но вотъ онъ слышитъ стукъ:
 Къ нему вошелъ одинъ изъ ловкихъ слугъ,
 Привыкшихъ всюду вѣ-время являться,
 И объявилъ, что нужно одѣваться.

XXIX.

Какъ юноша, Жуанъ всегда любилъ
 Потщательнѣй заняться туалетомъ,
 Но онъ себѣ въ то утро измѣнилъ.
 Взглянувъ небрежно въ зеркало, при этомъ
 Замѣтить не умѣлъ иль не хотѣлъ,
 Что видъ совсѣмъ разстроенный имѣлъ:
 Что послѣ ночи, бывши не причѣсанъ,
 И не коснулся даже до волосъ онъ.

XXX.

Явившись въ залу, молча сѣлъ Жуанъ
 Передъ стаканомъ; кофе онъ замѣтилъ
 Лишь потому, что былъ горячъ стаканъ...
 Что онъ взволнованъ — каждый бы примѣтилъ,
 И Аделина первая нашла,
 Что онъ встревоженъ, только не могла
 Причины угадать его смущенья...
 Замѣтила она въ одно мгновенье,

XXXI.

Что блѣденъ онъ — и поблѣднѣла вдругъ...
 За этимъ что-то тихо прошептала.
 Въ то время произнесъ ей супругъ,
 Что на тартинкахъ масла очень мало...
 Фицъ-Фолькъ сидѣла молча у стола,
 Смотри на Донъ-Жуана. Не могла
 Аврора объяснить его волненья —
 И въ ней замѣтно было удивленье.

XXXII.

Замѣтя, что Жуанъ сидѣлъ смущонъ,
 Спросить рѣшилась леди Аделина:
 Разстроены чѣмъ, иль просто боленъ онъ?
 Жуанъ замылся: «Нѣтъ... да, есть причина...»
 Домашній врачъ, сидѣвшій также тутъ,
 Взялъ на себя обязанность и трудъ
 Пощупать пульсъ у блѣднаго больнаго.
 — «По я здоровъ совсѣмъ... даю вамъ слово...

XXXIII.

— «Здоровъ совсѣмъ, но только...нѣтъ»... Отвѣтъ
 Такой не могъ казаться очень связнымъ...
 Къ тому же видъ, лица неровный цвѣтъ
 Всѣхъ приводилъ къ предположеньямъ разнымъ.
 Но такъ какъ о своей болѣзни онъ
 Былъ болѣе молчать расположенъ,
 То не въ врачѣ нуждался, вѣроятно,
 А вѣрно въ томъ, что болѣе приятно.

XXXIV.

Тартинки съѣвъ и выпивъ шоколадъ,
 Замѣтилъ лордъ, что Донъ-Жуанъ былъ скученъ,
 Потомъ на герцогиню бросивъ взглядъ,
 Спросилъ, давно ль отъ герцога полученъ
 Отвѣтъ. Ея сіятельство тотчасъ
 Сказала лорду, вовсе не смутясь,
 Что у его сіятельства больного
 Явилася въ ногахъ подагра снова.

XXXV.

За тѣмъ Жуану лордъ сказалъ: — Увы,
 Рѣшительно узнать васъ невозможно.
 Смотри на васъ, подумаешь, что вы
 Съ монахомъ чернымъ встрѣтились. — Тревожно,
 Желая скрыть волненіе и страхъ,
 Спросилъ Жуанъ: какой это монахъ?
 О томъ спросивъ какъ будто бы случайно,
 Онъ покраснѣлъ при этомъ чрезвычайно.

XXXVI.

«Какъ! Вы не слышали, другъ мой, никогда
 О привидѣннѣи чернаго монаха? ²
 Онъ здѣсь являлся въ прошлые года...
 Но, впрочемъ, велики глаза у страха,
 Преданьямъ вѣрить на слово нельзя.
 Своимъ видѣньемъ рѣже намъ грозя
 Или утративъ смѣлость, можетъ статься,
 Монахъ не часто въ замкъ сталъ являться.

XXXVII.

«Въ послѣднѣй разъ...» — «Нельзя-ли васъ просить
 Такъ Аделина лорда перебила,
 (Замѣтя что Жуанъ не можетъ скрыть
 Волненія: оно ей странно было),
 «Для шутки выбрать тему веселѣй...
 Исторія старинная — и въ ней
 Лишь только видны предковъ предрасудки...
 Пожалуйста, оставьте ваши шутки».

XXXVIII.

«Шутить! воскликнулъ лордъ тогда, — ни чуть!...
 Припомните: намъ послѣ свадьбы скоро
 Являлась тѣнь...» Тогда, чтобъ какъ нибудь
 Перемѣнить неловкость разговора,
 Вдругъ Аделина къ арфѣ подошла,
 Слегка коснулась струнъ и начала
 Наигрывать мотивъ довольно новый:
 «Жилъ былъ монахъ, монахъ старикъ суровый».

XXXIX.

— «Ахъ, спойте же, пожалуйста, слова,
 Которыя вы сами сочинили»,
 Воскликнулъ лордъ съ улыбкою. Едва
 Всѣ гости то извѣстье получили,
 Какъ каждый началъ леди умолять
 Талантъ свой музыкальный показать,
 Пѣвицы и поэта дарованье...
 Все общество сидѣло въ ожиданьи.

XL.

Минута въ колебаніи прошла...
 Въ притворствѣ есть свое очарованье,
 Но вотъ хозяйка взоръ свой подняла
 И, возбуждая общее вниманье,
 Вдругъ подь аккорды арфы золотой
 Она запѣла съ дивной простотой;
 Ту простоту мы въ пѣньи цѣнимъ мало,
 Но въ ней есть то, что всякаго плѣняло.

1.

Бойтесь чернаго монаха!
 Посреди полночной тьмы
 Сѣвъ на камень, прежнимъ годамъ
 Распѣваетъ онъ псалмы.
 Гордый лордъ, владѣтель замка,
 Всѣхъ монаховъ выгналъ прочь,
 Но одинъ монахъ остался
 Строгій, сумрачный, какъ ночь.

2.

Въ силу воли королевской
 Онъ — владыка здѣшнихъ плитъ,
 И за дерзость въ прахъ и пепель
 Этотъ замокъ обратить.
 Онъ одинъ живетъ въ аббатствѣ ..
 Появлялся онъ очамъ
 То на паперти, то въ церкви,
 Но являлся по ночамъ.

3.

Зло иль радость онъ вѣщаетъ?
 Знать того никто не могъ,
 Но приютъ Амондевиллей
 Днемъ и ночью онъ стерегъ.
 Къ ложу брачному подходитъ
 Онъ въ день свадьбы... Иногда
 Умиравшихъ навѣщаетъ,
 Но не плачетъ никогда.

4.

Предъ какимъ нибудь несчастьемъ
 Постоянно въ часъ ночной
 Бродитъ онъ изъ залы въ залу,
 Озаряемый луной.
 Подъ широкимъ капуциномъ
 Скрытъ монахъ всегда отъ насъ,
 Только блещетъ въ складкахъ черныхъ
 Пара огненная глазъ.

5.

Бойтесь чернаго монаха!
 Онъ единый властелинъ
 Стѣнъ стариннаго аббатства
 И оставшихся руинъ.
 Днемъ — здѣсь власть Амондевиля,
 Ночью — онъ одинъ блуждалъ
 И никто изъ всѣхъ вассаловъ
 Власть его не отвергалъ.

6.

Если ходитъ онъ по заламъ —
 Не тревожьте старика:
 Онъ скользнетъ предъ вами молча,
 Одинокій, какъ тоска.
 Кто бы ни былъ черный странникъ
 Проживающій въ глуши,
 Вознесемъ молитвы къ небу
 За покой его души.

XLI.

Пѣвица смолкла, арфы стихнулъ звукъ;
 Минуту просидѣли всѣ въ молчаньѣ,
 Потомъ, какъ сговорившись, всѣ вокругъ,
 Пѣвицы поощряя дарованье,
 Пустились аплодировать, хвалить,
 Что можетъ, хоть кого подъ часъ смутить,
 А робкая пѣвица очень мало
 Себя похвалъ достойной признавала.

XLII.

Таланту своему цѣны большой
 Не придавала леди Аделина.
 Она умѣла пѣть и пѣть съ душой,
 Но занималась пѣньемъ иль отъ сплина,
 Иль просто для забавы; но, порой,
 Желала показать своей игрой,
 Что если бы она того хотѣла,
 То сдѣлаться могла артисткой смѣло.

XLIII.

Но это значить — (мудрость эту чту)
 Унизить гордость мудраго Платона,
 Чтобъ болѣе возвысить гордость ту.
 Такъ циникъ мудреца во время оно
 Желалъ прогнѣвать выходкою злой,
 Но прозванный «аттической пчелою»³
 Мудрецъ въ своемъ отвѣтѣ, безъ сомнѣнья,
 Нашелъ себѣ двойное возвышенье.

XLIV.

Такъ леди, простоту во всемъ любя,
 Была всегда скромна во всякомъ дѣлѣ
 И выставлять не думала себя.
 Полу-таланты всѣ предъ ней блѣднѣли...
 Одна бездарность только среди насъ
 Привыкла выставляться на показъ,
 Блеснуть желая крошечнымъ талантомъ,
 Подобно разнымъ барышнямъ и франтамъ.

XLV.

О дорогіе наши вечера
 Съ ихъ длинными дуэтами и тріо!...
 О, звуковъ мелодическихъ игра,
 Вы, «Мамма mio!» и «Amor mio!»,
 Съ припѣвомъ: «Lasciami» и Addio!...»
 И «tanti palpiti» et caetera
 И дальней Португаліи рулады
 Ихъ «Tu mi chamas» — пѣть мы часто рады...

XLVI.

А аріи и пѣсни милыхъ скалъ,
 Унылыя шотландскія баллады!...
 Ихъ звуки гдѣ бы путникъ ни слыхалъ,
 Они его смущали; безъ преграды
 Его несла свободная мечта
 Въ гористый край, въ родимыя мѣста...
 Тѣ пѣсни Аделина полюбила
 И пѣла постоянно очень мило.

XLVII.

Она читала много и писать
 Могла стихи, но на бумагу рѣдко
 Переносила ихъ. Ее назвать
 Несправедливо было бы и ѣдко
 За это жрицей «синяго чулка».
 Но Попе (въ ней та слабость велика)
 Она пѣвцомъ великимъ признавала
 И это не стѣсняясь выражала.

XLVIII.

Не такова была Аврора. Ей
 Нельзя найти подобныхъ женщинъ скоро.
 Ее назвать могли бы мы скорѣй
 Шекспировскою женщиной... Аврора,
 Отъ пустоты мірской отрѣшена,
 Была всегда въ себя погружена...
 Проникнуть въ эту душу невозможно:
 Въ ней все такъ глубоко и безтревно.

XLIX.

Ея сіятельство Фицъ-Фолькъ была
 Съ Авророю нисколько не похожа.
 Она, созданье рѣзвое, могла
 Опасной быть въ плеядѣ молодежи;
 Хотя была къ злословію въ ней страсть,
 Но это не великая напасть.
 Всѣ женщины въ злословіи не сдержимы
 И милы тѣмъ земные херувимы.

L.

Поэзіей не бредила она,
 Когда же «Bath Guide» ⁴ ей прочитали,
 Съ Hauley's Triumphs», — была увлечена
 Фицъ-Фолькъ трудомъ поэта, гдѣ печали
 И разныя превратности земли
 Ея судьбу напомнить ей могли...
 Она любила чтеніе сонетовъ
 Съ экспромтами находчивыхъ поэтовъ.

LI.

Рѣшить я не могу теперь — зачѣмъ
 Пропѣла Аделина ту балладу,
 Когда Жуанъ былъ пасмуренъ и нѣмъ...
 Хотѣла ли въ немъ пробудить досаду,
 Иль отогнать безсмысленный испугъ,
 Или развлечь нежданной пѣсней вдругъ?
 Загадку эту я не разрѣшаю,
 Хоть истину, быть можетъ, понимаю.

LII.

Но та уловка пользу принесла:
 Оправился герой нашъ отъ смущенья,
 Поддѣлался, прогнавъ печаль съ чела,
 Подъ общее съ другими настроенье...
 Пусть глупость съ ханжествомъ вокругъ васъ царить
 Примите вы ханжи убогій видъ,
 Накиньте на себя глупцовъ одежды
 И все простятъ вамъ милые невѣжды.

LIII.

Жуанъ затѣялъ бѣглый разговоръ
 И сдѣлался развязенъ, веселья снова.
 Болтала герцогиня разный вздоръ,
 Но въ повѣсти монаха такъ все ново
 Казалось ей, а потому она,
 Желанью любопытному вѣрна,
 Просила рассказать о привидѣннѣ
 И о его загадочномъ явленнѣ.

LIV.

Но все ужь было сказано... Въ глазахъ
 Однихъ — все это только шутки,
 Но у другихъ силенъ къ преданьямъ страхъ,
 Они охотно вѣрятъ въ предрассудки...
 Изъ устъ въ уста переходилъ разсказъ,
 Но Донъ-Жуанъ смущался каждый разъ
 И снова волновался въ тайномъ страхѣ,
 Когда съ нимъ говорили о монахѣ.

LV.

Но пробилъ часъ. Собраніе разбрелось:
 У тѣхъ есть дѣло, тѣхъ влекло бездѣлье...
 Къ тому жь въ тотъ самый день, — вотъ онъ, вопросъ.
 Готовилось великое веселье:
 За замкомъ, въ полѣ травля быть должна,
 Прыжки черезъ барьеры скакуна,
 И бѣшеныхъ борзыхъ шальная свора...
 На зрѣлище отправились всѣ скоро.

LVI.

Межъ тѣмъ картинъ старинныхъ продавецъ,
 И даже обладатель Тиціана,
 Явился въ замокъ лорда. Ловкій льстецъ,
 Онъ клятвой завѣрялъ всѣхъ, безъ обмана,
 Что у него король самъ торговалъ
 Картину Тиціана, капиталъ
 Давалъ большой, но все жь онъ отказался
 И съ дивною картиной не разстался.

LVII.

Но такъ какъ лордъ въ искусствѣ былъ знатокъ,
 То онъ привезъ ее на обсужденье
 И, если бы не тощій кошелекъ,
 То предложилъ бы то произведенье
 Въ подарокъ лорду Генриху тотчасъ...
 И выставивъ картину на показъ,
 Какъ истинный оригиналъ прекрасный,
 Ждалъ отъ него оцѣнки безпристрастной.

LVIII.

Тутъ былъ и архитекторъ. Осмотрѣть
 Пожаловалъ онъ замокъ тотъ старинный,
 Чтобы о немъ понятіе имѣть,
 И тутъ же планъ составилъ очень длинный
 Вновь замокъ перестроить, обновить
 И древность новымъ стилемъ замѣнить.
 Съ своимъ архитектурнымъ вдохновеньемъ,
 Подобный планъ считалъ онъ «возрожденьемъ».

LIX.

Вся перестройка будетъ дешева,
 Не болѣе, положимъ, милліона.
 За то кругомъ стоустая молва
 Промчится по пространству Альбіона
 И лорда вкусъ прославить безъ конца
 По милости роскошнаго дворца,
 И даже всѣ въ грядущемъ поколѣнн
 Имъ любоваться будутъ въ удивленн.

LX.

Два адвоката были также тутъ
 Для предпріятій вотъ какого рода:
 Имъ предстоялъ не очень легкій трудъ —
 Собраніе повинностей съ народа
 Къ тому же, — лордъ былъ тонкій агрономъ, —
 Животныхъ рядъ явился подъ окномъ —
 Свиной, быковъ большихъ и образцовыхъ,
 На конкурсъ сельской выставки готовыхъ.

LXI.

Судьбы своей ждалъ тамъ же браконьеръ;
 Еще была крестьянка молодая
 Въ накидкѣ красной... (Вотъ для всѣхъ примѣръ:
 Повязки той ужь многіе года я
 Не выношу — съ ней связанъ прошлый грѣхъ)
 Двусмысленной загадкою для всѣхъ,
 Двусмысленной загадкой, но не новой,
 Всегда казался этотъ плащъ пунцовый.

LXII.

Едва ли угадать впередъ кто могъ
 Бутылки засмоленной содержанье...
 Объ этомъ пусть рѣшитъ физиологъ,
 А я на то лишь обращаю вниманье;
 Что былъ судьей лордъ Генрихъ, потому
 Констабль могъ приводить всегда къ нему
 Охотниковъ за дичью и виновныхъ
 Въ различныхъ похожденіяхъ любовныхъ.

LXIII.

Судья всегда обязанъ разбирать
 Всѣ случаи различныхъ преступленій;
 Обязанъ птицъ отъ смерти ограждать
 И женщинъ отъ лукавыхъ искушеній.
 По моему, труда ужаснѣй нѣтъ,
 Какъ охранять дѣвицъ цвѣтущихъ лѣтъ
 И куропатокъ въ темныхъ рощахъ дачи...
 Труднѣй еще не знаю я задачи.

LXIV.

Преступница была совсѣмъ блѣдна,
 Хоть по своей природѣ постоянно
 Была всегда румяною она;
 Она теперь блѣднѣла безпрестанно.
 Дитя природы блѣдностью чела
 Свой страхъ и стыдъ лишь выразить могла
 А краска — привилегіей пріятной
 Осталась у одной породы знатной.

LXV.

Съ опущенныхъ рѣсницъ блестящихъ глазъ,
 Порой, слеза горячая спадала
 И эти слезы жгучія не разъ
 Она рукой украдкой вытирала,
 Хотя слезливой вовсе не была.
 Не поднимая блѣднаго чела,
 Вдругъ ставши неподвижнымъ изваяньемъ,
 Она ждала допроса съ содроганьемъ.

LXVI.

Всѣ эти гости были далеки
 Отъ комнатъ, гдѣ всѣ дамы помѣщались.
 Констабль читалъ съ настойки ярлыки
 И пилъ ее. Другіе дожидались
 Въ углу пріемной залы, на крыльцѣ...
 Съ боязнью на испуганномъ лицѣ
 Ждала въ углу крестьянка приговора
 За грѣхъ ея любви, ея позора.

LXVII.

Вы видите, что кромѣ лошадей
 Собакъ, у лорда были и занятья,
 Пристойныя для дѣловыхъ людей...
 Къ тому же, — не хочу позабывать я —
 Въ тотъ день большой готовился обѣдъ.
 Въ условный день недѣли много лѣтъ
 Устроивалъ лордъ Генрихъ пиръ огромный,
 Гдѣ могъ сидѣть и фермеръ самый скромный.

LXVIII.

Въ условный день собирались на банкетъ
 Помѣщики и разные сосѣди
 Для яствъ и усладительныхъ бесѣдъ,
 Но болѣе всего на томъ обѣдѣ,
 (Къ тому являлось множество причинъ)
 Мотивъ всѣхъ разговоровъ былъ одинъ:
 О выборахъ грядущихъ толковали
 И лорду всѣ успѣхи предрекали.

LXIX.

Лордъ Генрихъ къ многимъ средствамъ прибѣгалъ,
 На выборъ успѣхъ имѣть желая,
 А потому сосѣдей угошалъ,
 Въ одномъ шотландскомъ графѣ признавая
 Опаснаго соперника; — тотъ графъ
 Искалъ себѣ такихъ же точно правъ
 И въ округѣ былъ человѣкъ съ вліяньемъ,
 Съ извѣстностью и крупнымъ состояньемъ.

LXX.

А потому-то лордъ во всѣхъ искалъ,
 Чтобъ вызвать одобренье и вниманье;
 Однихъ своею лаской надѣлялъ,
 Тамъ разсыпалъ услуги, обѣщанья.
 Въ послѣднемъ — щедръ особенно былъ онъ,
 Но въ интересъ свой личный погруженъ,
 Не сдерживалъ тѣ обѣщанья часто:
 Ужь такова вельможъ подобныхъ каста.

LXXI.

Свободы другъ, онъ въ то же время былъ
 Правительства почтительнымъ слугою.
 Онъ двойственность такую сохранилъ.
 И, занять лишь отчизной дорогою,
 Всѣхъ увѣрялъ, что занялъ постъ такой,
 Хоть пользы въ немъ не видѣлъ никакой,
 Изъ одного къ закону уваженья...
 Лордъ Генрихъ, выражалъ открыто мнѣнье —

LXXII.

Что духъ нововведеній такъ силенъ,
 Что имъ однимъ лишь держится свобода,
 Но къ мятежу не склоненъ вовсе онъ,
 Хоть жертвовать готовъ всѣмъ для народа;
 Что мѣсто, занимаемое имъ,
 По безпокойству, трудностямъ своимъ,
 Его скорѣе только тяготило,
 Чѣмъ выгоды какія приносило.

LXXIII.

Онъ увѣрялъ, что знаетъ только Богъ,
 Какъ радъ бы онъ отъ службы отказаться
 И кончить жизнь вдали отъ всѣхъ тревогъ,
 Но можно ли отъ дѣла удалиться
 И бросить королѣ въ тѣ дни, когда
 Грозить странѣ кровавая вражда
 И замыслы и планы демагога
 Надѣлать бѣдъ повсюду могутъ много.

LXXIV.

Готовъ онъ былъ отстаивать свой санъ
 И съ кознями враговъ своихъ бороться,
 Но если онъ способенъ на обманъ,
 Пусть отъ него та должность отберется...
 Что, если вдругъ не будетъ должностей,
 Что стѣнется съ страной насчастной всей?
 Какъ двигаться съумѣютъ безъ пружины
 Колеса государственной машины?

LXXV.

Но въ сущности, вліятеленъ, богатъ
 Лордъ могъ бы независимѣй держаться...
 Такъ часто и блудница, и солдатъ
 Свободнѣе, чѣмъ могутъ намъ казаться...
 Нерѣдко мужъ вліятельный иной,
 Заслугами гордясь предъ всей страной,
 Лакея намъ, порой, напоминаетъ,
 Который нищихъ нагло задѣваетъ.

LXXVI.

Такъ, кромѣ фразъ послѣднихъ, размышлялъ
 Лордъ Генрихъ... Кстати мы замѣтимъ,
 Что склоненъ современный либераль
 Къ практическимъ соображеньямъ этпмъ.
 Я развивать бы тему эту могъ,
 Но, чу! гремитъ обѣденный звонокъ...
 Молитву предъ обѣдомъ прочитали...
 Мнѣ самому молиться не пора-ли?

LXXVII.

То былъ парадный, англійскій обѣдъ,
 Обжорства безконечнаго причуда,
 Съ тоской официальной банкетъ,
 Зѣвота и остынувшія блюда,
 Рядъ церемоній, роскошь, пестрота,
 Унылая толпа и пустота;
 Улыбки и движенія лгали дико...
 Скучали всѣ, отъ мала до велика.

LXXVIII.

Помѣщики сидѣли безъ рѣчей,
 Смотрѣли леди гордо-церемонно,
 Не двигая рѣсницами очей;
 И даже слуги какъ-то полусонно
 Бродили межъ столами здѣсь и тамъ,
 Стараясь услужить своимъ гостямъ!..
 Вѣдь за неловкость сдѣланной услуги
 Рискуютъ мѣстъ лишиться наши слуги.

LXXIX.

Тамъ были первокласные стрѣлки,
 Охотниковъ, наѣздниковъ десятокъ!...
 Неутомимы въ полѣ и легки,
 Они стрѣляли мѣтко въ куроцатокъ.
 Тамъ изъ духовной паствы не одинъ
 Былъ жирный собиратель десятинокъ,
 Веселыя духовныя особы,
 Живущія усладою утробы.

LXXX.

Тамъ были лѣтнихъ дачъ весельчаки
 И горожане, съ видомъ ихъ сердитымъ...
 Испытывалъ весь ужасъ я тоски
 Въ тотъ день, усѣвшись рядомъ съ Пьеромъ Питомъ,⁵
 Съ оракуломъ великимъ нашихъ дней,
 Несноснымъ сыномъ родины моей.
 То былъ острякъ, безъ умолку кричавшій
 И всѣхъ своихъ сосѣдей оглушавшій.

LXXXI.

Я зналъ его въ пныя времена.
 Блестящій и находчивый обжора,
 Онъ разбудилъ бы мертваго отъ сна
 Забавными остротами, но скоро,
 Занявши вдругъ высокій, важный постъ,
 Не могъ онъ предложить веселый тостъ
 И, сдѣлавшись жрецомъ викаріата,
 Веселость потерялъ онъ безъ возврата.

LXXXII.

Онъ часто проповѣдывалъ — шутя,
 Шутилъ онъ — проповѣдуя... Тѣ годы
 Исчезли бесполезно улетя.
 Въ его душѣ ужъ нѣтъ былой свободы;
 Лишь грубостью натянутыхъ остротъ
 Онъ могъ бы разсмѣшить теперь народъ
 И вызвать хохотъ черни лишь одною
 Циническою шуткой площадною.

LXXXIII.

Есть разница, — какъ пѣсня говорить, —
 Межъ корелевой гордою и нищей,
 Есть разница въ чинахъ духовныхъ; Брѣтъ
 Сочтеть ростбифъ гораздо лучшей пищей
 Похлебки древней Спарты, хоть она
 Питательна могла быть и сытна:
 Хоть, можетъ быть, герои ей питались,
 Но англичане ей не увлекались.

LXXXIV.

Но большаго различья въ мірѣ нѣтъ,
 Какъ разница межъ городомъ и дачей...
 Для горожанъ, привыкшихъ съ дѣтскихъ лѣтъ
 Въ гоньбѣ за честолюбьемъ иль удачей
 Безцвѣтно жизнь и силы убивать,
 Жизнь городская можетъ замѣнять,
 Подъ суматоху вѣчнаго движенья,
 Покой села и миръ уединенья.

LXXXV.

Впередъ... Непостоянная любовь
 Скучаетъ на обѣдахъ очень длинныхъ...
 Играетъ больше въ сердца нашемъ кровь
 За завтракомъ безъ всѣхъ обрядовъ чинныхъ.
 Вакхъ и Церера — пища и вино
 Съ Венерою въ ладу живутъ давно.
 Умѣренность Венеру восхищаетъ,
 Но долгій постъ всегда ее пугаетъ.

LXXXVI.

Томительно прошелъ большой обѣдъ.
 Жуанъ сидѣлъ разсѣянный, смущенный.
 Ужъ дважды говорилъ ему сосѣдъ,
 Небрежностью Жуана удивленный,
 Чтобъ передалъ тарелку съ рыбой онъ,
 Но въ собственную думу погруженъ,
 Подъ звонъ ножей и общій гулъ обѣда
 Жуанъ не подиалъ взгляда на сосѣда.

LXXXVII.

При третьемъ заявленіи Жуанъ
 Опомнился, замѣтилъ вокругъ улыбки,
 Вдругъ поблѣднѣлъ и снова сталъ румянъ...
 Отдѣлаться желая отъ ошибки
 (Смѣхъ дураковъ обиднѣй всѣхъ обидъ),
 Жуанъ исполнить просьбу ту спѣшитъ
 И въ торопяхъ отрѣзалъ онъ полъ-рыбы
 Для лѣваго сосѣда. Мы могли-бы

LXXXVIII.

Ошибку эту гостю извинить,
 Но тѣ, кому осталось рыбы мало,
 Жуана не стѣснились укорить.
 И многихъ лордовъ очень удивляло
 (Понятна благородная ихъ злость),
 Какъ могъ быть приглашенъ подобный гость,
 Котораго неловкости смѣшили...
 За это лорда Генриха винили.

LXXXIX.

Они бы, я такъ думаю, тотчасъ
 Перемѣнили гнѣвъ на сожалѣнье,
 Когда бъ Жуанъ имъ передалъ рассказъ
 О видѣнномъ имъ ночью привидѣнѣ;
 Хоть этотъ фантастическій прологъ
 Едвали гармонировать бы могъ —
 Съ ихъ обществомъ до-нельзя прозаичнымъ.
 И занятымъ теперь столомъ отличнымъ.

ХС.

Но не лукавыя улыбки или взоръ
 Помѣщиковъ Жуана удивили,
 Не взгляды ихъ сожительницъ, сестеръ...
 (Его успѣхи въ сферѣ женщинъ были
 Извѣстными для дачнаго кружка,
 Гдѣ всякій наблюдалъ изподтишка
 За каждымъ словомъ, взглядомъ и движеньемъ
 И приходилъ къ различнымъ заключеньямъ).

ХСІ.

Жуанъ не ими вовсе былъ смущонъ,
 Но онъ поймалъ одной Авроры взгляды,
 Замѣтилъ въ ней одну улыбку онъ
 И скрыть тогда не могъ своей досады.
 Какъ смыслъ улыбки этой разгадать?
 Она любви не можетъ обѣщать,
 Въ ней нѣтъ той западни и той уловки,
 Въ которыхъ такъ кокетки наши ловки.

ХСІІ.

Была улыбка строго-холодна,
 Играло въ ней какъ будто удивленье,
 Въ ней жалость чуть замѣтная видна...
 Испанецъ вспыхнулъ разомъ отъ смущенья
 И это вовсе было не умно:
 Когда вниманье намъ подарено,
 Подарено красавицы вниманье,
 То нѣтъ совсѣмъ причинъ для содраганья.

ХСІІІ.

Но вотъ бѣда: съ своей же стороны
 Не покраснѣла вовсе миссъ Аврора.
 Ея движенья также холодны.
 Въ стыдливости, не опуская взора,
 Она глаза лишь только отвела
 И блѣдность на лицо ея легла...
 Ея лицо прозрачный цвѣтъ имѣло,
 Но краскою румянца не алѣло.

ХСІV.

А между тѣмъ, въ средѣ своихъ гостей
 Хозяйкой Аделина появлялась;
 Съ очарованьемъ ласковыхъ рѣчей
 Она съ толпой вельможной занималась.
 Всѣмъ женщинамъ не мало есть труда
 До выборовъ парламентскихъ, когда,
 Въ заботахъ иль о мужѣ иль о сынѣ,
 Онѣ гостей плѣняютъ и до нынѣ.

ХСV.

Роль эта въ нравахъ женщинъ англичанъ;
 Играть ее — вошло у насъ въ обычай...
 Когда жъ смотрѣлъ на леди Донъ-Жуанъ,
 Она, безъ нарушенія приличій,
 Скучающій ему бросала взоръ
 И вновь вступала въ бѣглый разговоръ,
 А въ Донъ-Жуанѣ мысль тогда мелькала:
 Ужели въ Аделинѣ правды мало?

XCVI.

Но не была притворщицей она.
 Въ ней просто кровь струилась очень скоро;
 Съ живымъ воображеньемъ рождена,
 Она мѣнялась въ блескъ разговора,
 И если ложь какая въ ней была,
 То отъ избытка правды. Въ ней жила
 Та сила и та свѣжесть впечатлѣнья,
 Которая рождаетъ вдохновенье.

XCVII.

Вотъ что рождаетъ гаеровъ, пѣвцовъ,
 Парламентскихъ ораторовъ, артистовъ,
 И — никогда почти что мудрецовъ —
 И очень рѣдко ловкихъ финансистовъ,
 Хоть казначейства канцлеры, порой,
 Въ глаза пускаютъ пыль такой игрой:
 Пересыпаютъ цифры очень ловко
 Метафорами... Чудная сноровка!...

XCVIII.

Поэты въ математикѣ, они,
 Что дважды два есть пять, не доказали,
 Хотя это очень можно въ наши дни,
 За то нерѣдко храбро увѣряли,
 Что три равняется можетъ четыремъ.
 Поймемъ мы это, если разберемъ
 То, что даютъ они и получаютъ,
 И отчего долговъ не покрываютъ.

ХСІХ.

Въ то время, граціозна и мила,
 Фицъ-Фолькъ хитро на общество смотрѣла.
 Она — благовоспитанна была,
 А потому улыбку скрыть умѣла,
 Но все, что было странно и смѣшно,
 Лукавая шалунья ужь давно
 Ловила на лету и забавлялась
 Безмолвно всѣмъ, что ей смѣшнымъ казалось.

С.

Но день прошелъ, какъ всѣ проходятъ дни.
 И вечеръ конченъ. Поданы кареты,
 Провинціалы съ женами (они
 Неловкостью смущаютъ всѣ 'банкеты)
 Раскланялись и покидали залъ.
 И уходя, любой провинціалъ
 Расхваливалъ обѣдъ, десертъ и вина
 А главное — любезность Аделины.

СІ.

Тотъ въ ней былъ очарованъ красотой,
 Тотъ граціознымъ видомъ восхищался,
 Радушіемъ и гордой простотой...
 Духъ зависти предъ нею усмирался.
 А какъ хорошъ на леди былъ нарядъ!
 Вкругъ стана граціознаго лежатъ
 Въ изящномъ и красивомъ беспорядкѣ
 Одеждъ ея раскинутыя складки.

СII.

А леди въ это время всѣхъ гостей
 По косточкамъ съ досады разбирала,
 Наружность ихъ, манеры, складъ рѣчей,
 Комизмъ дѣтей и женъ провинціала,
 Ужасныя ужимки зрѣлыхъ дѣвъ,
 Ихъ странный видъ, ихъ фразы на распѣвъ,
 Причесокъ удивительныхъ громады,
 Ихъ неуклюжесть, тонъ и ихъ наряды.

СIII.

Она дразнить всѣхъ тонко начала
 И поводъ къ эпиграммамъ подавала.
 Такъ часто Аддисона похвала
 Язвительнѣй сатиры убивала...
 Пріятно намъ честь друга защитить,
 Когда начнутъ при насъ его бранить...
 Друзья мои! Мою вы просьбу знайте:
 Меня вы никогда не защищайте.

СIV.

Въ огнѣ тѣхъ не смолкающихъ острогъ
 Участвовать лишь двое не желали:
 Аврора и Жуанъ... Хоть въ свой чередъ
 Жуанъ трунилъ надъ ближнимъ безъ печали
 И былъ нерѣдко веселъ и игривъ,
 Но въ этотъ разъ сидѣлъ онъ молчаливъ.
 Повсюду смѣхъ и говоръ раздавался,
 Но онъ на нихъ ничѣмъ не отвывался.

CV.

Онъ почему-то вдругъ вообразилъ,
 Что миссъ его безмолвно одобряла,
 За то что онъ теперь безмолвенъ былъ.
 Она ту молчаливость объясняла
 Гуманностью Жуана, можетъ быть...
 Умѣя взоръ Авроры уловить,
 Онъ былъ доволенъ тѣмъ предположеньемъ
 И думалъ въ ту минуту съ восхищеньемъ,

CVI.

Что призракомъ напуганъ, самъ былъ онъ
 Какъ призракъ нѣмъ, за что въ минуты эти
 Вниманіемъ той женщины смущенъ,
 Которой онъ не видѣлъ лучше въ свѣтѣ.
 Аврора воскресила въ немъ любовь,
 Которая такъ рѣдко сходитъ вновь —
 Любовь въ ея божественномъ сіяньи,
 Высокую и въ счастья, и въ страданьи.

CVII.

То лучшая любовь минувшихъ лѣтъ,
 Когда для насъ вся жизнь — еще загадка
 И не знакомъ мишурный славы бредъ,
 Когда такъ упоительно и сладко
 На насъ глаза любимые глядятъ...
 Такой любви намъ не вернуть назадъ,
 Съ ней наша юность милая умчалась
 И только память прошлаго осталась ..

CVIII.

О кто вздохнувъ не скажетъ среди насъ,
 Воскликнувши: «Увы! Увы! Cytherée!»
 Становится блѣднѣй за часомъ часъ
 Звѣзда Діаны съ звѣздочкой Венеры
 И гаснетъ, покидая небосклонъ...
 Одинъ сѣдой пѣвецъ Анакреонъ
 Зеленый миртъ сплеталъ съ стрѣлой Ероta...
 Но все-жъ любовь мы цѣнимъ отчего-то...

CIX.

Весь отдаваясь сладостнымъ мечтамъ,
 Жуанъ ушелъ къ себѣ въ началѣ ночи.
 Онъ спать не могъ; не подчиняясь снамъ,
 Не закрывались пламенные очи.
 Рой свѣтлыхъ улыбающихся грезъ
 Отъ изголовья сонъ его унесъ;
 И были нѣжны, сладки эти грёзы,
 Какъ первой страсти огненные слезы.

CX.

Вторая ночь — какъ первая была.
 Жуанъ раздѣлся въ спальнѣ совершенно,
 Надѣлъ халатъ... И вотъ ночная мгла,
 Покой, гдѣ было все уединенно,
 Напомнили ему былую ночь...
 Тревоги онъ не можетъ превозмочь
 И ждетъ теперь вторичнаго явленья
 Знакомаго монаха привидѣнья.

СХІ.

Онъ слушаетъ и что же? — Тише! Чу!..
 Я слышу вновь шаги у кабинета...
 Вотъ-вотъ — опять!.. Я слышу, не шучу!..
 Тѣфу пропасть!.. Напугала кошка эта...
 Она идетъ, отыскивая крысъ,
 Какъ легкій духъ, какъ трепетная миссъ,
 Идущая на первое свиданье
 Украдкой, затаивъ свое дыханье.

СХІІ.

Опять! — Что жъ это? Вѣтеръ, что-ли? Нѣтъ,
 Опять монахъ идетъ походкой строгой,
 Какъ хорошо риѣмованный куплетъ...
 Закутана таинственною тогою,
 Среди всеобщей, мертвой тишины,
 При матовомъ сіяніи луны,
 Того гляди, что встанетъ тѣнь монаха...
 Въ Жуанѣ кровь застыла вдругъ отъ страха.

СХІІІ.

Вотъ до него донесся рѣзкій звукъ —
 Какъ сильный дождь во время непогоды...
 Жуанъ сильнѣе чувствуетъ испугъ...
 Кто вѣритъ въ тайны міра и природы,
 Кто вѣруетъ въ безсмертіе души,
 Тѣхъ этотъ шумъ таинственный въ тиши
 Наводитъ вдругъ на мысль о привидѣньѣ
 И пробуждаетъ странное смятенье.

СХІV.

Жуанъ стоялъ раскрывъ глаза и ротъ.
 Нерѣдко страхъ насъ дѣлаетъ смѣшными;
 Съ открытымъ ртомъ ступаемъ мы впередъ
 Какъ будто бы съ рѣчами заказными...
 Но шумъ все приближался, выросалъ...
 Замѣтилъ я, что ротъ раскрывъ, стоялъ
 Жуанъ у двери... Что жъ потомъ открылось?
 Дверь... въ спальнѣ Донъ-Жуана отворилась.

СХV.

Она раскрылась съ адскимъ трескомъ, какъ
 Дверь ада: «Lasciate ogni speranza
 Voi che entrate!» Звучали петли такъ,
 Какъ этотъ стихъ поэта-итальянца.
 Или какъ стихъ... но слабы всѣ слова,
 А сила привидѣнья такова,
 Что каждый затрепещетъ передъ нею
 Со всей земною немощью своею.

СХVІ.

Дверь отворилась, но не быстро... Вдругъ
 Закрылись обѣ половинки снова
 И стихло понемногу все вокругъ,
 Лишь факелы бросали свѣтъ сурово
 И тѣни колебались на стѣнахъ,
 А на порогѣ комнаты монахъ
 Угрюмо капюшономъ прикрывался
 И предъ Жуаномъ молча поднимался.

СХVII.

Жуанъ сначала дрогнулъ, но потомъ
 Подумалъ: нѣтъ-ли просто тутъ обмана?
 Сомнѣніе проснулось скоро въ немъ,
 Осливши смущенье Донъ Жуана.
 Онъ дрожь въ себѣ старался удержать
 И сталъ довольно смѣло рассуждать,
 Что плоть съ душой поспорить могутъ смѣло
 И выдержать приходъ души безъ тѣла.

СХVIII.

Въ досаду въ немъ преобразился страхъ,
 Онъ двинулся къ монаху безъ смущенья
 И отъ него отпрянулъ прочь монахъ.
 Потомъ остановилось привидѣнье
 И погрозило молча, а за тѣмъ,
 Недвижимъ, точно статуя, и нѣмъ,
 Тотъ призракъ у стѣны остановился...
 Его рукой дотронуться рѣшился —

СХIX.

Жуанъ — и что жъ? О, чудо изъ чудесъ —
 Подъ пальцами не ощутилъ онъ тѣла,
 Хоть самый духъ отъ взгляда не исчезъ,
 Но подъ рукой Жуана холодѣла,
 Полночною луной озарена,
 Античная, недвижная стѣна.
 Въ подобномъ чудѣ храбрость не поможетъ
 И каждый испугаться тѣни можетъ.

СХХ.

А тѣнь стоитъ... Глаза ея лица
 Напоминали блескомъ очень мало
 Безцвѣтность глазъ недвижныхъ мертвеца ..
 Какъ ароматно эта тѣнь дышала!..
 Изъ подъ покрыва доконъ выпадалъ
 И между устъ коралловыхъ блисталъ
 Рядъ перловъ съ самой нѣжной бѣлизною,
 Случайно озаренныхъ вдругъ луною.

СХХІ.

Жуанъ другую руку протянуть
 Рѣшился, снова дрогнувъ отъ испуга:
 Рукой онъ ощущаетъ чью-то грудь...
 Грудь теплая волнуется... упруга...
 Онъ понялъ, что ошибся въ первый разъ,
 Когда луна вдругъ въ стѣну уперлась,
 Не тронувши прекраснаго видѣнья,
 Стоявшаго такъ близко въ то мгновенье.

СХХІІ.

Тотъ призракъ, — если это призракъ былъ, —
 Видѣніемъ божественнымъ казался.
 Едва ли духъ безплотный тайныхъ слгъ
 Подъ капюшономъ траурнымъ скрывался.
 Свалился плащъ и въ блескъ красоты
 Открылись вдругъ знакомыя черты

И стройный станъ фигуры сладострастной
Фицъ-Фолькъ, шалуньи рѣзвой и прекрасной.

Д. Минаевъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ «ДОНЪ-ЖУАНУ».

ПѢСНЯ СЕДЬМАЯ.

1) Переводчикъ счелъ за лучшее сохранить правописаніе всѣхъ русскихъ именъ въ томъ же самомъ видѣ, какъ у Байрона.

2) Джемсъ Томсонъ — извѣстный англійскій поэтъ, авторъ поэмы «The seasons» («Времена года»).

3) Здѣсь намѣкъ на Смиса, одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи «Love laughs at Locksmiths».

4) Лонгменъ и Муррей — извѣстные лондонскіе книгопродавцы-издатели.

5) «Письма и размышленія австрійскаго фельдмаршала Карла Іосифа принца де Линя, изд. баронесою Сталь фонъ Гольштейнъ». Два тома. 1809 года.

6) «L'amiral Ribas declara en plein conseil, que ce n'etait qu'en donnant l'assaut qu'on obtiendrait la place: cet avis parut hardi, on lui opposa mille raisons, auxquelles il repondit par de meilleures». («Histoire de la Nouvelle Russie», р. 205.)

7) Вотъ какъ описываетъ характеръ Потемкина графъ Сегюръ, который его зналъ коротко: «Онъ совмѣщалъ въ себѣ самыя противоположныя недостатки и достоинства. Онъ былъ скупъ и тщеславенъ, властолюбивъ и услужливъ, подозрителенъ и довѣрчивъ, вольнодуменъ и суевѣренъ, смѣлъ и застѣнчивъ, честолюбивъ и нескромненъ; щедрый

въ отношеніи своихъ родственниковъ, любовницъ и любимцевъ, онъ часто не платилъ ни своей прислугѣ, ни кредиторамъ».

8) Любимая поговорка у англичанъ: «Damn mine eyes» (да будутъ прокляты мои глаза), употребляемая въ томъ случаѣ, если они хотятъ убѣдить кого нибудь въ справедливости своихъ словъ.

9) Фигуральное выраженіе, заимствованное изъ библии.

ПѢСНЯ ВОСЬМАЯ.

1) «Toutes les colonnes etaient en mouvement; celles qui attaquaient par eau, commandées par le general Arsenieff, essuyerent un feu epouvantable, et perdirent avant le jour un tiers de leurs officiers».

(«Histoire de la Nouvelle Russie».)

2) Герцогъ Ришельё, основатель Одессы.

3) «Le brigadier Markoff, insistant pour qu'on emportat le prince blessé reçut un coup de fusil, qui lui fracassa le pied».

(«Histoire de la Nouvelle Russie», t. 3, p. 210.)

4) «Это фактъ: загляните въ газетныя извѣстія о ватерлоскомъ сраженіи. Я помню, что замѣтилъ тогда одному изъ своихъ друзей: «Вотъ вамъ слава! Человѣкъ убитъ, его имя Гросъ, а напечатано Гровъ». Я былъ въ школѣ вмѣстѣ съ покойнымъ: это былъ весьма любезный и умный человѣкъ, обществомъ котораго весьма дорожили, благодаря его уму, веселости и «chansons à boire». — *Примѣчаніе Байрона.*

5) Эринъ — поэтическое названіе Ирландіи, что означаетъ — зеленый островъ.

6) Намѣкъ на одну португальскую пословицу, которая говоритъ, что «адъ вымощенъ добрыми намѣреніями».

7) «Въ то время какъ Цезарь, вовсе не ожидая нападе-

нiя, укрѣплялъ свой лагерь, нервiйцы, въ числѣ шестидесяти тысячъ, внезапно ударили на него. Разбивъ сначала его конницу, они окружили седьмой и двѣнадцатый легiоны, причемъ были перебиты всѣ начальники. Если бы Цезарь не выхватилъ у воина щитъ и, проложивъ себѣ дорогу сквозь толпу сражавшихся, не бросился лично на варваровъ, и если бы десятый легiонъ, видя опасность, которой онъ подвергался, не ринулся съ холмовъ, гдѣ онъ былъ расположенъ, и не опрокинулъ непрiятельскихъ рядовъ, ни одинъ римлянинъ не пережилъ бы этой битвы». («Жизнь Цезаря» Плутарха.)

8) Монаху Бѣкону приписываютъ первое изобрѣтенiе пороха.

9) Генераль-майоръ Борисъ Петровичъ Ласси, во время измаильскаго приступа, командовалъ второю колонною праваго фланга и первый взошелъ на стѣны крѣпости.

10) Здѣсь Байронъ намекаетъ на слѣдующее мѣсто изъ 1-й части «Генриха Четвертаго» Шекспира:

Глендоверъ.

Я духовъ вызываю изъ пучины.

Готспоръ.

Да, вызывать ихъ можно — только врядъ ли
Являются они на твой призывъ.

(«Шекспиръ», изд. Некрасова и Гербея, т. II, стр. 424.)

11) Пистоль — одно изъ дѣйствующихъ лицъ хроникъ Шекспира: «Генрихъ Четвертый» и «Генрихъ Пятый».

12) Каупера.

13) Генераль Даниилъ Бунъ былъ основателемъ перваго поселенiя въ Кентуки (въ Сѣверной Америкѣ). Проживши тамъ тридцать лѣтъ, онъ удалился, когда увидѣлъ, что пустыня стала заселяться, и пошелъ искать за триста миль другихъ степей, другихъ лѣсовъ, еще не издавшихъ челоуѣка.

ПѢСНЯ ДЕВЯТАЯ.

4) Такъ называется его Беранже:

Faut qu'lord Villainton ait tout pris,
N'y a plus d'argent dans c'gueux de Paris.

2) Игра словъ. Въ текстѣ стоитъ слово «Nay» (нѣтъ); въ выноскѣ же Байронъ замѣчаетъ: «не должно ли читать Ней (Neu)?» Это намѣкъ на убійство маршала Нея по приговору палаты пэровъ, не смотря на то, что капитуляція была подписана герцогомъ Веллингтономъ и маршаломъ Дау.

3) Лордъ Киннердъ былъ большимъ поклонникомъ Наполеона, вслѣдствіе чего получилъ въ 1816 году приказаніе выѣхать изъ Франціи. Впослѣдствіи онъ былъ замѣшанъ въ заговоръ на жизнь герцога Веллингтона, вмѣстѣ съ нѣкимъ Маринетомъ, который былъ однако оправданъ судомъ присяжныхъ.

4) Слова Макбета, обращенныя къ одному изъ убійцъ Банко. («Макбетъ», дѣйствіе III, сцена IV.)

5) Наполеонъ умеръ отъ рака въ желудкѣ.

6) Горацій.

7) Томимый нерѣшительностью, Пиронъ сомнѣвался во всемъ, никогда не дѣлалъ заключенія и какъ бы тщателью ни изслѣдовалъ фактъ, все-таки кончалъ тѣмъ, что сомнѣвался въ его достовѣрности.

8) Въ «Отелло» Шекспира. (Дѣйствіе II, сцена III.)

9) Слова Гамлета (дѣйствіе V, сцена II): «Я смѣюсь надъ предчувствіями: и воробей не погибнетъ безъ воли Провидѣнія».

(Шекспиръ), изд. Некрасова и Гербея, т. II, стр. 64)

10) *Ликантропія* — извѣстнаго рода умопомѣшательство, превращающее людей въ бѣшеныхъ животныхъ.

11) «Въ Греціи я нигдѣ не видѣлъ и не слышалъ этихъ животныхъ, тогда какъ въ Эфесѣ я ихъ видѣлъ и слышалъ сотнями». — *Байронъ*.

12) Надиръ-Шахъ, одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ государей новой Персіи, былъ убитъ заговорщиками (4 іюля

1747 года) за свои деспотическія дѣйствія, происходившія отъ несваренія желудка, что приводило его въ ярость, близкую къ сумасшествію.

¹³⁾ Слова Гамлета.

¹⁴⁾ Doctor's Commons, консисторіальный судъ, въ которомъ совершаются разводы.

¹⁵⁾ «Teterrima causa belli». (См. «Сатиры» Горация, кн. I, сат. 3.)

¹⁶⁾ Извѣстное донесеніе Суворова:

«Слава Богу, слава вамъ!

Туртукай, взять и я тамъ».

ПѢСНЯ ДЕСЯТАЯ.

¹⁾ Тиберій Гракхъ, будучи народнымъ трибуномъ, требовалъ исполненія аграрныхъ законовъ (Lex agraria), по которымъ у всѣхъ, владѣвшихъ извѣстнымъ количествомъ земли, слѣдовало отнять лишнія земли въ пользу бѣдныхъ гражданъ.

²⁾ Балъи и Ольбернети — фамиліи медиковъ, лечившихъ лорда Байрона.

³⁾ Принцъ де Линь, сопровождавшій императрицу Екатерину въ ея путешествіи по южнымъ провинціямъ, рассказываетъ о немъ слѣдующія подробности: «Въ продолженіи нѣсколькихъ дней мы ѣхали непрерывными степями, прежде обитаемыми враждебными татарами, а нынѣ покоренными оружіемъ ея Величества и украшенными на каждой станціи великолѣпными шатрами, въ которыхъ мы находили завтракъ, обѣдъ, ужинъ и ночлегъ, причемъ нашъ лагерь, украшенный со всею пышностью азіатской роскоши, каждый разъ представлялъ величественное военное зрѣлище».

⁴⁾ Восклицаніе Наполеона въ Elysée Bourbon 23-го іюня 1815 года.

⁵⁾ Кантъ, знаменитый основатель новаго философскаго ученія, родился въ Кёнигсбергѣ, 22-го апрѣля 1724 года; умеръ тамъ же въ 1804 году.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе къ VII и VIII пѣснямъ	7

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Романъ въ стихахъ.

Пѣсня седьмая	11
Пѣсня восьмая	41
Пѣсня девятая	89
Пѣсня десятая	109
Пѣсня одиннадцатая	139
Пѣсня двѣнадцатая	169
Пѣсня тринадцатая	199
Пѣсня четырнадцатая	237
Пѣсня пятнадцатая	271
Пѣсня шестнадцатая	305
Примѣчанія къ «Донъ-Жуану»	349
Списокъ русскихъ переводовъ «Донъ-Жуана»	361